



И.Е. Забелин

## Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. (Третье издание с дополнениями), 1895

### Глава V. Дворцовые забавы, увеселения и зрелища

Структурированные фрагменты [[19.234](#)]

Идея аскетизма.....	2
Языческие скачки на конях и шахматы .....	8
Общество как институт пустынножительства .....	8
Мирские весёлости недостойны, поэзия заглушена. Но не трапеза и питье .....	12
Низведение общества к огрубению, до степени прямого животного .....	13
РПЦ и Потешная палата.....	15
Придворные шуты (дураки) .....	16
Дураки царя Михаила Фёдоровича; их одежда.....	20
Дураки и дурки царицы.....	21
Дураки царя царя Алексея Михайловича .....	22
Шуты Петра I .....	22
Творчество дураков .....	24
Сказки, повести, небылицы .....	28
Писатель — это еретик, кощунник .....	30
Народная поэзия. Скоморохи (т.е. весёлые).....	31
Музыка. Потешные хоромы. Музыкальные инструменты.....	34
Кукольная комедия, фигляры, фокусники .....	36
Канатные плясуны.....	37
Потешники и творимые ими утехы .....	38
Охота под аскетическим молчанием .....	40
Кратко о музыке .....	40
Отстройка теократического государства: дворец становится монастырём.....	41
Верховые нищие—отпевальщики.....	45
Карлы и карлицы.....	46
Медвежья потеха .....	49
Львиная потеха .....	56
Слоны и северные олени в Кремле .....	56



Придворный театр.....	57
Первый русский театр (Преображенский театр).....	60
Синописис библейской история Есфирь; популярные пьесы .....	62
Комедия Юдифь и проч. при царе Алексее.....	71
Примечания редактора издания .....	77

\* \* \*

## Идея аскетизма

Вникая в основные стихии старого русского быта, нельзя не признать той истины, что руководящим началом нашей образованности в допетровское время была византийская идея аскетизма. Как образ наилучшей, наиболее добродетельной жизни, эта идея везде и всегда возвышала свой учительный перст, направляя каждый шаг и каждую мысль человека к своим целям. Мир русской мысли, мир русского чувства был всесторонне закрепощен этому строгому оберегателью жизни; лишен воли, прирожденной всякому живому существу, лишен всех живых движений развития и совершенствования. Суровый дидаскал целые века твердил одно: он отрицал, отвергал мирское удовольствие, т. е. всю совокупность поэтических стремлений человеческой природы, и со стороны ума, и со стороны чувства. Он отринул таким образом целую область человеческих эстетических созерцаний, обширнейшую область поэтического и эстетического творчества, которым обыкновенно живет, держится и управляется повседневное общежитие человека, которым образуются и устраиваются его нравы и обычаи, именно в человеческом, а не в одном животном только смысле, как неизменно всегда выходит, когда притесняются и порабощаются силы духовные.

Человечность общежития вполне и непосредственно зависит от степени свободы, и умственной, и нравственной, какая достается на долю народного развития; разврат общежития является всегда последствием угнетения человеческой природы, и именно последствием угнетения ее духовных и потому самых жизненных начал, каковы все эстетические интересы чувства и философские интересы ума.

Философские интересы ума питаются наукою, или иначе полною свободою знания; эстетические интересы чувства питаются искусством, или, иначе, полною свободою творящей силы человека, в чем бы она ни выразилась: в мелочах наряда, в домашней обстановке, в какой-либо забаве и увеселении, в песне, сказке, побасенке, или в созданиях, которые исключительно и специально присваиваются области искусства. Древнерусское общежитие из своей первобытной непосредственности попало прямо под бичевание византийской аскетической идеи, отвергавшей на всех путях и свободу знания, и свободу творчества.



Поставленное сразу в тесные и суровые пределы аскетических требований, древнерусское общество лишилось возможности продолжать развитие своего первозданного, бессознательного быта путем собственной самодеятельности, путем собственного свободного творчества. Взамен младенческих пеленок, которые, при естественном ходе развития, свалились бы сами собою, оно было перевязано по рукам и по ногам узами — веригами иной культуры, вовсе не сообразной с его младенческой природой. Оно получило талант и вместе с ним строгий наказ зарыть его в землю, дабы сохранить в целостности. Прошли столетия в этом усердном зарывании полученного таланта, и молодая жизнь постоянно оставалась с теми же своими первозданными языческими началами и формами, которые от времени, теряя прирожденный им смысл наивной непосредственности, еще больше дичали.

Лучшие силы человеческого развития были не только запрещены, но даже и прокляты. Мир свободной науки был проклят, как мир ереси и неверия, так что малейшая самостоятельность или независимость мышления стала возбуждать страх всеобщего потрясения веры и нравственности и самого государства. Мир свободного творчества был проклят, как мир соблазна. Поэзия во всех своих видах была изгнана из общежития, как греховная стихия, способствующая только олицетворять дьявола и «иже с ним».

Такою же греховною стихиею являлось свободное художественное творчество во всех родах искусства. В той самой сфере, где искусство, по решительной необходимости, должно было водворяться, ему, раз навсегда, были начертаны известные цели и даже самые формы, от которых нельзя было отходить ни на шаг, и которые, таким образом, низводили художественное творчество на степень ремесла, как, например, низведена была живопись до иконописной прориси или трафаретки. Старина так и понимала искусство как ремесло, как силу работающую дневным только человеческим полезностям и потребностям. В этом ее идеи совершенно совпадали с идеями некоторых теперешних мыслителей; заодно с ними, она отрицала в искусстве свободную и вполне независимую силу, которая вынашивает свои создания не для полезности текущего дня, а свободно, как сама жизнь, как сама природа, выражает ими или олицетворяет в них тайны душевных эстетических дум и созерцаний, и отдельного человека, и целого общества.

Старина, конечно, не могла и мыслить о том, что в сфере искусства, и только в этой сфере, человек является существом вполне свободным, не орудием какой-либо дневной полезности и необходимости, а самостоятельную творящую силою мировой жизни, где пользы или интересы дня теряются, как ничтожные крупинки, в пользах и интересах целой эпохи. Мысль о такой самостоятельности и свободе человека была бы вопиющим противоречием ее крепким идеям о нескончаемом его рабстве и ученичестве, на которых держалось все ее существо. Поэтому ей невозможно было даже и понять, что стеснение свободного творчества в человеке поведет прямо к принижению его нравственной природы до побуждений и инстинктов животного, к чему в действительности и пришло под конец



нравственное состояние нашего допетровского общества. Жизнь этого общества, исполненная одного лишь отрицания, лишенная философских и поэтических созерцаний и идеализаций, стала в общем наклоне уподобляться жизни стада, где первое и исключительное побуждение — корм в животном смысле, для самого стада, и кормление в воеводском смысле, для пастухов; а затем тяжелое умственное лежание на боку и медленное, нескончаемое пережевывание двух-трех понятий или двух-трех идей, какими был ограничен общественный кругозор жизни.

Природа, стесненная в своих естественных, нормальных и разумных стремлениях и движениях, приняла иное направление и вырастила, ибо не могла не вырастить, стремления и движения ненормальные и неразумные, извращенные, которые явились как бы возмездием за то, что нарушен был правильный закон ее развития. Нищета стесненной и загнанной мысли, нищета умозрения разнуздывала животное чувство, и удержать его в человеческих пределах не было возможно ни поучениями, ни наказаниями, ибо и те, и другие лишь отрицали силу природы, а не полагали в нее доброго семени умственного развития, которое одно только способно держать в границах животного человека.

Печален отзыв очевидцев-иностранцев о нашем старом обществе. «Нисколько не заботясь об изучении достохвальных наук, — говорит Олеарий, — не выказывая решительно никакого желания ознакомиться с славными достопамятными делами своих предков, не стараясь узнать что-либо о состоянии иностранных земель, русские, весьма естественно, в собраниях своих почти никогда не заводят речи об этих предметах. Все речи и разговоры их не выходят из круга обыкновенных житейских дел. Так, обыкновенно ведут они речь о сладострастии, о гнусных пороках, о прелюбодеяниях, совершенных частью ими, а частью и другими; тут же передаются разного рода постыдные сказки, и тот, который может наилучшим образом сквернословить и отпускать разные пошлые шутки, выражая их самыми наглыми телодвижениями, считается у них приятнейшим в обществе...

Невозможно вообразить, до какой степени предаются они чисто животным побуждениям... Пьянству они преданы сильнее всякого другого народа в свете. Наполнивши себя вином чрез меру, они, подобно неукротимым диким зверям, готовы бывают на все, к чему побуждают их необузданные страсти. Порок этот — пьянство — до такой степени распространен в народе, что ему предаются все сословия, как духовные, так и светские, богатые и бедные, мужчины и женщины, и если иногда увидишь там и сям пьяных, валяющихся в грязи на улице, то это считается делом самым обыкновенным», и т. д. [\[1\]](#)

В этом случае, конечно, мы должны винить не людей, а те начала, которые управляли их жизнью, именно начала всеобщей и весьма крутой умственной и нравственной опеки, господствовавшей над обществом и постоянно державшей его в глупом ребячестве, в отрицании всех качеств и действий человека, исполненного возраста и мужественных сил жизни. В таком ходе нашего общественного развития выразилась та непреложная истина, что обществом, для его блага, не может управлять закон свойственный лишь потребностям и благу



личности единичной; что напротив, всякая единичная исключительная воля, ставшая для общества законом, всегда и неизменно приводит общественную жизнь к нравственному растлению. Аскетическая идея, как идея чисто личная, эгоистическая, а потому вполне способная устроить во благо личный быт, вовсе не была способна устроить во благо быт общества, быт целой народности.

Возможное для произвола единицы не бывает возможным для доброй воли целого общества; общество в сущности есть общая природа той же частности — единицы, общая человеческая природа, которую не в силах ограничить своими исключительными стремлениями никакая отдельная частица — личность, и которая не в силах даже и сама себя ограничить. Общая природа человека, нося в себе не личные только, а мировые законы развития, рано ли, поздно ли, всегда выбьется на свободу, на свой прямой путь, из всяких личных, т. е. временных и случайных тенет и стеснений.

Аскетическая идея отрицала сферу мирского удовольствия, всякого удовольствия, которое служило миру, т. е. утехам мирской жизни, для большинства и без постнической идеи всегда наиболее горькой и трудной. Но удовольствие, как и труд, если при известных условиях и при известном настроении понятий обходимы в личной жизни, то в общей жизни они являются насущною потребностью, вполне и безусловно необходимою, без которой невозможна самая жизнь общества, т. е. развитие и совершенствование общей природы человека. Отнимать у человека мирское удовольствие — значит самого его отнимать у общества и, следовательно, лишать его высшего блага в его жизни и высшей цели его существования, ибо для человека высшее благо — жить в обществе и высшая цель — жить для общества.

Нам скажут, что аскетическая идея отвергала лишь удовольствия развратные, грубо-животные. Это так; но вместе она отвергала мирское удовольствие и безразлично в самой его идее; самую мысль о каком-либо удовольствии она почитала уже грехом и всегда грозила за то страхом будущего наказания.<sup>[2]</sup>

Народная музыка, песня, пляска, сказка, какая-либо игра и т. п. в нашем древнем быту с первого же времени, как только раздалось учительное слово, были отвергнуты, как действия идолослужения. Аскетическая проповедь возглашалась не исключительно только против разврата, какой в иных случаях сопровождал эти действия; напротив, эти-то самые, в сущности невинные, удовольствия она и почитала развратом, бесовским угодием, лестью дьявола. Она безразлично ставила их наряду со всякими действительно развратными действиями и грехами и, поселяя омерзение к грешной жизни, рисовала эту жизнь именно чертами мирских утех.

Домострой, преподавая наставление, как духовно устраивать трапезу, стол, обед или пир, пишет, между прочим: «если начнут смрадные и скарედные речи и блудные; или срамословие и смехотворение и всякое глумление; или гусли и всякое гудение и плясание и плескание и скакание и всякие игры и песни бесовские, — тогда, яко же дым отгонит пчелы, тако же отыдут и ангелы Божию от



той трапезы и смрадные беседы, и возрадуются беси... да тако же бесчинствуют, кто зерню и шахматы и всякими играми бесовскими тешатся»...

Или дальше:

«А кто бесстрашен и бесчинен, страху Божию не имеет и воли Божии не творит и закону христианского и отеческого предания не хранит и всяко скаредие творит и всякие богомерзкие дела: блуд, нечистоту, сквернословие и срамословие, песни бесовские, плясание, скакание, гудение, бубны, трубы, сопели, медведи и птицы и собаки ловчие; творящая конская уристанья... (Тако же и кормяще и храняще медведи или некая псы и птицы ловчие, на глумление и на ловление и на прельщение простейших человеков...)». Дальше: «или чародействует и волхвует и отраву чинит; или ловы творит с собаками и со птицами и с медведями; и всякое дьявольское угодые творит, и скоморохи и их дела, плясание и сопели, песни бесовские любя; и зерню, и шахматы и тавлеи (играя) — прямо, все вкупе, будут во аде, а zde(сь) прокляти...»<sup>[3]</sup>

Повторяя не один раз свои запрещения, Домострой представляет только слепок общих мест из старейших, самых первых поучений, которые были принесены из Византии и обличали некогда язычество византийского же общества, где музыка, песня, пляска, «бубенное плескание, свирельные звуци, гусли, мусикия, комическая и сатирская и козлие лица» (маски) и т. п., являлись на самом деле служителями языческих богов, — «иже бесятя, жруще матери бесовстей Афродите богине... еже творяхуть на праздник Дионисов», — так что нельзя было и отделять их вообще от идолослужения. Но с той поры вместе с идолослужением упомянутые поучения стали отвергать и вообще мирские игры и утехы, постоянно обзывая их идольскою службою.

«Не подобает христианам в пирах и на свадьбах бесовских игр играти, то не брак наричется, но идолослужение, иже есть плясба, гудба, песни бесовские (вар. песни мирские), сопели, бубны, и вся жертва идольска, иже молятся проклятым богам...»<sup>[4]</sup> — Каждый праздник, сопровождаемый обыкновенным для народа весельем, принимал уже смысл еллинского пирования, становился обычаем еллинской прелести. Некоторыми, впрочем, византийскими правилами были отвержены даже народные пиры-братчины, именно как складчины для общего веселья.<sup>[5]</sup> Но такое запрещение осталось в Русской земле без последствий, ибо совсем уже разрушало весь старый наш бытовой строй, вынимало, так сказать, самую душу народных обычаев. Всякое мирское удовольствие, забава и увеселение сделались, таким образом, грехом идолослужения, сетями дьявола, которыми верующие души отвлекались от Бога. Поэтому в поучениях при всяком удобном случае напоминалось, сколь велик такой грех и как нужно всегда его беречься.

В числе мытарств, или испытаний души в злых делах, между другими грехами поставлено было в седьмом мытарстве и «плясание на пиру» на свадьбах, на павечерницах, и на игрищах, и на улицах, рядом с буесловием, срамословием и бесстыдными словесами, под которыми должно разуместь также всякие поэтические народные словеса; а в 15 мытарстве уже прямо указывается особое





злое греховное дело, еже басни бают и в гусли гудут, наравне с блудодеянием и со всякою ересью, именем которой обозначены и суеверные приметы и ворожба. [6] Учительное слово нередко живыми образами рисовало сатанинскую погибель от мирского увеселенья. Известно довольно распространенное в старой книжности сказание св. Нифонта о песнях мирских и о русалях (игрищах), которое назидательно представило, как однажды демон, князь бесовский, шел мимо Божьего храма с 12 бесами, которые стали завидовать церковному пению и укорять своего князя, что оттого, что там славят Христа, их сила и слава сокрушилась; как демон успокаивал их, говоря, что в мал час то пение минуется, и люди начнут славить их, бесов, мирскими песнями и плясанием; как потом после обедни «иде человек с сопелми и по нем мног народ идуща, ови с гусльми, ови плещуце пояху, ови же пляшуще»; как бесы во очью этому радовались радостью великою и всех тех, «иже кто идяше во след сопущих, едином ужем (веревкою) связавше, влачаху»; как они льстили других на песни и на плясанье и на игранье; как некто, муж свят, зря из своей палаты, повеле пред собою плясати-играти и взем сребреницу вдаст сопельнику; как бесы послали эту сребреницу отцу своему сатане в бездну; как он возрадовался этому пагубному дару особенно потому, что он был от христиан, повелевая понуждати их на игры и на плясания и на иное, еже есть им в любовь... Все это было видно душевными очами и написано на пользу, дабы бежать проклятых игр бесовских, паче же удаляться плясания, да не со дьяволом осужденным быть в вечный огонь. [7] Подобные образные представления, конечно, действовали еще с большею силою на убеждения людей, чем простые слова запрещения.

С течением времени поучения с этою идеею шли дальше, рассматривали подробнее все виды мирских утех и осудили окончательно все, что сколько-нибудь выражало удовольствие, утеху, забаву, увеселения. Еще в первых поучениях и запрещениях шпильман (шпынь, насмешник) рекше глумец, плясец, гудец, свирельник, скомрах, как и вся шпильманская мудрость, смехотворная хитрость, скомрашное дело, приобрели самое отверженное значение, наравне со всякими потерянными людьми и особенно с еретиками и со всякою ересью. Все эти имена, как и самое слово еллинский, стали омерзительными в понятиях людей благочестивых. Это было поганство, т. е. язычество в простом переводе слова; но то же слово стало обозначать, как и теперь обозначает, всякую нечистоту и мерзость.

Русское общество, конечно, не имело и малейшего понятия о языческих грехах еллинизма. Покорное святыне водворяемых правил и новых уставов жизни, оно всякое слово этих правил и уставов принимало с полною, чистою и сердечною верою; оно относилось к ним с робостью малосмысленного первоука, изумленного, пораженного авторитетом учителя. Эту необыкновенную робость и принижение мысли мы скоро замечаем в тех многочисленных вопрошениях, какими русский ум пытал своих первых наставников (Вопросы Кирика и т. п.). В некотором смысле, для того времени это было своего рода вольнодумство, вольная дума, искавшая и жаждавшая истины, которой она и требовала от своих первых наставников. Очевидно, что все сказанное наставниками и было для нее



искомую истиною. Наставники же, воспрещая то или другое греховное обстоятельство жизни, соединяли с именем этого обстоятельства свои особые, еллинские же или византийские понятия, для которых в живой русской действительности, кроме внешней формы, не заключалось никакого жизненного смысла, или этот смысл был вовсе не таков, каким он представлялся в уме наставников. Так, в числе запрещенных игр было указано, например, конское уристание. В еллинском Царьграде, на еллинском ипподроме, о великолепии которого трудно было и мыслить русскому уму, эти конские ристания в действительности были языческим спектаклем, где зеленые и голубые возницы были посвящены: одни матери земле, другие небу и морю; где колесницы, запряженные 6 лошадьми, ехали во имя высшего языческого божества, запряженные 4 лошадьми, везли изображение солнца, а запряженные двумя, черною и белою, — изображение месяца и т. д. Потеха была чисто языческая.

### Языческие скачки на конях и шахматы

Но сколько же языческого представляла наша древняя скачка на диких степных конях, подобная, по всему вероятно, скачкам теперешних степняков? Другая запрещенная игра, шахматы, вероятно и принесенная к нам самими же византийскими христианами, точно так же в нашем быту не могла иметь никакого языческого смысла; но тем не менее отвергалась, как предмет идолослужения. [\[8\]](#) Об ней писали:

«Аще кто от клирик или колугер играет шахмат или леки (кости), да извержет сана: аще ль дьяк (причетник) или простец (мирянин) да примут опитемью 2 лета о хлебе и о воде, одиною днем, а поклона на день 200; понеже игра та от беззаконных халдей: жрецы бо идольские тою игрою пророчествовашет о победе ко царю от идол, да то есть прельщенье сотонино».

Очень нередко именно такими соображениями, вовсе не приложимыми к древнему русскому быту, и руководились первые наши наставники в правилах и уставах жития. Конечно, всякий предмет народной забавы и утехи носил в себе в какое-то время языческие черты или просто служил язычеству; но так было по той причине, что в какое-то время вся жизнь человека была язычеством, поэтому не только какая-либо игра, но и все предметы повседневного быта, вся домашняя утварь, начиная с печного горшка, тоже приносимы были на службу тому же язычеству. Аскетическая идея в своих отрицаниях и отвержениях вовсе не различала языческих идей от вещественных предметов или от простых порядков жизни и стремилась все сравнять и привести в один образ и в одну меру, в одно положение.

### Общество как институт пустынножительства

Общество должно было устроиться как монастырь, как пустынножительство, водворить повсюду обет молчания, обет непрестанной молитвы, отдаваясь лишь работе дня, необходимым житейским трудам и занятиям. От жизни отнимался





один из существенных элементов ее развития, отнималась целая область ее поэтических стремлений, которые, конечно, не приводили же к одному только разврату, но содержали в себе, как и всегда содержат, источник жизненной силы и для нравственного совершенствования. Было необходимо только отличить этот добрый источник от того зла, каким он не всегда же и окружался. Но, верная своему началу, аскетическая идея не должна была делать подобных различий. Поэзия в ее глазах была вообще смрадом и скаредием греховной жизни, поэтому именем бесовской песни, басни, кощунов, глумления она безразлично обозначает всякий памятник народного словесного творчества, равно как и всякую игру бесовским угодием, бесчинием, бессраимием: все это были дела бесовские, обычаи треклятых еллин, греховные уже потому, что исходили из греховного источника, из области свободного чувства, управляемой, как доказывали, исключительно дьяволом. В сущности, аскетическая идея отрицала все то, что в своей живой совокупности имеет свое великое имя. Она отрицала народность, русскую своеобразную культуру не с одной языческой стороны, но и со всех сторон свободного независимого развития народных дарований и народных умственных сил. Она отрицала живую русскую народность во имя одной исключительной формы византийского, и по преимуществу восточного, быта.

Само собою разумеется, что господство аскетической идеи должно было поддерживаться и всегда поддерживалось монастырем, из которого постоянно и оглашалась гроза суровых обличений и запрещений. Мирская власть, пребывавшая сама в той же мирской жизни, никогда сама по себе не доходила до аскетических умозрений и не поднимала гонений на свою же мирскую общественность. Она по необходимости становилась только покорною исполнительницею правил и предписаний, исходивших из уединенных и отверженных от жизни келий. Из этих-то богомольных и благочестивых обиталищ и разносилось обличительное слово, напоминавшее время от времени мирским людям о жизни праведной. Лишь отсюда и мирская власть получала усердные воззвания действовать против мирских увеселений, как подобало ее грозной державе.

Таким образом, запрещения мирских утех сначала восстанавливались путем частных, так сказать личных проповедей, со стороны только наиболее усердных подвижников монастырского жития, и впоследствии уже, едва ли не со времени издания Стоглава, были приняты как общее постановление, т. е. вошли в круг правительственных действий. Еще в начале XVI ст. правительство, т. е. общая власть, стоит как бы в стороне от этого дела, и потому, например, в 1505 г. игумен Елизарова монастыря Панфилей частным путем обращается к градским властям Пскова, прося их державу унять беззаконные игрища, какие происходили там по случаю праздника Рождества Иоанна Предтечи, 24 июня. Он пишет:

«Сице бо еще есть останок неприязни в граде сем, и зело не престала zde еще лесь идолская, кумирское празнование, радость и веселие сатанинское, в нем же есть ликование и величание дьяволу и красование бесом его в людях сих, не сведущих истины... Егда бо приходит велий праздник, день Рождества Предтечева, и тогда, во святую ту ночь, мало не весь град взмятется и взбесится, бубны и сопели, и гудением струнным и



всякими неподобными играми сатанинскими, плесканием и плясанием, и того ради двинется, яко в поругание и в бесчестие Рождеству Предтечеву, и в посмех и в поругание и в укоризну дни его; встучит бо град сей и возгремят в нем людие... стучат бубны и глас сопелий и гудут струны. Женам же и девам плескание и плясание, и главам их покивание, устам их неприязнен кличь и вопль, всескверные песни, и хребтом их вихляние, и ногам их скакание и топтание; ту же есть мужем же и отроком великое прелщение и падение; но яко на женское и девическое шатание блудно и възрение, такоже и женам мужатым беззаконное осквернение, тоже и девам растление... Тако ли есть христианам православным вера и чин? И сия ли есть христианская лепота и закон?.. Господье мои, благочестивыйи мужи, властели сущии, грозная держава града сего! (воскликает игумен) Уймите, храбрским мужеством вашим от такого начинания идолского служения богозданный народ сей». [9]

Нет сомнения, что подобные монастырские частные воззвания к державным градским властям начались в одно время с распространением монастырской жизни. Задолго до общих правительственных запрещений они уже тяготели над обществом как правительственный же закон.

Поучения действовали на общество воспитательно, и само собою разумеется, что по их идеям воспитывался по необходимости и идеал достойного человека, а следовательно, и идеал достойного общества, изящных его нравов и изящных порядков жизни. Общество, если и не могло совсем удалить от себя мирские утехы, то все-таки оно получило к ним омерзение греха, и в силу такого воззрения музыку, песню, пляску, басню и т. п. оно осуждало на изгнание из среды хороших, чистых нравов; оно, по естественной причине, стало даже с гордостью выситесь перед ними, стало их презирать, низвело их таким образом до степени скоморошества или до низменных и по необходимости грязных занятий поденщика и продавца всяких увеселений и утех, а следовательно, до действительного разврата. Невинная забава и утехы в глазах достойного человека явилась или делом ребячества, или делом скомороха, отъявленного негодника и бесстыдника, не имевшего и малейшего сознания о добром и честном нраве.

Возвышенные, честные нравы общества мыслили о забаве, например, о танцах, следующим образом:

«что за охота ходить по избе, искать ничего не потеряв, притворяться сумасшедшим и скакать скоморохом? Человек честный (достойный, нравственный) должен сидеть на своем месте и только забавляться кривляньями шута, а не сам быть шутом, для забавы другого...» [10]

Так мыслили в XVI и XVII ст., в эпоху, когда из учений Домостроя образовалась уже крепкая практическая философия. Здесь мы встречаемся с понятиями не о грехе только, не о бесовском только угодии, а уже с высокомерием степенного, чинного и благочестивого нрава, с известною выработкою приличия, которая почитала такую веселость безобразием и искажением нравственного лица.

Учения Домостроя от первых еще веков были главною и исключительною причиною того, что совсем умолкла и народная литература, скоро умолкли вещице



песни баянов, воодушевлявшие первых наших удалых и храбрых князей и готовившие родному языку лучшую будущность, чем та, какую он приобрел от книжного высокопарного, но сухого и безжизненного слова.

В XI веке мы еще видим около князей песнотворцев, вещими перстами на живых струнах прославляющих княжеские доблести, поющих славу временам и старым и молодым, поющих славу народности, исполненной свежих здоровых сил и юношеской отваги. Но в один от дней приходит к князю Святославу Ярославичу преп. Феодосий Печерский и видит: сидит князь, а пред ним многие играют, «овы гусльные гласы испущающе, другие же органные гласы поюще, иным замарные пiski гласящем, и тако всем играющем и веселящемся, якоже обычай есть пред князем». Блаженный сел вскрай князя, поник долу и сказал: то будет ли так на том свете! Князь умилился словам преподобного, прослезился и повелел играцам перестать. С тех пор, если когда и начиналась такая игра, то, заслышав приход блаженного, князь всегда повелевал переставать своим певцам. [\[11\]](#)

XI век жил еще полною силою народного творчества и мало сознавал, что вещая песня баяна есть бесовское угодие, есть идольская служба. На это указывает даже и самое посещение кн. Святослава преп. иноком во время веселого песнотворства, которое было остановлено не в тот же час, как пришел св. инок, а лишь после его умилительного поучения; было остановлено лишь из особенной любви к нему и продолжалось по обычаю в его отсутствие. Живший в том же веке, после Феодосия, митрополит Иоанн, муж хитрый книгам и ученью, точно так же в своих наставлениях не мнит нарушить обычаи мирского устава и запрещает только мнихам и иерейскому чину присутствовать лишь на таких пирах, где начиналось игранье, плясание, гудение. Он советует или отнюдь отметаться тех пиров, т. е. не ходить на них, или же, как начнется игранье, бесовское пение, блудное глумление, вставать и уходить, да не оскверняют себе чувства видением и слышанием, по отеческому повелению; отходить в то время, если будет соблазн велик и вражда не смирена, ибо можно подумать, что считаешь эти игры и сам в них участвуешь. [\[12\]](#)

Но то, что вначале предписывалось только иноческому и иерейскому чину, впоследствии стало обязательным и для всего мирского чина, стало грехом для всех мирян, а потому чрез сто лет, в конце XII века, об этих вещих песнях поминается уже как о старых, едва памятных словесах. Певец Игоря едва ли не был последним баяном нашей древности, последним творцом песни, сложенной старыми словесами или народною поэтической речью, которую он, видимо, отличает от новых словес, от словес входившей тогда в господство церковной книжности, осудившей старые словеса или народную речь, а вместе с ней и поэтическое народное творчество, на вечное безвозвратное изгнание. В последующие века эти старые словеса, как вообще народная поэтическая речь, обзывались уже словесами греховного глумления, бесовскими песнями. Книжное перо уже страшилось изобразить такое слово на бумаге, дабы не совершить тем угодия дьяволу и не уронить в грязь высокого и святого достоинства книжной речи. Писанное слово, принеся святое учение, само по себе стало рассматриваться как святыня, и простой ум в недоумении вопрошал еще в XII в.: «несть ли в том греха,



аже по грамотам ходити ногами, аже кто изрезав помечеть, а слова будутъ знати!»<sup>[13]</sup> Понятно, что при таком умствовании невозможны были никакие списки песен и всяких других памятников народной речи.

Осужденные проклятию, отверженные для писанного слова, эти песни все больше и больше замирали, исчезали, а с тем вместе понижалась и творческая поэтическая сила народа. Через два-три столетия эта сила уже не была способна достойным образом воспеть великие события народной жизни и, изображая, например, Мамаево побоище, обращалась за поэтическим образом, как и за поэтической речью, все к тем же старым песенным словесам. Таково было влияние старой книжности, таковы были последствия ее учений. Общество было лишено литературного своенародного развития, сильные проблески которого так заметны даже в летописи XI и XII столетий, когда аскетическая идея еще только начинала свой подвиг. После того, с распространением господства этой идеи и летопись постепенно понижает свой независимый голос, теряет самостоятельность летописи, как повести времен и лет, и становится лишь орудием поучения, средством прославлять и оправдывать дела Божии, как и дела государевы; поэтому становится или поучительным словом (Степенная книга), или дьячьим изложением дела (летописи XV и XVII ст.).

Таким образом, и литературная производительность общества сохраняет только эти две формы словесного творчества, поучение, в виде слова, сказания, жития, что все равно; или юридический акт, дьячью записку из дела. Песня-повесть, былина, старина, а тем более сказка и простая песня являются недостойными писанного слова, потому что возвращаются уже в презренной среде бесовских угодников.

## Мирские весёлости недостойны, поэзия заглушена. Но не трапеза и питье

Нестойными являются и все виды мирских веселостей, обыкновенно всегда сопровождаемые песенным же поэтическим словом. Степенный старческий чин жизни утверждает и оправдывает лишь одно веселье, — предпоставленную трапезу, мерное питье, и, разумеется, строго и беспощадно преследует питье не в меру, пьянственную напасть. Но общество, в котором были заглушены все умственные и поэтические стремления и инстинкты, у которого были отняты, или, по крайней мере, сильно заподозрены в грехе все обычные средства веселости, такому обществу совсем не было возможности устоять на мере в единственной узаконенной веселости, в питии. По его понятию, именно в пьянстве и заключалось истинное веселие. И в этом оно было совершенно справедливо, ибо что ж другое могло наполнить пустоту его жизни и мысли, украсить его отдых, удовлетворить природной потребности вознаграждать меру труда мерою удовольствия! Честный пир потому и был честен и весел, что все тут напивались; веселье именно в том и разумелось, чтоб быть пьяным: гости не веселы, следовательно, не пьяны, и быть навеселе и теперь даже значит быть умеренно пьяным.



## Низведение общества к огрубению, до степени прямого животного

Судя по многочисленным изображениям этого порока, которыми исполнены старинные поучения, веселье тогда уже являлось пьянственной напастью, когда человек допивался, как говорится, до положения риз.

«И что есть, братье, скарееднее пьянчивого! Седит бо забывый вся и ум си погубле, яко неистов, и не чюется, что творя. Да то ли, братье, веселье и тако ли, братье, в закон и во славу Божию есть!.. Не чюя ничто, аки мертв лежит и, аще ему что глаголеши, не отвещает... Слины бо в нем согневшесе смрадом воняют, и рыгание, аки скотиное. Помысли убо, како убогая та душа, аки в яме в темне, в теле том грязит! Аще же и восстанет, мнящесе изспався, то и еще не здрав есть, облак пьянственный еще мутится ему пред очима и омрачает... Братие трезвы будьте, ибо супостат ваш диявол ищет пьяных, да пожрет. О горе! как пьяным ухорониться, а лежаще, аки мертвым! А от Бога отбегшим пьянства ради; и удалшимся от Духа Святого, смрада ради пьяного; а слова Божия неимушим во устах своих, гнилия ради пьянственного; ангелу хранителю отбегшу пьянства ради и плачущися, а бесам веселящимся о пияницах и радующесе: приносят жертву ко дияволу от пияницы. Диявол же радуяся глаголет: яко николи же тако радуяся и веселюся о жертвах поганых человек, якоже о пьянстве христиан; всякие бо дела моего хотения суть во пияницах: мои суть пияни, а трезвы Божию... Оставайтесь братия окаянна пьянства. А питие бо законно, и в славу Божию, яко на веселие нам Бог дал. И то в подобно время. Еже бо ни отнюдь не быти, [то] не отреченно есть питие святыми отцы; но сице вещаше: да не упивайтесь в пьянство. Мнози бо невеигласи глаголют, яко то праздник честный есть, да прием и веселимся! Уразумейте и сами безумнии, что сие глаголете, яко оставляете праздники Божия и дияволу угожаете...»[\[14\]](#)

Домострой XVI века, изобразивши все непрактические и невыгодные стороны пьянственной напасти, отмечает: «не реку не пити: не буди то! Но реку не упиватися в пьянство злое. Я дара Божия (вина) не похуляю, но похуляю тех, которые пьют без воздержания. Сказано: пейте мало вина веселия ради, а не пьянства ради, ибо пияницы царствия Божия не наследят».[\[15\]](#) Но ради какого же веселья следовало пить?

Если в нем самом, в одном только питии содержалось веселье, то где же были эти границы, отделявшие веселье от пьянства? Питие, разумеется, возбуждало к веселости, которая и должна была удовлетворяться мирскими средствами веселья. Питие служило наилучшим украшением всякой трапезы и особенно праздничной; как дар Божий оно благословлялось; оно было веселием, удовольствием телесного чувства. Но таким же веселием, удовольствием нравственного чувства была песня, музыка, пляска, вообще игра, равно как и сказка-небылица, повесть, загадка и т. п., то есть вообще мирская литература и мирская забава.

Положим, что во всем этом в первое время слишком ярко и слишком прямо отражалось древнее язычество; но запрещения одно за другим следовали и притом еще с большею строгостью даже и в то время, когда и храмы и идолы были





разрушены и народ, предаваясь таким веселостям, уже не ведал сам, что творил, а удовлетворял только своей человеческой потребности веселиться после работы. Положим, что эти веселости он нередко сопровождал буйством и грязным развратом; но тем же самым по преимуществу сопровождалось и неумеренное питье; оно-то и было основой всяких неистовств, до которых доходило иной раз мирское веселье. Оставалось оберегать это веселье именно только от пьянственной напасти; оставалось веселью дать то же место в законе, каким пользовалось собственно питье, т. е., не отрицая мирских веселостей в существе, проклинать лишь их языческие или же вообще грубые, грязно-развратные, буйные формы или виды, наравне с пьянством, как с развратным и грязным видом питья. Отвергая все формы мирской веселости, песню, музыку, пляску, учительная философия должна была особенно помогать распространению в обществе именно одной только пьянственной напасти.

Мирская трапеза начиналась степенным питием, а оканчивалась всегда неистовым пьянством, по той простой причине, что за отсутствием более тонких форм удовольствия оно по необходимости становилось единственным исключительным удовольствием и весельем. Таким образом, пьянственную напасть, как потребность веселья, могли остановить не обличения, а свободное развитие умственных и эстетических потребностей общества, свободное развитие его поэтического творчества, как особенно в литературе, так и вообще в остальной области искусства.

Если человеческое удовольствие и, следовательно, в обширном понятии, вся область поэзии находились под осуждением и проклятием, то человеку ничего другого не оставалось, как предаваться веселью пьянства, и стало быть, предаваться не простому веселью, а именно тем оргиям, которые и подавали главный повод изгонять из общественной среды всякие удовольствия. Духовные интересы были ограничены, тем безграничнее пробуждались инстинкты животные. В этом обнаруживал только свою силу неизменный закон человеческой нравственной природы.

Гонения и стеснения привели общество только еще к большему огрубению, низвели его до степени прямого животного, где терялось уже сознание о нравственном и безнравственном и где разврат происходил не столько от развращения нрава, сколько из потери этого сознания. По такой же неизменности и неразрушимости законов общественной жизни все усердные поучения об изгнании из человеческого мира прирожденных ему общественных утех и удовольствий, все беспощадные их обличения, даже все правительственные меры, время от времени поднимаемые против народных увеселений, оказались бессильными. Многие, действительно, угасло, исчезло, многое исказилось, потеряло всякий смысл не только языческий, но даже и поэтический; но многое оставалось еще в первобытной свежести даже в дни петровской реформы и сохранилось до нашего времени, хотя и в обломках.





## РПЦ и Потешная палата

Мы знаем, что и домашнем быту государева дворца с большим усердием читались все сказанные поучения; знаем также, что церковный и особенно иноческий чин не переставал обличать всякие мирские игрища и веселости и постоянно увещевал беречися пустошных бесед и смехотворения неподобного, плясания, скакания, гудения, песен бесовских, скоморохов с их делами, вообще всяких мирских забав, к числу которых, как мы видели [выше, с. 700], относились даже шахматы и шашки; знаем, что иной раз и сам государь принимал благочестивое решение истребить в народе это дьявольское угодие и посылал по государству строгие указы, подвергал слушников наказаниям и пеням. Однако ж мирская жизнь брала свое и самый дворец — представитель лучших, правильных и чистых нравов по Бозе, оставался в этом отношении таким же, как и весь народ, обыкновенным мирянином, привязанным к своим стародавним забавам и утехам.

Строго и точно исполняя уставы Домостроя в отношении келейного и церковного правила, молитвы, милостыни, особого благоговейного усердия к церкви, особого почитания ее служителей и всякого рода «богомольцев», — жизнь государева дворца, как жизнь мирская, не в силах была вовсе удалиться от мирских обычаев и в отношении забав и увеселений большею частию уклонялась от увещаний того же Домостроя.

Во дворце мирские утехы были так обычны и принадлежали к таким постоянным потребностям жизни, что были устроены даже в особое отделение с именем Потешной палаты и с целым обществом разного рода потешников. Во дворце, как видели, [16] устраивались обычные народные игры, например, качели на Святой и горы на Маслянице; во дворце постоянно играли в шахматы и шашки, тавлеи, саки, бирки, а также и в карты. Это были собственно домашние утехы. Не говорим о потехах государевых, о выезджих полях, т. е. о соколиной и псовой охоте, о медвежьем поле и медвежьей травле. Государева охота была искони устроена в особое ведомство, главный чин которого, ловчий, бывал всегда в особом приближении у государя.

Во дворце, по-видимому, вовсе и не думали, что все это было отречено и проклято отеческими поучениями, ибо для изготовления, например, шахматной игры при дворце жили на жалованьи особые мастера токари, которые так и назывались шахматниками, и только то и делали, что работали шахматы и другие подобные игры. Есть свидетельство, что «треклятые» органные гласы раздавались из дворца пред лицом всенародного множества. Англичанин Горсей рассказывает, что когда он привез царю Федору Ивановичу и Борису Годунову различные подарки и в том числе органы, клавикорды (а с ними и музыкантов), то царица Ирина Федоровна, рассматривая эти дары, «особенно была поражена наружностью органов и клавикордов, которые были раззолочены и украшены финифтью, и восхищалась гармониею звуков этих мусикийных орудий, никогда ею не виданных и не слышанных. Тысячи народа толпились около дворца, чтобы их послушать!» [17]



Органы, однако ж, в московском дворце не были такою редкостью, как можно было бы заключить из слов Горсея.

Мы видели, [18] что часы с музыкою в XVII ст. уже украшали этот дворец, и забавляли царское семейство своею чудною игрою. В отношении же органов упомянем, что еще при Иване III в 1490 г. в Москву вызван был в числе прочих художников и органной игрец каплан белых чернецов Августинова закона Иван Спаситель. [19] Если необходим был органной игрец, то само собою разумеется, что органы уже стояли во дворце, или же, быть может, в то же время были привезены вместе с игрецом.

Об органах и других музыкальных инструментах, составлявших принадлежность царской Потешной палаты, мы будем говорить после, [20] а теперь перейдем к обозрению утех комнатных и, так сказать, кабинетных.

## Придворные шуты (дураки)

Самым видным, наиболее выдающимся предметом комнатной забавы был дурак, шут. Это был, если можно так выразиться, источник постоянного спектакля, постоянной вседневной утехи для всех комнатных дворцовых людей. Писание обозначало эту сторону домашних увеселений именем глумления, кощунания, шпильманской мудрости, а самих дураков и шутов обозначало шпильманами, глумотворцами, смехотворцами, сквернословцами и т. п. именами. Таким образом, штатная обязанность дурака заключалась в том, чтобы возбуждать веселость, смех.

Он достигал этой цели или пошлыми, или острыми, слишком умными или слишком глупыми, но всегда необычайными словами и такими же поступками. Конечно, самый грязный цинизм здесь не только был уместен, но и заслуживал общего одобрения. В этом как нельзя лучше обрисовывались вкусы общежития, представлявшего с лицевой стороны благочестивую степенность и чинность, постническую выработку поведения, а внутри исполненного неудержимых побуждений животного чувства, за тем, что велико было в этом общежитии понижение мысли, а с нею и всех изящных, поэтических и эстетических инстинктов.

Циническое и скандалёзное нравилось, и очень нравилось, потому что духовное чувство совсем не было воспитано, а было только связано, как ребенок пеленками, разными, чисто внешними, механическими правилами и запрещениями, которые скорее всего служили лишь прямыми указателями на сладость греха, т. е. в собственном смысле на сладость свободных отношений человека к своей природе.

Постнический облик общежития с девическою застенчивостию, но с большою радостью готов был выслушивать все, что потаенно от него сохранялось, лишь бы обличение этого потаенного происходило из уст человека, в некотором смысле потерянного, лишь бы сохранялась таким образом стройность постнического порядка жизни, ибо потерянный для этого порядка человек никак не мог, конечно, служить его разорителем. На то и существовал в доме дурак, чтобы олицетворять дурацкие, а в сущности вольные движения жизни, или вообще волю, свободу,



независимость жизни; чтобы ровную, однообразную и притом постнически однообразную домашнюю жизнь выбивать из ее тесной колеи, из ее постнической неволи.

Необходимость в домашнем дураке являлась сама собою, именно по той причине, что жизнь общества уже слишком стеснилась, окрепла, одервенела от этого многого правила, слишком одомостроилась, так что дурак, в иносказательном смысле, был как бы проводником свободного, свежего воздуха в спертую и удушливую атмосферу повседневного быта, замкнутого всевозможными уставами и правилами. Это был естественный продукт умственного и нравственного застоя жизни. Как скоро жизнь стала освобождаться, выходить на волю, то постепенно стали уходить со сцены и дураки; и теперь трудно даже и представить себе, что такое был дурак на самом деле?

Должно полагать, что одни из них бывали в действительности идиоты, умственные уроды, помешанные, безумные, содержимые в домах как редкость, как игра природы, забавная наравне с карликами, говорящими попугаями или арапами, обезьянами и разными другими чудами и дивами, каких не всякий видал. Понятий о чудовищном унижении в этом случае человеческого достоинства в старом обществе не существовало. На это не указывали и поучения домостроев, отвергавшие только формы безнравственной жизни, а не самые ее корни, т. е. извращенные, бесчеловечные идеи. Человек-урод, как невиданный зверок, становился посмешищем для обыкновенного человека, становился его забавою, игрушкою. Брюин, замечая вообще о наших допетровских увеселениях, говорит между прочим, что:

«Русские веселятся с каким-то зверским довольством зрелищем людей умалишенных и разных калек и уродов, особенно когда оные находятся в опьяненном положении».[\[21\]](#)

С таким же значением, как умственный урод, особенно ценился и дурак-шут, умный остряк, замысловатый глумотворец и смехотворец. Он носил имя дурака потому, что всякое глумление, смехотворение вообще признавалось степенным и чинным обществом чем-то вроде ребячества и глупости, потому что своими словами и делами он слишком уродливо выдвигался из умного уровня, на каком стояла тогдашняя порядочность поведения. В этом отношении и очень умные, как и очень глупые слова и дела имели равный смысл дурачества, почему всегда и прощались как дурачество, на которое не стоило обращать умного, рассудительного внимания.

Дураки, как и юродивые, становились иной раз суровыми и неумолимыми обличителями лжи, коварства, лицемерия и всяких других личных и общественных пороков, над которыми они издевались с полным и самым свободным цинизмом, находя всегдашнее оправдание для своих бесцензурных действий в том же уродливом смысле своей жизненной роли. Это была сатира, комедия, та сторона литературы, которая в развивающемся обществе составляет прирожденную силу и за неимением письменности, печатного слова, обнаруживает свои стремления устным словом, сценическим и циническим представлением, а в обычном смысле



дурачеством, ибо, как мы заметили, все смешное и комическое было делом одних только дураков.

Таким образом, другой разряд дураков, именно дураки-шуты, бывали вообще люди не глупые, что подтверждают даже и исторические свидетельства. Шут Гаврила в 1537 г. сумел спасти себя от московской государевой опалы, изменив своему личному государю, удельному Старицкому князю Андрею Ивановичу. Он бежал от него в Москву, в то время как несчастный князь должен был попасть в московские сети и окончить свой век «в нуже страдальческою смертию». Шут спасал свою жизнь и верно понял, что дело его князя было проиграно безвозвратно.<sup>[22]</sup> — Из этого свидетельства мы видим, что в начале XVI ст. шуты принадлежат к необходимым домашним людям.

Манштейн,<sup>[23]</sup> описывая придворный быт императрицы Анны Ивановны, замечает, между прочим, что «по древнейшему в России установленному обычаю, каждый частный человек, получающий хорошие доходы, имел при себе по крайней мере одного шута. Из сего можно судить, что в них не было недостатка и при Дворе», т. е. еще в начале XVIII ст., ибо в это время старая русская жизнь держалась еще очень крепко и была только снаружи заставлена разными немецкими декорациями, так что Анна Ивановна по своему воспитанию, образованию и особенно по своим вкусам вполне принадлежит не XVIII, а XVII столетию и в этом отношении XVIII ст., в смысле новой эпохи, должно начинаться собственно с Елисаветы Петровны. По той же причине и Петр I, как говорит Манштейн, отменно жаловал шутов; при нем часто их бывало человек до 12 и более. Петр был родной сын и прямой наследник XVII ст., а потому и нельзя, чтобы в его нравственных чертах не сохранилось родового сходства со своим родителем; к тому же шуты и всякое шутовство ему очень были нужны, не столько по домашним, сколько по политическим причинам. С ними вместе он вел борьбу со старым порядком жизни, публично его осмеивал, составлял на него целые сатирические спектакли...

Шутов и шутовство особенно также любил и царь Иван Васильевич «Грозный». Одной из главных утех его, говорит Карамзин, были многочисленные шуты, коим надлежало смешить царя прежде и после убийств и которые иногда платили жизнью за острое слово. Между ими славился князь Осип Гвоздев, имея знатный сан придворный. Однажды, недовольный какою-то шуткою, царь вылил на него мису горячих щей; бедный смехотворец вопил, хотел бежать: Иоанн ударил его ножом... Обливаясь кровью, Гвоздев упал без памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. «Исцели слугу моего доброго», сказал царь: «я поиграл с ним неосторожно!» «Так неосторожно, — отвечал Арнольф, — что разве Бог и твое царское величество может воскресить умершего: в нем уже нет дыхания». Царь махнул рукою, назвал мертвого шута псом и продолжал веселиться». <sup>[24]</sup> В сопровождении шутов царь делал даже церемониальные поезды.

Один итальянец, бывший в Москве в 1570 г.,<sup>[25]</sup> рассказывает, между прочим: «царь въезжал при нас в Москву... впереди ехали 3000 стрельцов, за стрельцами шут его на быке, а другой в золотой одежде, затем сам государь»...



Однажды, издеваясь над поляками в лицо их посольству, он схватил соболью шапку с одного из их дворян, надел ее на своего шута и заставил его кланяться по-польски. Когда тот отвечал, что не умеет, то царь стал учить его, сам кланялся и смеялся. Быть может, особенное расположение Грозного к шутам и шутловству условливалось отчасти, подобно как и при Петре, причинами замаскированной борьбы с положениями своего времени или со своими личными врагами. Так он заставил везти к Москве собранных в Новгородской области медведей одного опального архимандрита.[\[26\]](#)

На пирах Грозного являлись шутниками и его любимцы из опричников-дворян, каков был, например, Василий Грязной. Когда в 1572 г. он вблизи Крыма на степном разезде взят был в плен и писал о том государю, царь отвечал ему:

«что писал еси, что по грехам взяли тебя в полон: ино было, Васюшка, без пути середь крымских улусов не заезжати; а уж заехано, ино было не по объезду спати. Ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы... али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня, стоячи за кушаньем, шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас дрочон (неженок) умеют ловити... А что сказываешься великой (знатный) человек, ино что по грехам моим учинилось, и нам того как утаити. — Что [\[27\]](#) отца нашего и наши бояре нам учили изменяти, и мы вас страдников приближали, хотячи от вас службы и правды. А помянул бы ты свое величество и отца своего в Олексине: ино таковы и в станицах ежживали; а ты в станице у Пенинского был, мало что не в охотниках с собаками... И мы того не запираемся, что ты у нас в приближенье был, и мы для приближенья твоего тысячи две рублей дадим; а доселева такие по 50 рублей бывали». В своем ответе Грязной писал между прочим, что «заец не укусит ни одной собаки, а он укусил б человек до смерти да 22 ранил; что было в Крыму собак изменников, он всех перекусал и т. д. Да еще хочу у Владыки Христа нашего, чтоб шутити за столом у тебя (т. е. возвратиться в Москву). Мы холопи Бога молим, чтоб нам за Бога и за тебя голова положить, то наша и надежа... А яз холоп твой не у браги увечья добыл, ни с печи убился». [\[28\]](#)

Вообще такой шутливый, сатирический тон и такие шутливые разговоры были, кажется, характерною чертою в письмах Грозного, а следовательно, и в его отношениях к окружающим. Припомним его переписку со шведским королем, его послание в Кириллов монастырь... Очень естественно, что шуты при нем были в большом ходу.

Сын его, царь Федор, также всегда забавлялся шутами и карликами, мужского и женского пола, которые кувыркались перед ним и пели песни. Маскевич говорит, что вообще шуты представляли самую обычную утеху для наших предков, увеселяли их плясками, кривляясь, как скоморохи на канате, и песнями, большею частию весьма бесстыдными.[\[29\]](#)

Даже Тушинский царик имел при себе шута, Петра Киселева, с которым и побежал потом из Тушина. В смутное же время упоминается шут Иван Яковлев Осминка, который бывал у царя (Шуйского или Тушинского, неизвестно) всякий большой праздник.[\[30\]](#)





## Дураки царя Михаила Фёдоровича; их одежда

Молодого царя Михаила Федоровича в первое время (с 1613 г.) потешал дурак Мосяга, также Мосей (Моисей), а в хоромах у матери царя, великой старицы иноки Марфы Ивановны, в Вознесенском монастыре, жила дура Манка (Марья). В 1616 г. марта 28 пятнадцать человек портных шили целый день «государевым потешникам» дураку Мосею однорядку в покроях, а дуре Манке летник в сорочках.<sup>[31]</sup> Должно полагать, что эта одежда готовилась наспех, быть может ко дню Светлого Воскресенья, которое в том году приходилось 31 марта. В 1618 г. апр. 4, следовательно, также к Светлому дню (5 апр.), государь пожаловал дураку Мосею однорядку суконную в разных цветах, с мишурным кованым кружевом, с шолковыми завязками и образцами (род запан с петлями); кафтан суконный из остатков разными цветы с такими же образцами и кружевом и с оловянными пуговицами; а дурке Манке дано государева жалованья шубка киндячная в трех цветах с оловянными пуговицами. В 1622 г. марта 18 дурке сшита шапка из червчатой камки с мишурным кружевом. В 1624 г. сент. 15 скроен летник в желтых дорогах гиялянских с бархательными вошвами и с бобровою опушкою. В 1627 г. июня 9 дурке Манке сшит опашень в два цвета, из червчатого и желтого сукна, с мишурным круживом и оловянными пуговицами и к нему ожерелье накладное — медведок молодой.

В 1620 г. в товарищи к дураку Мосяге прибыл новый дурак Симонка, которому 12 июля государь велел сшить кафтан-терлик. Затем в 1624 г. прибыли еще два дурака, Исачка и Ивашка. В 1628 г. у государя является еще новый дурак Семейка. В 1634 г. упоминается дурак Шамыра, а в 1636 г. появляется еще дурак Сергей. Шамыра было, может, только прозвище того же Сергея или одного из упомянутых прежде.<sup>[32]</sup>

Обыкновенный, можно сказать мундирный, наряд всех этих царских дураков был следующий: однорядка татарского покроя, из червленого (красного) сукна с татарскими завязками, кафтан крашенинный лазоревый, опояска из покроя червленого или зеленого сукна; шапка черкасская (малороссийская) суконная зеленая с лисьим околлом, или колпак валеный с нашивкою; сапоги красные, телятинные, белье — рубашка и порты холщевые. Такой наряд по большей части они получали к Святой. Спали они на войлоках, одевались бараньими (овчинными) одевальными шубами.

Иногда кому-либо из дураков шилось и более богатое платье в других цветах. Так, в 1629 г. июня 16 государь приказал сшить дураку Ивашку однорядку — сукно аглинское вишнево, кафтан — дороги гиялянские желты, на хлопчатой бумаге с атласным лазоревым золотным ожерельем; фerezи из лазоревого киндяку, шапку — сукно багрец с собольею опушкою.

В 1636 г. апр. 16 государь приказал сшить трем дуракам Симону, Исаку, Сергею по однорядке, одна брусничная, другая рудожолтая, третья серебряной цвет, с кружевами и завязками татарскими, кафтаны крашенинные, сапоги телятинные. По случаю какой-либо особой потехи, в которой должны были участвовать и дураки,





им шилось и особое платье, изготовлением которого занимался уже главный потешник в Потешной палате немчин Иван Семенов. В 1634 г. дек. 11 для государевы потехи дуракам на платье было отпущено этому потешнику 10 арш. сукна аглинского червленого да 5 арш. зеленого. Разные мелочные предметы их наряда и вообще их содержания, большею частию, покупались в городских рядах. В 1634 г. в ноябре дурак Шамыра женился; свадьбу играли в селе Рубцове-Покровском и, без сомнения, не без особых потешных затей. Мы знаем только, что ноября 2 в Рубцово на дуракову Шамырину свадьбу послано из царицыной казны 6 полотен троиных гладких да 3 полотна тверских, а ноября 6 ему с невестою куплены в Серебряном ряду крест серебряный золоченый, да 2 перстня серебряных, один ручками, за все рубль; а в селе Рубцове куплено свеч на свадьбу на 4 ал. 2 д.

Судя по одному известию, дураки царя Михаила Фед. принадлежали к разряду идиотов. Так, в 1632 году 25 марта, в неделю цветную, по государеву именному приказу эти дураки были отведены в монастыри на страстную неделю поститься: в Богоявленский монастырь, что у дворца (Троицкое подворье) — дурак Мосейка; в Афанасьевский монастырь, что у Фроловских ворот (Кирилловское подворье), дураки Исак да Симанко (№ 696). Такая забота, вероятно, была бы излишнею в отношении дурака-шута.

### Дураки и дурки царицы

В хоромах царицы Евдокеи Лукьяновны жили для потехи дурки: Орька (Орютка, Оринка), Дунька-татарка, Дунька-немка, Палагейка, которую в 1640 г. привез из Пскова окольниковый Василий Ив. Стрешнев; Манка (Марья)-девка и еще Манка-шутиха слепая баба. Эта последняя была взята в хоромы царицы в 1632 г. у боярина кн. Ив. Борис. Черкасского. В том году апр. 28 ей куплен в рядах следующий наряд: шапка женская камчатная лазоревая с пухом (околом); опашень вдовской черный суконный, телогрея киндячная лазоревая на зайцах; сапоги женские барановые красные, всего на 5 руб. 24 ал. 2 д. В 1634 г. апр. 29 ей сделана потешная шапка из червчатой да из желтой камки с бобровым околом. Июля 16 куплена ей шляпа валеная белая.

В 1636 г. марта 31 этой шутихе, жонке Манке слепой, сделан сарафан крашенный лазоревый, да сукня из червленого сукна с шелковою нашивкою и с оловянными пуговицами. Октября 29 куплено ей на наряд 16 нитей бисеру белого, причем в записке она названа дуркою. Ноября 12 куплено еще 6 нитей белого бисеру и два листа меди шумихи на потешную кикю, на низанье.

Наконец, в 1637 г. марта 10 эта баба слепая была отправлена в подмосковное село Ильинское с царицыным боярским сыном, причем заплачено за провоз 10 алт. Дурка Палагейка также оставалась недолго в хоромах царицы. Постоянно потешали царицу только четыре дурки: Манка, Орька и две Дуньки, татарка и немка. В разное время, смотря по надобности, им изготовлялись различные предметы их обыкновенной одежды из царицыной казны: тафьи, треухи, телогреи,



сарафаны, сапоги барановые, телятинные, козловые, большею частью красные, иногда зеленые, такие же башмаки и т. и.

У царевны Ирины была также дурка Катеринка (1643–1654 гг.). В 1643 г. мая 12 ей куплена за 11 алт. женская сорока шитая золотом.

К числу придворных дурак мы можем отнести и старицу Марфу уродливую, которая жила в Вознесенском монастыре и также называлась иногда и дуркою. Вероятно, она бывала часто и во дворце. По крайней мере, из дворца наравне со всеми другими подобными лицами она получала свою одежду и все содержание. В записках ее имя появляется с 1624 г. В этом году, сент. 15, ей скроена шуба теплая из немецкой черной тафты на бельем меху с бобровою опушкою; в 1629 г. апр. 4 ей сшита ряска из немецкой таусинной камки; 1630 г. окт. 31 сделана шуба крашенинная лазоревая на заячьем меху с бобровою опушкою; в 1631 г. мая 31 ей сделан сарафан крашенинный лазоревый; июля 18 наметка чернеческая; ноября 8 опять сарафан крашенинный лазоревый; дек. 24 в Монатейном ряду куплен опостольник старицкой. Смотря по надобности подобные предметы ее наряда в разное время изготовлялись во дворце или покупались в городских рядах. В 1640 г. генв. 19 старица Марфа уродливая скончалась; на поминаение по ней царица раздала в церкви, богадельни и нищим 100 р.

### Дураки царя царя Алексея Михайловича

О шутах и дураках, состоявших при дворе царя Алексея Мих., наши сведения очень скудны. Можно полагать, что дурацкие потехи при благочестивой царице Марье Ильичне, если не были совсем оставлены, то стояли далеко на заднем плане. У государевой сестры царевны Ирины Мих. жила еще в это время дурка Катеринка. У царицы Натальи Кирилловны встречаем в 1674 г. двух дур девок, Аксинью и Авдотью, которым 24 июня скроены две телогреи да летник из выбойки на холстинной подкладке, с бобровою опушкою; у летника вошвы камка китайская — змеи; выбойки и холстины пошло по 50 арш. При царе Федоре Ал. в 1679 г. дураки Петр и Семен живут у верховых богомольцев. В том же году в декабре взят был во дворец из Переяславля новый дурак, Федор, который, вероятно, тоже помещен был у верховых нищих. В 1682 г. упоминается дурак Тарас, которому ген. 8 сделан кафтан суконный на овчине и прочее платье.

### Шуты Петра I

При Петре, в 1700 г., в дворцовом штате состояли два шута, Яков Тургенев и Филат Шанский, получавшие жалованья по 50 р. У императрицы Анны Ивановны было шесть шутов, два иностранца, Коста и Педрилло, и четверо русских, князь Голицын, князь Волконский, Апраксин и Балакирев. «Способ, как государыня забавлялась сими людьми, — говорит Манштейн, — был чрезвычайно странен. Иногда она приказывала им всем становиться к стене, кроме одного, который бил их по поджилкам и чрез то принуждал их упасть на землю (это было представление старинного правежа). Часто заставляли их производить между собою драку, и они



таскали друг друга за волосы и царапались даже до крови. Государыня и весь ее двор, утешаясь сим зрелищем, помирали со смеху». [33] Как памятен в этих забавах еще древний, допетровский век русской жизни! И эти шуты, хотя и неглупые люди, носят в своей роли все тот же принадлежащий им по штату смысл дураков-идиотов.

Манштейн рассказывает, что Педрилло собрал 10 т. рублей посредством следующего дурацкого спектакля. Однажды Бирон шутя обозвал его, что он женат на козе. Шут воспользовался шуткою временщика, подтвердил ее и объявил, что как скоро его жена разрешится от бремени, то он осмеливается просить императрицу со всем двором в гости к нему на родины, в надежде, что высокие гости по старому русскому обычаю не придут к родильнице с пустыми руками и будут класть что-либо на зубок для новорожденного, и он таким образом соберет денежную сумму, необходимую для воспитания ребенка. В назначенный день кладут его на театре в постель с козю. Занавес поднимается, и спектакль начался тем, что первая же императрица поднесла ему родинный подарок и сама назначила, сколько каждый из придворных должен был дать шутовской родильнице. Такие или подобные домашние спектакли разыгрывались, без сомненья, и в допетровском придворном быту.

Свадьба дурака Шамыры при Михаиле Фед. необходимо происходила со всеми порядками и обрядами, со всем свадебным чином, какой по старому Домострою требовалось выполнить. Таким образом, петровские шутовские свадьбы шутов Тургенева, Шанского и князь-пап Зотова и Бутурлина, равно как и свадьба шута Голицына или, как его обыкновенно звали, князя Кваснина, происходившая при Анне Ивановне в Ледяном доме, не были изобретением только петровского времени, а представляли обычное старинное шутовское увеселение, облакавшее в смех свои же обычные старинные порядки и разные чины жизни. [34]

Вообще должно заметить, что шутовство, ирония, сатира, комическое или карикатурное представление всего чинного, степенного и важного в жизни «оставляли в нашем допетровском обществе как бы особую стихию веселости. Но, разумеется, этот старый допетровский смех над жизнью не заключал в себе никакой высшей цели и высшей идеи. Он являлся простым кощунным смехом над теми или другими порядками и правилами быта, являлся простою игрою тогдашнего ума, воспитанного во всяком отрицании и потому вообще ума кощунного. Никакого чистого идеала впереди у него не было; никакой борьбы во имя такого идеала он не проводил. Это было на самом деле наивное, бессознательное или же отчасти лукавое глумление жизни, выражавшее лишь другую крайнюю сторону того же глубокого и широкого ее отрицания, на котором духовно она развивалась в течение столетий. Вот почему кощунное шутовство так было любимо нашим старым обществом и представляло в его удовольствиях такую потребную и совершенно неизбежную статью веселости.

Когда многовековое отрицание, на котором росла наша старая умственная и нравственная культура, выразилось под конец, в силу неотразимых законов жизненной последовательности, беспощадным и всесторонним петровским



отрицанием самой этой культуры, когда впереди указаны были новые идеалы жизни, тогда и старый дурацкий смех тотчас же получил смысл, даже политический, и сослужил преобразователю великую службу в перестановке на новую всей старой выработки понятий и представлений общества.

При Петре в глубине этого смеха уже лежали идеи преобразования, идеи борьбы с ветхими порядками. Сознательная мысль этого петровского смеха вскоре переходит к соответственной литературной форме, к сатире драматической и дидактической (интерлюдия, интермедия, сатиры Кантемира), т. е. обнаруживает стремление возвести его на степень художественного создания. Но зато во дворце Анны Ивановны шутовской смех является запоздалым гостем XVII ст. и обнаруживает только особенную живучесть старых начал и старых порядков быта, всегда очень медленно принимающего в себя новые идеи.

### Творчество дураков

Само собою разумеется, что народное слово, если б пользовалось в письменности теми же правами, как и книжное слово, должно было оставить нам довольно значительную литературу по этому отделу старинного шутовства и всякого глумления, т. е. вообще по отделу вольного смеха, не стесненного никакою предвзятою поучительною или моральною указкою, который от простой души смеялся над умными делами жизни, облекая их в шутовской дурацкий наряд. Богатство такой литературы условливалось особенною склонностью к иронии, к шутовству всего нашего старого общества. Нет сомнения, что случайно уцелевшие обрывки этой литературы представляют весьма малую долю того, что устно, частью письменно и даже печатно ходило в народе.

Из числа сохранившихся памятников мы можем отделить целый особый их разряд, который будет свидетельствовать об особенной наклонности допетровского общества к шутливым речам и к шутливым изображениям разных положений старой жизни. К этому разряду мы отнесли бы все лубочные картинки с шутовскими речами и шутовскими изображениями. Они очень знаменательны в том смысле, что в них народная письменность сама собою добралась до печатного слова и могла бы заявить себя множеством своеобразных произведений, если б и на этом пути не встретила с запрещениями и гонениями, которые ее преследовали, начиная от патриарха Иоакима, запретившего продавать листы с иконными изображениями, и оканчивая нашими днями, когда в Москве были уничтожены ее последние печатные доски по распоряжению гражданской власти.[\[35\]](#)

Между тем в половине XVII ст., по свидетельству Кильбургера, лубочные картины или листы деревянной печати печатались свободно и в большом количестве, и в Москве, и в Киеве.[\[36\]](#) Известно, что такими картинками украшались стены и в дворцовых покоях и в хоромаш у частных людей. Продавались они в Москве в первой половине XVII ст. в Овощном ряду, а в конце XVII и в начале XVIII ст. на Спасском мосту, у Спасских кремлевских ворот, следовательно, на самом бойком



месте по многолюдству, по цене всем доступной, по деньге, по копейке и по 2 копейки.

Эти листы сделались теперь величайшею редкостью.<sup>[37]</sup> Принадлежащие им тексты нередко заключают в себе именно тот дух наивного и беззастенчивого шутовства, не всегда удобного для печати, которым должен был отличаться народный невоспитанный смех в старое время. Он в выборе предметов для своих изображений мало стеснялся какими-либо рамками позволенного или приличного и подвергал глумлению всякий предмет, доставлявший необходимую пищу его остроумию. Таковы, например, его глумотворные статьи: Список с челобитной Калязина монастыря, Хождение Савы Большой Славы, с смешным икосом; Повесть, а также и Сказание о куре и лисице и т. п.<sup>[38]</sup>

Необходимую форму для шутовской или сатирической литературы служила всегда вирша или рифма, так что шутить, острить значило, между прочим, и то, чтобы подбирать в своей речи пригожий склад или пригожую рифму. Древнейшим нашим стихотворцем и сатириком мы по всей справедливости должны признавать князя Ивана Хворостинина, который в начале XVII ст. прославился своим еретичеством, а быть может, главным образом, своими «многими укоризнами и хульными словами в письмах про всяких людей Московского государства», тем особенно, «что гордостью и безмерством своим в разуме себе в версту не поставил никого и тем своим бездельным мнением и гордостью всех людей Московского государства и родителей своих, от кого он родился, обесчестил и положил на всех людей Московского государства хулу и неразумье». Он говорил в разговорах, что будто на Москве людей нет, всё люд глупой и жити ему не с кем и хотел, чтоб государь отпустил его в Рим или в Литву... а в книжках своего слога писал про всяких людей Московского государства многие укоризны, что будто московский народ кланяются святым иконам по подписи, хоти и не прямой образ; а которой образ написан хоти и прямо, а не подписан и тем не кланяются; да московские ж люди сеют землю рожью, а живут будто все ложью и приобщенья ему нет с ними никоторого; и составлял иные многие укоризненные слова, писаны на виршь: и то знатно, что такие слова говорил и писал гордостью и безмерством своим... У него же в письме было сыскано: написано государево (царя Михаила Фед.) именованье не по достоинству — деспотом русским, а деспота слово греческою речью владыка или владетель, а не царь и самодержец; а он, князь Иван, не иноземец, и так было про государское именованье писать непристойно, т. е. умялять государев титул и государево достоинство, сводить его с недосыгаемой высоты самодержца к простому деспоту, к простому владетелю.

Вся эта история с князем Хворостининым представляет самую характерную и типическую черту нашей старины, именно в отношении ее понятий о независимом литературном призвании кого-либо из ее современников. Если б Хворостинин находился в звании дурака-шута, старина простила бы ему его литературные грехи. За дерзкое слово он вытерпел бы несколько батогов, его поучили бы тоже каким-либо потешным, хотя и жестоким способом, и тем бы все окончилось. Но князь не был шутом, поэтому его сатирические многие укоризны тогдашнему московскому





обществу иначе и не могли быть поняты, как изменными ругательными поношениями честных людей.

Нет никакого сомнения, что князь лично никого не упоминал, а писал вообще, как истинный сатирик; в противном случае он пострадал бы и по суду за чье-либо бесчестье. Таково было положение литератора в нашем древнем обществе, т. е. положение всякого самостоятельного знания или самостоятельной и независимой мысли. Сатирика, а к тому же еретика, который поколебался мыслию и сомневался в воскресении мертвых, сослали под начал в Кириллов Белозерский монастырь, с крепким наказом, чтоб, кроме церковных, без которых быть нельзя, иных бы книг никаких у него не было, для того что «высокоумием вознесся и высокословия возжелав, да не впадет в берег погибели, как и другие самомнители, о истине погрешившие и самомнением погибшие».[\[39\]](#)

Как бы ни было, но для нас в настоящем случае любопытно то, что писанное слово на виршь или рифмованное слово было употребительно еще в первые годы XVII ст. Оно-то, по нашему мнению, и составляло главнейшую стихию старинного шутовства, и пользовалось наиболее широкими правами гражданства лишь в устах шутов-дураков, в устах потешников, как в царском дворце, так и в боярских хоромах. В обыкновенном быту, т. е. в устах рядового человека, не штатного потешника, смехотворные шутовские речи иной раз приводили к суду и, разумеется, даром с рук не сходили, доставляя хорошие выгоды сутяжникам и всякой приказной строке. Так, в 1733 г. в Духовную Дикастерию была подана на Высочайшее имя следующая жалоба служителем лейб-гвардии Преображенского полку капитана поручика Сергея Автам. Головина Алексеем Граниковским.

«Сего июня 17 дня настоящего 733 года, писал этот служитель, случились быть у меня нижайшего в доме гости, и без призыву моего пришел ко мне в дом мой, церкви Николая чудотворца, что на Хлынове, викарий поп Василей и принес с собою некакую проказу, роспись смехотворную, яко бы кому надлежит к женитьбе, у которой он поп своею рукою и подписался, и тем при гостях учинил мне нижайшему не малой афронт и бесчестье, понеже оные гости вменяли меня нижайшего в непостоянство; а я нижайший о той росписи и не сведом, и где он поп тое роспись взял и кто писал, не знаю, только узнал под тою росписью рука его попова, отчего я весьма опасен; а оное не точию б попу, но и мирянину того делать не пристойно; а он поп чинит в том соблазн не малой, а мне нижайшему нанес бесчестье, а для подлинного бессомнительного разнимательства со оною смехотворною яко бы приданого реэстра, которое за рукою его поповою, при сем приобщаю точную копию. Всемилостивейшая Государыня Императрица! прошу Вашего Императорского Величества да повелит державство Ваше сие мое прошение с приобщением с смехотворного реэстра копиею, приняв, записать, а оною попу, сыскав, в том реэстре и в бесчестьи меня нижайшего, допросить и по произведении дела по силе Вашего Императорского Величества указов и правил Святых Отец учинить ему попу, чему он будет достоин, а за бесчестье мое по уложению на нем взыскав, отдать мне нижайшему, дабы впредь оной поп, ходя по домам, таких проказ и незаконных поступок чинить перестал».





«Роспись о приданом: вначале восемь дворов крестьянских, промеж Лебедяни, на Старой Резани, недоезжая Казани, где пьяных вязали, меж неба и земли, поверх лесу и воды; да 8 дворов бобыльских, в них полтора человека с четвертью, 3 человека деловых людей, 4 человека в бегах да 2 человека в бедах, один в тюрьме, а другой в воде; да в тех же дворах стоит горница о трех углах, над жилым подклетом... третий московской двор загородной на Воронцовском поле, позади Тверской дороги. Во оном дворе хоромного строения: два столба вбиты в землю, третьим покрыто... — Да с тех же дворов сходитца на всякой год насыпного хлеба восемь анбаров без задних стен; в одном анбаре 10 окороков капусты, 8 полтей тараканьих да 8 стягов комарьих, 4 пуда каменного масла. Да в тех же дворах сделано: конюшня, в ней 4 журавля стоялых, один конь гнед, а шерсти на нем нет, передом сечет, а задом волочет; да 2 кошки дойных, 8 ульев неделаных пчел, а кто меду изопьет... 2 ворона гончих, 8 сафьянов турецких; 2 пустоши поверх лесу и воды. Да с тех же дворов сходится на всякой год всякого запаса по 40 шестов собачьих хвостов, [40] да по 40 кадешек соленых лягушек, киса штей, да заход сухарей да дубовой чекмень рубцов, да маленькая поточна молочка да овин киселя; а как хозяин станет есть, так не зачем сесть, жена в стол, а муж под стол; жена не ела, а муж не обедал».

«Да о приданом платье: шуба соболья, а другая сомовья, крыто сосновою корою, кора снимана в межень, в Филиппов пост, подымя хвост. Три опашня сукна мимозеленого, драно по три напасты локоть; да однорядка не тем цветом, калита вязовых лык, драно на Брынском лесу, в шестом часу; крашенинные сапоги, ежевая шапка... 400 зерен зеленого жемчугу, да ожерелье пристяжное в три молота стегано, серпуховского дела; 7 кокошников шитые заяузким золотом... 8 перстней железных золоченые укладом, каменья в них лалы, на Неглинной бралы; телогрея мимокамчатая; круживо берестеное, 300 искр из Москвы реки браны... И всего приданого будет на 300 пусто, на 500 ни кола. А у записи сидели с. Еремей да жених Тимофей, кот да кошка да п. Тимошка, да сторож Филимошка. А запись писали в серую субботу, в рябой четверток, в соловую пятницу; тому честь и слава, а попу каравай сала, да обратина пива, прочитальщику чарка вина, а слушальщикам бадья меду да 100 рублей в мошну; а которые добрые люди, сидя при беседе и вышеписанной росписи не слушали тем всем по голове...»

Несмотря на то, что дело относится к третьему [41] десятилетию XVIII века, эта роспись носит на себе все признаки XVII ст., когда, вероятно, она и была составлена, а в это время ходила уже в списках. Мы приводим ее как более или менее подходящую характеристику шутовских смехотворных речей, какими шуты-дураки потешали некогда своих слушателей. Мы видели, что шутовские статьи являлись на письме и в XVII ст.; но все подобные памятники, не имея делового канцелярского значения, быстро исчезали с самою жизнью старого общества, и только немногие из них попали в общий литературный оборот, переходя в какие-либо сборники или в разряд листов деревянной печати. Не говорим о литературе скоморохов, которая, по особенному свойству своих произведений, должна была исчезать постоянно вместе с живым словом этих потешников. Случайно записанные, эти произведения уже в романтическое время нашего века, даже в



руках ученых издателей, тоже были отвергнуты за «пренебрежение умеренностью и правилами благопристойности, а также и за насмешливый тон», как был отвергнут ими и знаменитый стих о Голубиной Книге, неприличный будто бы по смешению духовных вещей с простонародным рассказом. [\[42\]](#)

## Сказки, повести, небылицы

Одною из любимых русских комнатных утех в долгие осенние и зимние вечера и особенно для грядущих ко сну была сказка и, по всему вероятно, не в специальном ее значении, какое определила ей наука, а вообще в значении всякой повести, как небылицы, так и действительной были, обставленной только поэтическими образами и сказываемой поэтическим словом. Предки очень любили поминать прошлые события и берегли «память» о делах минувших. Лучшим доказательством и лучшим выражением их любви и уважения к памяти о прошлом служат летописи, разумеется первоначальные, когда народные литературные начала не были еще стеснены односторонними книжными влияниями.

С какою заботливостью первые летописцы стараются изобразить не свои личные фантазии и умствования, а самое дело жизни; с какою правдою стараются они описать событие, становясь всегда в сторону от своих личных стремлений или тут же их и объясняя, как такое же дело жизни, достойное памяти потомства, с целью восстановить одну правду. Все это обнаруживает здоровое и полное сил литературное направление.

Любовь и особое внимание к памяти о минувших делах и людях проходят через всю нашу историю и впоследствии получают только иное направление, когда память о делах людских сменяется памятью о делах Божьих, сказаниями о чудотворениях, о богоугодных людях, о подвижниках жизни иноческой.

Письменная литература отдается по преимуществу этому направлению; но зато словесная устная остается верно своему первоначальному призванию и очень долго, даже до наших дней, без средства письма, сохраняет в памяти народа, конечно, уже не историческую, летописную, а только поэтическую правду о людях и событиях. Она лучше помнит народных героев и вернее изображает истину их жизни, чем литература письменная, впоследствии совсем утратившая в своих изображениях жизненное чутье, если можно так выразиться. На том основании, что устное слово столь долго и при великом множестве самых неблагоприятных обстоятельств умело сберечь память о героях народной истории, каковы бы ни были их дела, мы имеем полное и во всех отношениях основательное право заключать, что в то время, когда обстоятельства не были еще столько неблагоприятны, устное слово работало во всей силе и представляло, несмотря на гонения со стороны писанного слова, живую область народного творчества, где русский человек всегда находил истинное удовлетворение эстетическим потребностям своей мысли и чувства.



Очень естественно поэтому, что сказочник, бахарь, как и домрачей и гусельник-гусляр, сменившие древних певцов и баянов, сделались, как теперь книга, домашнею необходимостью, без которой неполна была бы жизнь всякого, кому не чужды были человеческие удовольствия. Их могло вытеснить, как и в действительности вытеснило, только писанное, т. е. печатное слово, и то тогда только, когда с половины XVIII ст. и оно поставило себе целью творчество художественное. У старозаветных людей и в начале нашего столетия бахарь-сказочник бывал еще необходимым членом домашнего препровождения времени. Таким образом, старого бахаря, домрачая и гусельника мы должны рассматривать как представителей художественной литературы, свойственной потребностям и вкусам века. Это были поэты, если и не творцы, зато хранители народного поэтического творчества. Но не можем сказать, что они не были и творцами, ибо есть положительные свидетельства, что народная мысль не только свято хранила поэтическую память о минувшем, но с живостию воспринимала и поэтические образы современных событий.

В этом отношении для нас неоценимы песни, записанные у одного англичанина в 1619 г. [43] Они воспевают событие, только что совершившееся в том году: приезд в Москву из плена государева отца Филарета Никитича; они поют смерть недавнего народного героя Скопина-Шуйского (1610 г.); они поют участь царевны Ксении Годуновой, участь, вполне достойную поэтической памяти; они поют весновую службу и набег крымского царя, для береженья от которого назначалась служба и в этом 1619 г. марта 12.

Имея в виду эти песни и случайность их записи, мы можем основательно полагать, что это только незначительные крохи того, чем обладало наше старинное песнотворство; что не было события и жизненного народного дела, которое не было бы пропето, прожито не одною материальною нуждою, но и поэтическим чувством; что поэтическое народное чувство было очень впечатлительно и отзывалось на всякий звук жизни, и что, следовательно, в настоящее время собранные нами старинные песни представляют весьма незначительную часть того богатого наследства, какое наш народ скоплял нам в течение веков в своем песенном творчестве. Он до сих пор в устах сохранил, например, песенную память о том, как «царь сослал царицу в монастырь». Эта песня, по всему вероятно, спета про царицу Евдокию Лопухину, супругу Петра; но по содержанию, или, лучше сказать, по поэтическому образу царицыной участи она может быть отнесена и к Соломонии Сабуровых, т. е. почти за 200 лет раньше Петровского времени. Народ пропел и сохранил в устах и горькую участь молодой царицы-вдовы, без сомнения Марфы Матвеевны Апраксиной, едва успевшей вступить в брак и оставшейся после царя Федора сиротою в 15 летнем возрасте. [44]

Стало быть, народ никогда не был безучастным свидетелем событий своей истории, и не только событий государственных, общенародных, но и государевых, домашних. Именно эти песни о царевне Ксении и о царицах, равно как и о домашних отношениях Грозного, лучше всего и подтверждают ту истину, что народное поэтическое творчество вовсе не было так бедно, как оно представляется



теперешнему наблюдателю. Мы должны много сожалеть о влиянии той аскетской мысли, по которой мирская песня получила значение греха и благочестивое книжное перо не осмеливалось начертить ее на бумаге и передать писанную на память потомству; по которой на том же основании во имя святости и под покровом слов писания, взамен народных песен, распространялись самые темные апокрифические басни, содержавшие в себе действительные ереси, и притом, по происхождению, совсем нам чужие.

Записать на бумагу песню еще возможно было в конце XII века, как это сделал творец Слова о Полку Игоревом, но и он уже, или его позднейший переписчик, не посмел назвать этот рассказ прямым именем — песнию; он озаглавил его словом, т. е. придал ему значение обычной в то время книжно-литературной формы — т. е. слова книжно-учительного или книжно-повествовательного. В XV, XVI и XVII столетиях писать на бумаге песни значило кощунствовать, развратничать, прямо обречь свою душу адской бездне, а свое земное существование вести по меньшей мере под батоги, а затем под начал, т. е. к монастырскому строгому и суровому исправлению: сидеть на цепи, работать всякую трудную монастырскую работу и непрестанно замаливать свой неразумный грех. Страшно было совершить такое преступление особенно потому, что одному греху обыкновенно всегда приписывали и всякие другие грехи, ему сродственные и свойственные.

Писатель — это еретик, кощунник

Точно так же, как человек не был мыслим без своего рода и всегда и терял и приобретал, возвышался и подвергался опале и гонению заодно со своим родом; так и грех писания, как грех мысли, коль скоро выходил из круга понятий книжности, тотчас подвергался осуждению и гонению заодно со всем своим родом своевольной или независимой и самостоятельной мысли. Поэтому записанные пустошные речи и песни равнялись еретичеству, неверию, и грамотные тетради нецерковного да и неделового содержания были непременно заподозреваемы как тетради еретические, богопротивные, кощунные; а былины с их мифическими образами прямо бы осуждены были на сожжение.

Книжное слово зорко и неустанно берегло свою чистоту и тотчас изгоняло из своей сферы не только памятники явно богомерзкие, но и простую живую народную речь, которая всегда способна была высокую книжную фразу низвести в грязь просторечия или отверженного шутовства. Вообще старая книжность была нашим строгим и суровым дидаскалом, строгим и суровым классицизмом, который презирал и почитал подлым, низменным и низким все романтическое, т. е. народное, и постоянно стремился изгнать из своей сферы не только дух этого романтизма, но и самые его формы. Вот почему никакой Котошихин и не осмеливался записать старые наши былины, повести и песни, и никакой боярин, а тем больше сам государь не мог и подумать о том, чтобы собрать в книгу народные песнопения. Вот почему и Слово о Полку Игоревом не могло распространиться в достаточном количестве списков, хотя книжность знала о его существовании и



тайком воспользовалась им, сочинив по его образцу и его же речами одно из своих повествований о Донской битве.

Должно заметить, что отвергая народное слово, книжность, где было ей нужно, все-таки пользовалась песнями, как необходимым материалом. Она нередко по ним составляла свои летописные статьи, свои исторические повести и сказанья вроде Поведания о Мамаевом побоище; она вносила песни в хронографы (например, песню о Скопине), она, по всему вероятно, по таким же песням в XVI—XVII ст. составляла свои сказанья о зачале Москвы-города и т. п. Но пользуясь поэтическим материалом от наших древних баянов, от старинных бахарей, домрачеев и гусельников, она только искажала их песни, стирала живые их образы, всегда усердно переделывала их народную складную речь на свое книжное сухое и чопорное слово. Подражая народному поэтическому слову, книжность иной раз доводила свою фантазию до образов неимоверно грубых и чудовищных. Таковы, например, ее подражания народным загадкам, эти «богословские вопросы и ответы», где, по образцу игривой двусмысленности загадок народного слова, облекались в цинические загадки священные предметы, например: Что есть четыре орлы едино яйцо снесли... Что есть вол корову роди... Кто есть внук, рече бабе... Что есть отрок, рече: девица, девица... и т. п. [45] Словом сказать, пригнетение народной поэзии, ее отвержение от писанного слова, низвело и самую книжность до пошлых и цинических литературных приемов, в которых обнаруживалось только всеобщее помрачение ума и всеобщее огрубение и огрязнение чувства. Между тем для народной поэзии, чтобы вывести ее из пределов первобытной непосредственности, и именно из пределов всего грубого, цинического, сального и грязного, для народной поэзии в этом ее положении только и недоставало свободной письменности. Только свободная письменность могла очистить, возвысить, облагородить народное словесное творчество, поднять его из грубой материальной среды на высоту созданий идеальных, художественных в полном смысле. Писанное слово есть зеркало, в котором народное сознание успело бы поверить себя, высмотреть свои безобразные формы, если б такие и накопились в нем; успело бы произнести над ними достойное осуждение и выйти на чистый возвышенный путь. Устное слово этого сделать не могло уже по той причине, что оно все-таки жило в загоне и в презрении, как орудие отверженной потехи, а главное потому, что было неуловимо для сознательной поверки и его грехи или цинический разврат всегда теряли общий смысл и оставались грехами и развратом самого сказателя или певца, той личности, которая являлась выразителем этого слова. Для сознательной поверки или критики, для силы очищения от грехов цинизма и разврата в руках народа не было точки опоры, для всех общей точки, какую способна была представить только свободная письменность.

### Народная поэзия. Скоморохи (т.е. весёлые)

Как бы ни было, но многое нас убеждает, что в эпоху, о которой ведем речь, народная поэзия жила еще довольно полною жизнью и устное поэтическое слово





постоянно оглашало и дворцовые палаты, и хоромы бояр, и народные празднества и игрища, что певцы и сказатели были людьми необходимыми в тогдашней и общественной и домашней жизни.

Известно, что царь Иван Васильевич не мог даже и засыпать без бахарей. Немцы, [46] описывая его монашескую жизнь в Александровой Слободе, говорят, между прочим, что после вечернего богослужения царь уходил в свою спальню, где его дожидались трое слепых старцев; когда он ложился в постель, один из старцев начинал говорить сказки и небылицы, и когда уставал, то его сменял другой, и т. д. Царь от того скорее и крепче засыпал.

Мы полагаем, что это была общая привычка старинных русских людей и царь Иван Васильевич является в этом отношении только сыном своего века. Он точно так же любил и веселых, т. е. скоморохов, любил медвежью травлю и тому подобные удовольствия, которые хотя и были гонимы, но тем не менее представляли обычный репертуар царского и народного увеселения до самых дней реформы, а у народа отчасти и до наших дней (медвежья травля). Царь Иван Васильевич собирал веселых и медведей по всей земле. В 1571 г. с этой целью приезжал в Новгород некий Субота Осетр, верно царский потешник, и в Новгороде и по всем городам и волостям новгородской области брал на государя веселых людей да и медведи описывал на государя, у кого скажут. Субота занимался этим делом все лето с весны, и 21 сентября поехал на подводах к Москве с собранными скоморохами, и медведей повезли с собою на подводах к Москве. [47] — Можно полагать, что и в других областях бывали подобные же сборы скоморохов, в числе которых певцы-гуслиры непременно занимали самое видное место. Остается не один раз сожалеть, что царские архивы погорели и мы вообще не имеем достаточных подробностей об этой, как и о многих других статьях тогдашнего быта. Встречается известие, что у царя Василья Шуйского был бахарь Иван.

У царя Михаила мы находим те же старые русские комнатные утехы. Его увеселяют бахари, домрачеи, гусельники. В первые года ему бают басни бахари Клим Орефин, Петр Тарасьев Сапогов, Богдан Путята или Путятин. Царь каждый год жалует им платье; так, 9 февр. 1614 года государев бахарь Клим Орефин получил 4 арш. сукна англинского зеленого, кафтан зенденинный темнозеленый, однорядку суконную вишневою. В том же году мая 7 выдано государева жалованья другому государеву бахарю, Петрушке Тарасьеву Сапогову 4 арш. сукна [48] англинского вишневого, кафтан-зендень лазорева, сапоги телятинные, причем и Клим Орефин, названный Орефьевым, тоже получил телятинные сапоги. В 1617 г. мая 6 трем бахарям Петрушке, Богдашку и Климашке пожаловано по 4 арш. сукна настрафилю лазоревого, да по 5 арш. сукна лятчины червчатой. В 1618 г. апреля 15 государь пожаловал домрачея Богдана Путятина да бахарей Петра Сапогова и Клима Орефьева по 4 арш. сукна лазоревого. В 1620 г. апр. 29 такое же жалованье получили бахарь Клим и домрачей Путята; в 1622 г. марта 27 бахарь Богдан Путятин получает опять такое же сукно. Все эти пожалования произведены по «именному приказу», следовательно, в награду за потешенье.





С бахарями рядом по своему занятию стояли в Потешной палате домрачеи. Мы видели, что бахарь Богдан Путята отмечен также и домрачеем. По всему вероятно, занятия бахаря и домрачея очень часто соединялись в одном лице, ибо бахарь был повествователь, сказочник, а домрачей миннезингер, песельник, воспевавший деянья прежних людей, т. е. былины и старины про богатырей, и вместе с тем и духовные стихи. Домрачеем он назывался по имени музыкального инструмента, на котором подыгрывал свой песенный лад, и который у славян западной Европы употребляется и теперь с именем момры; это была домра, струнный инструмент, на котором играли пальцами, как на гитаре. Очень вероятно, что это — имя мандоры, образовавшееся от перестановки звуков, к которой так расположен русский язык, особенно в отношении слов иностранных; как, например, и из другого слова: маскара, образовалось наше скоморох или скомрах.[\[49\]](#)

После домрачея Путяты, когда государь в 1626 г. женился, на свадьбе его тешили домрачеи Андрюшка Федоров да Васька Степанов. Затем в Потешной палате являются уже домрачеи слепые. Так было необходимо, если эти потешники должны были увеселять и молодую царицу, не только в Потешной палате, но, как вероятно, и в ее хоромах. Что действительно они главным образом воспевали свои песни на царицыной половине, на это указывают награды им от лица государыни и довольно частая выдача им из царицыной казны денег на домерные струны. Так, 9 июня 1632 г. царица Евдокия Лукьян. жалует рубль потешнику домрачею Гаврилку слепому, а слепым играцам домрачеем Якову (он же Янка, Якуш, Якунка, 1635—1643 гг.), Лукьяну Никифорову (он же Лука, Лукаш, 1635—1639 гг.), Науму и Петру приказывает в разное время выдавать по гривне и по две гривны на домерные струны. Государь неоднократно жаловал их платьем. Например, в 1635 г. мая 31 Науму слепому сделано: однорядка, ферези, кафтан, шапка и сапоги, всего на 7 р. 30 к. Августа 29 такое же платье сшито слепым Якову и Петру.[\[50\]](#)

Таковыми же певцами народных песен были гусельники. Но неизвестно, находились ли они при дворце постоянно, подобно домрачеем, или только призывались временно, как, например, в 1626 г. по случаю царской свадьбы тешили царя гусельники: Уезда и Богдашка Власьев. В 1629 г. июля 18 государь жалует гусельнику Любиму Иванову полный наряд платья: однорядку, кафтан, ферези, штаны, шапку, колпак и сапоги всего на 16 р. 38 к., сумма довольно значительная, вдвое большая против такого же жалованья домрачеем, которая должна обозначить и меру утехи, какую доставил государю этот гусельник.

К числу веселых принадлежали также и скрипотчики, из которых Богдашка Окатьев, Ивашка Иванов, Онашка, да немчин новокрещенный Арманка тешили государя на свадьбе в 1626 г.; но в последующее время сведений об них не встречается и нам неизвестно, состояли ли при Потешной палате музыканты этого рода.

Иногда в Потешной палате появлялись и другие потешники, о которых неизвестно, чем они забавляли государя. Так, в 1638 г. на святках был взят с Тулы крестьянин Иевка Григорьев, которому дек. 30 сделан суконный лазоревый кафтан.[\[51\]](#)



## Музыка. Потешные хоромы. Музыкальные инструменты

Музыка, конечно, была одною из первых статей государевой домашней комнатной потехи, а особенно на женской половине, увеселения которой ограничивались по преимуществу только домашними утехами. Заморские органы, как и всякие другие, русские статьи старинных дворцовых увеселений, были, по всему вероятно, и в то время помещены в одной из дворцовых палат, которая по этой причине и должна была называться Потешною палатою. Хотя встретившееся нам свидетельство о существовании Потешной палаты относится ко времени Годунова и Шуйского, однако возможно без ошибки полагать, что она существовала и в начале XVI ст., существовала, без всякого сомнения, как отдельное помещение для потех и в более раннее время, если не с названием палаты, то с названием какой-либо потешной хоромины.

В год вступления на царство Михаила, в 1613 г. ноября 10, устроены были также и потешные хоромы; тогда в них было отпущено к четырем дверям да к семи окнам на обивку красное сукно. В первой половине XVII ст. Потешная палата занимала несколько отдельных комнат в старом здании дворца, где находилась и Царицына Золотая палата и над которым потом выстроены были каменные покои теремного дворца,<sup>[52]</sup> после чего она именовалась иногда потешным подклетом, ибо находилась уже в подклетном этаже терема. В этом помещении и сосредоточены были тогда почти все дворцовые комнатные забавы, начиная с органов и оканчивая бахарями, домрачами, карлами и попугаями. Здесь хранилась и всякая потешная утварь и рухлядь, т. е. платье, разные вещи и разные музыкальные и другие потешные «стременты».

При палате находились особые сторожа, носившие название потешных сторожей и получавшие соответственное своей службе жалованье. Она представляла в некотором отношении как бы особое ведомство, к которому принадлежали все потешники и все лица, имевшие во дворце потешное значение. Потешные сторожа были блюстателями и, так сказать, надзирателями всего этого потешного чина, ибо через них производились всякие хозяйственные его дела. Главное заведование над Потешною палатою принадлежало царскому постельничему, а впоследствии перешло в Приказ Тайных дел, так что в палате и в этом Приказе находились одни и те же сторожа, 4 человека.

В XVII ст., с первых же лет царствования Михаила Фед., органы и цымбалы составляли уже необходимую принадлежность дворцовой Потешной палаты,<sup>[53]</sup> при которой находились и постоянные игроки на этих инструментах, цымбальники и органные мастера.

Под именем цымбал должно разуместь, по всему вероятно, старинный немецкий народный инструмент (гакебрет), грубое подражание фортепианам, вроде русских гуслей, с металлическими струнами, на котором играли, ударяя по струнам двумя деревянными молоточками, обтянутыми сукном. Тем же именем могли обозначаться и клависины или клавиорды, старинные фортепианы, так что цымбальник мог обозначать и цымбалиста или пианиста.



В 1614 г. цымбальником Потешной палаты был Томило Михайлов Бесов, которого и самое прозвание указывает, что это был артист своего дела. После него упоминаются цымбальники Мелентий Степанов (1620—1632 гг.) и Андрей Андреев (1631 г.). Они, без сомнения, устраивали не одну игру на цымбалах, но заведовали и органною игрою. Органная игра, видимо, очень нравилась домашнему государеву обществу, и потому были приняты меры устроить ее еще лучше, для чего и вызваны были, конечно, немцы.

В 1630 г. октября 14 выехали к государю послужить ремеслом своим органного дела мастера, а главным образом мастера часовых дел, Анс Лун да Мелхарт Лун; а привезли они с собою из голандской земли стремент на органное дело, и тот они стремент на Москве доделали и около того стременту станок сделали с резью и расцветили краскою и золотом; и на том стременте сделали соловья и кукушку с их голоса; а как играют те органы и обе птицы поют собою без человеческих рук. За то мудрое дело государь пожаловал им из своей казны 2676 рублей, вероятно по оценке материалов и работы. Но кроме того, когда работа была окончена и государь того их дела смотрел и игры слушал дважды, им дано было по сороку соболей да в стола место, т. е. вместо приглашения к царскому столу, корм и питье, что было очень почетною наградою.

В 1637 г. Анс или Яган Лун помер, а брат его в 1638 г. был отпущен в свою землю по собственному желанию, причем ему дано 100 р. денег, сорок соболей в 40 р. и шесть подвод. Государь приказал ему, чтоб он опять возвратился в Москву и вывез бы с собою двух часовых мастеров с условием научить в Москве учеников. [54] Немцы Луневы также выучили к своим органам мастера из московских. Нет никакого сомнения, что эти немцы в течение восьми лет своей службы при царском дворе устроили музыкальную потешную статью самым удовлетворительным образом.

Кроме больших органов, которые были сделаны еще в первый год их службы и стояли в Грановитой палате, они, вероятно, устроили несколько подобных же инструментов в меньшем размере и для Потешной палаты. Таким образом, с этого времени немецкая органная игра является уже не случайною гостью в царском дворце, а становится вседневною потехою в домашнем быту государя, служит постоянным увеселением для его семейства, для царицы и для детей и для всех ее комнатных людей. К сожалению, ничего нельзя сказать, какие песни разыгрывались на этих органах и были ли поставлены на них и русские песни. Впоследствии органное дело стало обыкновенным делом и для московских дворцовых мастеров, так что государь посылал уже органы как диковину в подарок к персидскому шаху.

В первый раз органы московской работы были туда посланы в мае 1662 г.; они описаны таким образом:

«органы большие в дереве черном немецком с резью о трех голосах, четвертый голос заводной самоигральной; а в них 18 ящиков, а на ящиках и на органах 38 травок (зачеркн. личин медных) позолоченых. У 2 затворов 4 петли (железные) позолочены; 2 замки медные позолочены. Напереди



органов больших и средних и меньших 27 труб оловяных, около труб 2 решетки резные вызолочены; по сторонам орган 2 крыла резные вызолочены; под органами 2 девки стоячие деревянные резные вызолочены; 4 скобы (железные) приемные с пробоями и с гайками вызолочены; 4 шурупы приемные от голосов (медные) позолочены; поверху органов часы боевые, с лица доска золочена, указ посеребрен; поверху часов яблоко (медное) половина позолочена; круг часов по местам резь вызолочена; 5 ключей железных золоченых; позади (органы) оклеены красным сукном».

Очень понятно, что в царской Потешной палате музыкальные инструменты, цымбалы, органы и т. п. существовали не для одного лишь гуденья, а представляли необходимую и весьма важную статью и для других разнообразных увеселений. При их посредстве устраивалось, вероятно, всякое скомрашное дело и всякая смехотворная хитрость разными веселыми людьми или скоморохами в исключительном смысле, как творцами походячих народных спектаклей, начиная с кукольных комедий и оканчивая небольшими сценическими представлениями, какие впоследствии стали обозначаться иноземными именами интермедий, интерлюдий.

### Кукольная комедия, фигляры, фокусники

Известно, что кукольная комедия и в старину принадлежала к числу потех общенародных, обычных, и нет сомнения, что ее происхождение относится к очень давним временам. «Вместе с вожатыми медведей, — замечает Олеарий, — у русских можно встретить и комедиантов, которые, между прочим, представляют разные шутки посредством кукол; для этого устраивают они из холста, обвязанного вокруг тела, род сцены, помещающейся над их головами, на которой куклы представляют разного рода фарсы. С такими подвижными театрами ходят русские комедианты по улицам».<sup>[55]</sup>

Конечно, для царских детей подобные потехи представляли одно из любимейших увеселений, поэтому в Потешной палате, судя по некоторым, хотя и скудным, свидетельствам, шли постоянные представления даже немецких фигляров, балансеров, фокусников и т. п., которые непременно разыгрывали и какие-либо действия, арлекинады, небольшие шуточные пьески, на что вообще хитры были странствующие немецкие и польские артисты, стоявшие, конечно, в этом отношении выше наших скоморохов.

Таким артистом был, как кажется, поляк Юшка Проскура, которому в 1626 г. февр. 28 государь приказал шить особое платье, бархатную черную чугу с серебряною нашивкою, атласный алый кафтан с золоченою нашивкою и суконные красные (багрецовые) штаны с медными застежками (40 гнезд), всего с лишком на 18 руб. — деньги большие и пожалование сделано вероятно за увеселения, какими потешал этот Проскура государев двор во время царской свадьбы (с 5 февраля). Он заведовал органною потехою. В 1635 г. сент. 18 ему дань перстень серебр. золочен с лазоревою печатью, навожен финифты, купленный в Серебр. ряду за 10 алт.



В 1629 г. является уже настоящий канатный плясун, потешник немчин Иван Семенов Лодыгин, верно переименованец. Июня 16 ему шьют также особое потешничье платье: темно-синюю суконную епанчу и темно-вишневый суконный зипун. Он также состоит при Потешной палате (более 10 лет) и постоянно увеселяет царское семейство всякими потехами. Время от времени для таких потех он получает из царской казны готовое платье или же весь материал, из которого он сам уже готовил себе костюм, как было надобно. Так, в 1630 г. сент. 21 ему шит юмурлук, особого покроя кафтан, суконный темновишневый, ценою около 6 р. В 1632 г. [56] окт. 16 ему изготовляют потешничье немецкое платье: плащ, кабат, пукши, роскошно обшитое мишурным кружевом, ценою более 13 р., также сапоги немецкие белые и шляпу черную с мишурною исткою. Какими именно потехами он забавлял царское семейство, мы не знаем; но не только в дворцовой кремлевской Потешной палате, — он давал иногда свои представления и в загородных дворцах, именно в любимой тогдашней царской даче, в селе Покровском-Рубцове.

Так, в 1635 г. мая 29 вместе с таким же потешником немчином Юрьем Воин-Брантом он тешил там государя и шестилетнего царевича Алексея Мих. В том же году и там же (7 сентября) он опять тешил государеву семью всякими потехами. В это время упоминается и еще немчин-потешник Ермис, которому выдают (7 мая) для потешного дела 4 арш. тафты виницейки зеленой да аршин тафты рудожелтой и (13 мая) на шитье на немецкое платье шолку зеленого да желтого по 5 зол. По-видимому, этот Ермис или Юрмис тот же Юрий Воин-Брант, действовавший на потехе 29 мая. Надо заметить также, что к этому дню сшито было немецкое платье три юпы, трои пукши, три шапки и трем молодым накрачеям царевича Алексея, которые, следовательно, также действовали на потехе. [57]

## Канатные плясуны

В числе упомянутых всяких потех было и танцование по канатам. По обычному правилу московского двора требовать от каждого заезжего искусника немца, чтобы он выучил учеников своему художеству, и потешник Иван Семенов тоже учил русских людей своей бесовской мудрости. В 1637 г. июня 27 государь пожаловал ему 10 арш. камки двоеличной шелк ал-желт, ценою в 9 р., да за сукно деньгами 6 р., «за то что он выучил по канатам ходить и танцовать и всяким потехам, чему он сам умеет, пять человек, да по барабанам выучил бить 24 человека». [58]

Его ученики метальники и накрачеи забавляли с тех пор царевича Алексея и находились в его штате. Для потех им тоже изготовлялось немецкое платье, как, например, трем накрачеям, о чем мы сказали выше. В 1638 г. июня 26 царевичевым метальникам Макарку да Ивашку Андреевым сшиты две курты да двои штаны из красного (червленого) сукна, а вместо шапок арачкины (ермолки), тоже из сукна-багреца. [59] В том же году сент. 12 потешникам Ивану Семенову с товарищи для государевых потех на потешное платье было отпущено из царской казны 10 арш. камки зеленой мелкотравной, 5 арш. тафты зеленой, 1 арш. тафты





рудожелтой, 1 арш. тафты алой, 10 арш. сукна червленого, 5 арш. зеленого, 1 ½ арш. белого да желтого, и деньгами на 11 ½ арш. холста, на 10 арш. стамеду, на 156 арш. снурков шелковых, на 36 портиц пуговиц немецких шолковых, на 33 зол. шолку сканого, 9 р. 27 ал. 4 д. Все взял сам потешник Лодыгин, вероятно готовивший в это время какие-либо новые увеселения для государя. Должно полагать, что в этих немецких потехах участвовали и женщины, ибо в 1635 г. генваря 9 и 31 по имянному приказу царицы Евдокеи Лук. для потехи были сшиты четыре портица немецкого женского платья, из коих на два употреблен бархат, тафта, сукно и золотное круживо, а на другие два бархатель, мухояр и мишурное круживо. 31 мая к тому же или уже к другому потешному немецкому платью куплено 37 золотных пуговиц.

### Потешники и творимые ими утехы

Потешник Иван Семенов, видимо, был артист на все руки; он тешил государя и соколами [\[60\]](#) и в домашних забавах возился с государевыми дураками или шутами. 19 марта 1632 г. он подал царю следующую челобитную:

«государю царю и в. к. Михаилу Федоровичу всеа Русии бьет челом холоп твой Ивашка Семенов сын Лодыгин: в нынешнем, царь, во 140 (1631) году до зимнего Николина дни пожаловал ты, государь, меня холопа своего, как я холоп твой тебя, государя, тешил и г. царевича князя Алексея Мих. соколами; рекся ты, государь, пожаловать мне холопу своему шубу; и я холоп твой с тех мест и по сю пору, ожидаючи твоего государева жалованья к себе, не бивал челом. Милосердый государь! пожалуй меня холопа своего в то место к Светлому Воскресенью фerezцами да кафтаном. А дураки, государь, теша тебя, государя, изодрали на мне однорядку да шапку; и однорядочка у меня, холопа твоего к Светлому Воскресенью с пугвицы серебряными — твое царское жалованье — есть. Царь государь, смилуйся!»

На челобитной отмечено: государь пожаловал, велел дать фerezы — дороги гиянские, кафтан — тафту виницейку, да шапку, в приказ (т. е. сверх годового оклада, по которому, вероятно, потешник получал и годовое платье).

Дальнейшая история немецких потех у царя Михаила Фед. нам неизвестна. Можно догадываться, что к концу его царствования они едва ли и совсем не прекратились или по крайней мере были очень редки вследствие разных домашних причин тогдашнего царского быта. Царь с царицею прожили уже молодые годы и стали оба часто недомогать, а потом и со стороны духовной власти были подняты, как увидим, старые поучения о душевной гибели от всяких бесовских потех. Потешник Иван Семенов сходит со сцены, по крайней мере его имени уже не поминается в это время; остается потешник Иван Ермис, который в 1642 г. апр. 3 получает от государя 10 арш. камки, 5 арш. сукна и сорок соболей «за трубничье ученье», которому он мог обучать вовсе не с потешною целью одних военных людей.





Любопытно то обстоятельство, что в Царской казне на Казенном дворе в 1640 г. сохранялось 280 портищ (одежд) немецких коротких суконных настрафильных черленых, подкладки летчинные, а иные холстинные лазоревые, пугвицы каменные, 284 штанов немецких же суконных настрафильных, червчатых, коротких, подкладки холстинные, 637 шапок немецких суконных, 278 чулок немецких, кроме шести емарлуков и чекменя, тоже одежд иноземных.<sup>[61]</sup> Возможно ли предполагать, что это были одежды Потешной палаты?

В первые 20 лет царствования Алексея Михайловича точно так же почти вовсе не упоминается о потехах этого рода. Знаем только, что во время моровой язвы, опустошавшей Москву в 1654 г., когда оставленный дворец был пуст и зимою того года «от Грановитой к переграде и на постельном и на красном крыльце, и за переградою к мастерской палате и от Стретенья и к набережным хоромам и на дворцах», т. е. повсюду лежали сугробы самые большие и пройти было невозможно, — в это время у государя в Верху, во дворце, в потешном подклете оставался какой то князь Ян (верно, потешное прозвание, быть может тот же Иван Семенов), и карла <sup>[62]</sup> с царскими попугаями, которых он сумел сберечь до возвращения царя в Москву.<sup>[63]</sup>

Видимо, что молодой царь мало был расположен к утехам домашней Потешной палаты. Его в первые годы исключительно занимала охота псовая и соколиная, медвежьи бои, медвежьи и волчьи осоки, походы на лосей и вообще на лесного и полевого всякого зверя. Отвлекать таким образом молодого царя подальше от государственных дел было также в видах боярина Морозова, его дядьки и соправителя, тогдашнего временщика. Кроме того, в первые же годы царь обнаружил стремление обновить распущенную жизнь, внести в нее строй и порядок, обнаружил, словом сказать, стремление к реформе, хотя еще вовсе и не сознавал, в чем она должна состоять, чтобы принести народу действительное благо. Был восстановлен идеал хорошей жизни по старому Домострою. Стремлениям царя тотчас ответила духовная власть, которая в эту эпоху находилась под влиянием многих староверов и изуверов и закладывала вместе с ними по поводу исправления и нового издания церковных книг основание для раскола.

Вспомняты были некоторые решения Стоглава и поучения его родного брата — Домостроя об искоренении бесовских мирских игр, сатанинских песен и позорищ, вообще о том, чтобы живым мирским людям устроить свое житие по старческому началу, т. е. в домах, на улицах и в полях песен не петь, по вечерам на позорища не сходиться, не плясать, руками не плескать, в ладони не бить, т. е. в хороводы не играть, и игр не слушать; на свадьбах песен не петь и не играть глумотворцам, органникам, смехотворцам, гусельникам, песельникам, на святках в бесовское сонмище не сходиться, игр бесовских не играть, песен не петь, загадок не загадывать, сказки не сказывать, празднословием, смехотворением и кощунанием, такими помраченными и беззаконными делами душ своих не губить, личины (хари, маски) и платье скоморошеское на себя не накладывать, олова и воску не лить; зернью, в карты и в шахматы не играть; на Святой на досках не скакать, на



качелях не качаться; скоморохом не быть; с гусями, с бубнами, сурнами, домрами, волынками, гудками не ходить; медведей не водить, с собаками не плясать; кулачных боев не делать, в лодыги (в бабки) не играть; не говоря уже о ворожбе, чародействе и вообще о мирском суеверии.

Все эти народные общественные и домашние удовольствия, всю эту мирскую радость девятнадцатилетний государь, внушаемый, по всему вероятно, патриархом Иосифом и поддерживаемый в том своим дядькою Морозовым, [64] решил искоренить во всей земле.

В 1648 г. по всем городам разосланы были царские грамоты с крепким подтверждением читать их в соборах по воскресеньям и по торжкам в городах, в волостях, в станах, погостах, не по одиножды всем вслух. [65] В этих грамотах царь, жалея о православных крестьянах, подробно и строго наказывал всему православному миру уняться от неистовства и всякое мятежное бесовское действие, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми прекратить, так что по грамоте вся земля должна была превратиться в один огромный, безмолвный монастырь с монашеским житием и старческим поведением. Ослушников на первый и второй раз велено бить батогами, а в третий или четвертый ссылать в ссылку в украинные города, а гусли, домры, сурны, гудки, маски и все музыкальные, гудебные бесовские сосуды велено отбирать, ломать и жечь без остатку. Скоморохов же на первый раз бить батогами, в другой кнутом и брать пеню по 5 руб. с человека. Такие же грамоты разосланы были повсюду и от митрополитов, которые грозили послушникам наказанием без пощады и отлучением от церкви Божией (1657 г.).

## Охота под аскетическим молчанием

Замечательно, что охота (псовая, ловчие птицы), столь любимая царем, хотя также отвергнутая отеческими поучениями, как видели выше, была в этих грамотах обойдена молчанием. Такое аскетическое нашествие на народные домашние и общественные игры и всякие веселости, не сумевшее сделать различия между оргией и обыкновенным увеселением, несколько времени действительно торжествовало.

## Кратко о музыке

Олеарий рассказывает об этом времени следующее:

«Дома, в особенности же на пирах русские очень любят музыку и уважают это искусство. Нынешний патриарх (Иосиф? [66]), заметив, что они начинают злоупотреблять ею, распевая разного рода скандальные песни по кабакам, шинкам и на улицах, приказал сначала разбивать находимые в таких местах инструменты и также у всех тех, кои попадались с ними на улицах, а потом совершенно запретил инструментальную музыку. По его приказанию немедленно собрали все инструменты, какие только можно было найти, в Москву, нагрузили ими пять возов, свезли все это за Москву-реку (на Болото — место казни преступников) и сожгли. Только одним



немцам позволено было у себя в домах заниматься музыкою, да еще боярину Никите Ивановичу, другу немцев, который держит у себя позитив (positiv, маленький орган) и разного рода другие инструменты, так как патриарх ему одному только не может запретить этого удовольствия».[67]

Читая рассказ Олеария, сначала можно было бы подумать, что патриарх напал только на развратные оргии народа, которым музыка служила подспорьем, и потому запретил там музыкальные инструменты. Так, без сомнения, Олеарию объясняли дело благочестивые современники. Но вскоре из его же слов мы узнаем, что не оргии были причиною такого запрещения, а бесовство самых инструментов, этих отреченных церковью гудебных сосудов, которые сами по себе изгонялись из мира, как сатанинский соблазн благочестивых душ. Торжество старческих учений об этих сатанинских прелестях сего мира воодушевило и молодого царя, который вообще был очень привержен к авторитету священства и монашества. Играя свою первую свадьбу, в том же 1648 году, он устроил так: на прежних государских радостях бывало, что в то время как государь пойдет в мыленку, во весь день до вечера и в ночи на дворце играли в сурны, и в трубы, и били по накрам... Мы знаем, что на свадьбе его отца Михаила Фед. в Грановитой палате стояли и играли варганы и цымбалы и, сверх того, гостей увеселяли так называемые веселые, попросту скоморохи, гусельники, домрачеи и даже скрыпотчики.

«А ныне в. государь на своей государевой радости, накрам и трубам быти не изволил; а велел государь во свои государские столы, вместо труб и органов и всяких свадебных потех, пети певчим дьякам всем станицам (хорам), переменяясь, строчные и демественные большие стихи из праздников и из триодей драгие вещи со всяким благочинием. И по его государеву мудрому и благочестивому рассмотрению бысть тишина и радость и благочиние велие, яко и всем тут бывшим дивитися и воссылати славу превеликому в Троице славимому Богу, и хвалити и удивлятися о премудром его царского величества разуме и благочинии».[68]

Убеждения царя в этом отношении были довольно тверды, и он долго не изменял тех распоряжений, какие сделаны были его грамотами. По крайней мере, спустя почти 20 лет в его Приказ Тайных дел поступали на приход пенные деньги с качелей, которых, например, в 1665 г. апр. 20, следовательно, за все время Святой недели, когда именно и качались на качелях, было собрано в Суздале и на посаде со всяких чинов людей 121 р. 5 алт.

## Отстройка теократического государства: дворец становится монастырём

Мало-помалу царский дворец в своих обычаях и порядках стал превращаться в настоящий монастырь, о чем с великим удивлением и даже с изумлением и с великою похвалою рассказывает архидиакон Павел Алеппский. Он описывает порядки царского обеда и с удивлением отмечает, что в скоромный день недели воскресенье перед мясопустом у царя подаваемые кушанья все были рыбные, по монастырскому уставу, словно царь был настоящий монах. «Мы видели, — пишет



архидиакон, — еще того удивительнее, вещь, приведшую нас в изумление: после того как оба патриарха прочли застольную молитву, явился один из маленьких дьяконов и, поставив посредине аналой с большою книгой, начал читать очень громким голосом житие св. Алексея, коего память празднуется в этот день, и читал с начала трапезы до конца ее, по монастырскому уставу, так что мы были крайне удивлены: нам казалось, что мы в монастыре... Мы лицезрели сего святейшего царя, своим образом жизни и смирением превзошедшего подвижников...»

«О благополучный царь! — восклицает архидиакон. — Что это ты совершил сегодня и совершаешь всегда? Монах ты или подвижник?.. Что это совершил ты, чего не делают и в монастырях? Чтец читает из Патерика, певчие время от времени поют перед тобою!.. Какое сравнение с трапезой Василия и Матвея (Молдавских владетелей), кои не стоят быть твоими слугами, — трапезой с барабанами, флейтами, бубнами, рожками, песнями турок!..» [69]

В сущности в этом постническом повороте общественной жизни обнаруживался иной ее поворот, неудержимый поворот к петровской реформе. Здесь высказывалась главным образом настоятельная потребность всенародного нравственного очищения, такая же потребность, какая была заявлена ровно за сто лет пред тем, изданием Стоглава и Домостроя. Но как тогда, так и в эту минуту руководители народной потребности смотрели не вперед, а назад, стремились найти источник нравственного обновления на старом, уже пройденном пути, в старых преданиях, в старых отеческих обычаях и поучениях. Отсюда и в настоящую эпоху, в половине XVII ст., новое торжество того же Стоглава и того же Домостроя, т. е. торжество старой веры в смысле старой культуры, старого развития, старой нравственной выработки. Но с этим торжеством для старой культуры наставал уже последний час, ибо в нем, при его помощи, для выраставшего государства, с большею ясностью предстали односторонние начала старой жизни; лучшим людям века при новой постановке Домостроя стало несравненно виднее, осязательнее, что с такими началами, если и необходимо жить всякому постнику, то государству с ними жить невозможно. Оно должно было неизменно и преждевременно погибнуть.

Лучшие люди усматривали новый путь и понемногу направляли туда свои шаги. В таких попытках прошла вторая половина XVII ст. Между тем приверженцы Домостроя и его культуры оставались на старом и все силы употребляли остановить движение к новине. Отсюда распадение русского общества, раскол, церковный и нравственный, общественный, которого история еще не совсем прожита и до наших дней. Если уже не форма, то дух старого Домостроя еще господствует и теперь. Он вселился только в новую европейскую форму и этой формой производит в иных случаях лишь оптический обман, выставляя напоказ новые общечеловеческие идеи и порядки и в то же время с особенною заботливостью и всеми силами удерживая жизнь в старых началах малого глупого ребячества. [70]

Таким образом, обычные при царе Михаиле домашние утехи дворцовой Потешной палаты при его сыне были оставлены. Молодой царь променял их на отъезжее



поле, на псовую и особенно на соколиную охоту, которая заменяла для него все роды других увеселений. В Потешной палате он не покинул лишь одной утехы, именно бахарей, но верный тем мыслям, которые отвергали бахарство как бесовское угодие и которые заставили его всенародно запретить эту утеху наравне со всеми другими, он придал дворцовым бахарям иной смысл, соответственный старинным отеческим учениям. В государевых потешных хорах вместо бахарей с этой поры живут уже нищие, называемые верховыми, т. е. придворными нищими, а впоследствии, с 1660 г., а быть может и раньше, получившие официальное название богомольцев, верховых богомольцев.

Англичанин Коллинс (1659—1666 гг.) между прочим говорит, что царь содержит во дворце стариков, имеющих по 100 лет от роду, и очень любит слушать их рассказы о старине. Название этих стариков верховыми нищими, богомольцами дает нам основание заключать, что это были убогие певцы, калеки переходящие, как искони обозначал их народ. *В старину слово нищий было синонимом слову певец*, ибо нищенствовать, просить милостыню значило воспевать о милостыне. Иностранцы-очевидцы единогласно свидетельствуют, что нищие, как увечные, так и простые колодники (тюремные сидельцы), всегда пели, когда просили милостыни.

Коллинс при этом рассказывает, что когда царский тесть Илья Милославский был посланником в Голландии, то голландцы хотели угостить его самой лучшей инструментальной и вокальной музыкой, какая была в Голландии, и спросили потом, как она ему понравилась. «Очень хороша! — отвечал он. — Точно так же поют наши нищие, когда просят милостыни».

Не знаю, что именно играли ему, прибавляет Коллинс, удивляясь такому сравнению и замечая вообще о грубости русской музыки и русских напевов.<sup>[71]</sup> Как бы ни было, но старинные наши нищие составляли особый разряд певцов, отличный от певцов домрачеев и гусельников тем, что нищие пели свои песни только от божественного, пели так называемые духовные стихи, что требовалось их прямым занятием и их ролью в обществе. Разряд таких певцов, конечно, моложе гусельников. Они появились в одно время с распространением христовой веры и заимствовали содержание своих песен, как и самые напевы, от церкви; они долгое время почитались людьми церковными, даже и жили при церквях, так сказать, у церковных дверей, из которых доносились к ним основные мотивы их песенного творчества.

В последующее время с усиленным развитием учений Домостроя они из церковных людей становятся людьми необходимыми в общественной организации, без которых невозможно идти путем спасения; они становятся столь же надобными благочестивому обществу, как и самый церковный чин; поэтому число их увеличивается неимоверно и они сидят, лежат не только у дверей храма, но и повсюду на торжищах, на путях, особенно на перекрестных многонародных местах, каковы городские ворота, мосты и т. п.; они, как мы видели,<sup>[72]</sup> живут в каждом благочестивом достаточном доме, как всегдашние его усердные богомольцы и верные орудия для добрых богоугодных и богобоязненных дел.





Очень естественно, что в то время (в половине XVII века), когда учения Домостроя стремились стать на последнюю свою высоту, и царский дворец должен был растворить свои двери для постоянного пребывания в нем этих убогих певцов, различных калек переходящих, т. е. калек-странников. Благочестивый царь Алексей Михайлович еще маленьким пятилетним ребенком слушал песни нищих старцев, воспевавших ему о Лазаре. Юношею вступив на престол, он строго следует правилам домостроевского благочиния, отмечает домашние утехи прежнего времени и взамен домрачеев и гусельников поселяет в своем дворце нищих с их духовными стихами. Вот такие-то песни и рассказы, вместе с историческими былинами и повестями, вообще песнопения и сказания о героях действительной истории или о героях благочестивого подвижничества должны были теперь исключительно одни только занимать государя.

Гудебные сосуды, т. е. музыкальные инструменты вроде домры также были оставлены; об них вовсе не поминается в тех расходах, которые шли на этих нищих. Знаем только, что сначала в течение нескольких лет они жили в потешных хоромах и ходили за ними потешные сторожи. Это-то и показывает, что свою роль они заменили прежних бахарей и домрачеев, переменяя и мирское содержание песен и сказаний на церковное.

В 1656 г. мая 13 этим «нищим, что живут у государя в потешных хоромах, Антипе с товарищи» выдано государева жалованья 12 р. При царе Алексее в разное время, смотря по надобности, в потешные хоромы нищим изготовлялись кожаные барановые тюфяки и подушки и носильное платье: рубашки, порты, чулки. В 1660 г. июня 21 были куплены им двои чулки, взамен других, коих «они не взяли, потому, показались им худы».

Любопытная заметка объясняющая отношение государевых нищих к его дворцовому хозяйству. Обыкновенный их наряд составляли кафтаны и рясы, теплые стамедные на овчине, или холодные дорогильные, киндячные, кумачные, крашенные, вообще из недорогих материй и бóльшую частью смирных, т. е. темных цветов; также овчинные кошули (легкие шубы), шапки суконные с бобровым пухом или с собольим небольшим околком; дорогильные кушаки, шелковые пояса, сафьянные зеленые или лазоревые башмаки и простые сапоги; на рубахи, порты, простыни, платки, полотенца давался им холст, иногда полотно.

Спали они на кожаных тюфяках, набитых оленью шерстью, на подушках из гусяного перья или из пуха, крытых киндяком или кожей; покрывались одеялами киндячными, стегаными на хлопчатой бумаге, или же одевальными овчинными шубами. Весь такой наряд они получали через два года в третий готовым платьем или материалом, а нередко и деньгами. Но впоследствии, когда их роль стала терять свой смысл и значение, дворцовое хозяйство стало их забывать; в 1689 г. они били челом, что носят платье уже шестой год, все обносились. На разные мелкие, необходимые для них расходы им также выдавались деньги из царской казны. Так, в 1666 г. марта 22 богомольцам пяти человекам, во время их говенья, выдано из Приказа Тайных дел по полтине, чтоб «отдать те деньги отцам своим духовным от поновленья», т. е. за исповедь. На тот же предмет выдано





полполтины и жившему при них карлику Тимофею Семенову. Такая же выдача повторилась и в 1668 г. марта 18. При царе Алексее (1666—1676 гг.) они получали годового жалованья на рубахи, порты, сапоги и на мытье белья и платья по 4 р. с полтиною на каждого. Кормы им были тоже хорошие из дворца: по праздникам и в субботные дни им выдавалось по две чарки вина, по кружке меду каждому. Когда умирал кто-либо из них, то царь собственными деньгами очень щедрою рукою «строил душу» покойного.

## Верховые нищие–отпевальщики

Так, в 1665 г. мая 19 по указу государя выдано из Приказа Тайных дел, иначе из его кабинета, на погребение богомольца Давыда: за отпевание архимандриту Новоспасскому 5 р., Успенского собора протопопу 3 р., дьякону 1 ½ р., 2 черным священникам по 1 ½ р., 2 белым по 1 р.; отцу духовному 2 р., 2 черным дьяконам по 40 алт., 2 белым по 20 алт.; уставщику певчих Федору Коверину 1 ½ р.; государевым певчим первой станице 6 р., другой станице 5 р., да которые не пели, 2 челов. по полтине. Отпеванье происходило всегда на Троицком Сергиевом подворье, а потому дано его строителю 2 р., рядовой братье, которые были на отпеваньи, 8 челов. по 1 р., а которые не были, 7 чел. по 10 алт. Пономарям, дьячкам и трудникам за копанье могилы 1 р.; на гроб и на вынос 3 р. Кроме того, раздавалась милостыня на помин души. Так, в 1670 г. мая 18 по нищем Павле Алексееве роздано колодникам на Тюремном дворе 941 челов. и в Земском приказе 54 челов. по 6 денег; да на Никольском мосту нищим 5 алт., всего 30 р. На отпевании всегда присутствовал и сам государь и после отпеванья раздавал духовенству поминальные деньги. Верховых нищих хоронили в Екатерининской роще (ныне Екатерининская пустынь, 25 вер. от Москвы); на погребение государь жаловал туда 5 р.

В первое время, когда эти верховые нищие имели еще значение бахарей и жили в потешных хоромах, число их было невелико, кажется, не более пяти человек. Вот их имена за 1665 г.: Никифор Андреев, Мелетий Васильев, Иван Никонов, Евдоким Иванов, Венедихт Тимофеев. В 1668 г. их было уже 13 человек. Вскоре по смерти царицы Марии Ильичны к тому прибавилось еще трое; в 1670 г. их числится 20; в 1676 г. — 14 чел.; в 1677 г. — 13 чел.; в 1685 г. — 33 чел., а в 1689 г. — 35 чел. — Впрочем, верного, штатного их числа мы не имели возможности открыть. Какие были поводы увеличивать их число, нам тоже неизвестно; но можно предполагать, что это делалось по каким-либо благочестивым соображениям царской семьи. Так число 13 появляется в то время, когда наследнику престола царевичу Алексею Алексеевичу исполнилось 13 лет. [73] Трое к тому причислены почти в день смерти царицы.

С увеличением их числа из них уже прямо образовалось нечто вроде придворной богадельни, поэтому и их содержание приведено было во всех частях в годовой штатный порядок. Сверх того, им выстроена была даже особая баня вне Кремля, у Боровицких ворот. Как скоро это общество царских бахарей получило такое



благочестивое значение, то, конечно, в него избирались и поступали старики уже не с достоинствами бахаря, а по преимуществу люди убогие.

Действительно, в числе их мы находим: расслабленных, немых, глухих, слепых, горбатых, безруких, безногих; так обозначаются они при своих именах в виде прозвищ. Между прочим, один из них, Еуфим безногий, в 1675 г. учился иконному письму, за что и был пожалован кафтаном. [74] Другой, Полуехт Никифоров безрукий, выучился писать иконы устами, и до сих пор еще сохраняются иконы его письма, одна даже с подписью: «лета 7191 сентября в 3 день писал сей образ изограф Полиевкт Никифоров, от рождения рук неимел и писал устами». [75]

При царе Федоре Ал. верховые богомольцы живут уже в особых хоромах подле царского каменного терема. Но старое их значение государевых бахарей все еще сохранялось и в это время, и очень вероятно, если не все, то некоторые из них все еще потешали государя своими рассказами. В некотором смысле потешное их значение обнаруживается в том, что у них живут царские дураки в 1679 г. у них жили дураки: Петр, Семен [76] и кажется Федор, вывезенный тогда из Переяславля. Дураки, как известно, носили официальное значение государевых потешников.

К концу XVII ст. и на женской половине дворца при комнатах цариц и царевен появились такие же свои нищие верховые богомолицы, вдовы старухи и девицы. Они жили в подклетах у царицы Прасковьи Федоровны, у царевны Екатерины Алексеевны и у царевен меньших, [77] подле их хором. Здесь, без сомнения, они исполняли должность бахарок, или сказочниц. В 1687 г. у царевны Екатерины Алексеевны живут в ее верхней комнате богомолицы, одна старуха и семь девиц, в том числе одна слепая, которым царевна 28 окт. сшила новые рясы и телогреи. В 1674 г. у царевны Марфы Алексеевны жила девочка безногая.

## Карлы и карлицы

Нам следует упомянуть еще о карликах. Карлы и карлицы по своему значению принадлежали тоже к необходимым членам дворцового потешного общества. Вместе с арапами их держали, как живую редкость, как игру природы, необычайную, несообразную и потому возбуждавшую особенное любопытство, наивное подивление и ребяческий наивный смех. Подобными предметами красилось тогдашнее тщеславие, обличавшее тем свои грубые и нечеловечные вкусы. Поэтому карлик являлся всегда спутником царской и боярской жизни, т. е. вообще жизни богатой, широкой и просторной, которая в его фигуре находила особую красоту для своей роскошной обстановки.

И здесь, как в отношении дураков, высказывались те же низменные понятия о человеческом достоинстве, которое низводилось до степени простой повседневной частью потешной обстановки быта. Как живые куклы, карлики, имея декоративное придворное значение, очень часто служили также и для потехи, вместе с шутами. Флетчер говорит, что царь Федор Ив. вечернее время до ужина проводил с царицею в увеселениях, на которых шуты и карлы, мужского и



женского пола, кувыркались перед ним и пели песни и это была самая любимая его забава между обедом и ужином.[\[78\]](#)

О том, что иногда бывало в хоромах царских и боярских в допетровской Руси, мы можем судить также по некоторым чертам княжеского литовско-русского быта, который во многом и долго сохранял культуру старинной Руси, киевской и галицкой, а следовательно, по прямому наследству и московской, ибо московская бытовая культура была только наиболее полным развитием общей русской княжеской культуры. Англичанин Горсей, при царе Федоре Ив., попал в Вильно на обед к литовскому князю Христофору Радзивиллу и описывает его следующим образом: «обед начался при звуке труб и при рокотании барабанов. После первых кушаний явились шуты и поэты для увеселения гостей; потом толпа разряженных карлов и карлиц вошла в залу, при пении, сопровождаемом заунывными звуками свирелей». Радзивилл сравнивал Горсею эту музыку с кимвалами Давида и колокольчиками Аарона. После обеда Горсей смотрел разные странные потехи со львами, с медведями и быками.[\[79\]](#) Все это, даже кушанья, именно, сделанные из сахарного теста подобия львов, единорогов, парящих орлов, лебедей и пр. — столько же обрисовывает как литовско-русский, так и московско-русский дворцовый быт.

У царя Михаила Фед. еще в первые годы царствования мы встречаем карлика Ивашку Григорьева, с 1616 г.; а у матери царя, великой старицы иноки Марфы Ив., карлицу Афимью, 1619 г.[\[80\]](#) Затем упоминаются: Васька Григорьев, 1622 г.; Гришка Михайлов Ключарев, 1625 г.; Петрушка Хомяков, с 1625 г., которого в 1632 г. женили; Федька Игнатъев, 1630 г.; Филька Игнатъев, 1631 г.; Степанка, Стенька Наумов, 1631 г.; Демка Софонов и Сидорка, 1632 г.; Сенька, 1633 г.; Зиновка, Зинка Павлов, 1634 г.; Ивашка Тимофеев, Стенька Иванов, Офонька Семенов, Михейка Павлов, жившие в хоромах у царевича Алексея Мих., 1638—1640 гг.; Ивашка Псковитин, карла Потешной палаты, 1640 г.,[\[81\]](#) быть может тот же Тимофеев; Ивашка Федотов, 1643 г.[\[82\]](#)

В комнатах царицы Евдокеи Лук. жили карлицы: девка Анютка, 1627 г.; Офушка, 1629 г.; Софья, 1630 г.; Федорка с 1632 г.; Марфутка, 1633 г.; Соболька, Парашка, Анютка Бык, 1642—1648 гг.; Манка, 1644 г. В комнате у царевны Ирины — Катька и Палагейка, 1642 г.; у царевны Анны Мих. — Фекла, Феколка, 1648—1653 гг.; у маленькой царевны Евдокии Ал. — Акилина, Прасковья, с 1651 г.; Аксиныя, 1652 г.

При царе Алексее Мих. поминаются: Ивашка да Ортюшка, 1648 г.; Иван Федотов Горбун, 1654 г. — Карлы у царевича Алексея Алексеевича: Иван Зуев, 1660 г.; Тимошка Маленький, 1661 г.; Петр Семенов, 1664 г.; Карп Реткин, 1664 г.; Дмитрий Верхоценский, 1668 г.; Петр Бисерев, 1669 г. — У царевича Федора Ал.: Карп Реткин, Петр Бисерев, 1672—1686 гг.; Клим Андреев, 1668 г.; Ивашка Юдин, 1671—1690 гг.; Янка Иванов Ветчинка и Ветчинкин, 1671—1686 гг.; Василий Хомяков, 1674—1686 гг.; Петрушка Шимшин, Петр Гаврилов, Петрушка Клопок, 1674—1686 гг. — У царевича Ивана Ал.: Дмитрий Верхоценский, 1677—1690 гг. — У царевича Петра Ал. с первого времени его возраста: Никита Гаврилов Комар (умре 1690 г.); Ивашка Комар и Климка Комар; Ивашка и Емелька, Спиридон, Игнатий и



Михаила — Кондратьевы; Васька Родионов, а также и другие из поименованных ниже. Должно заметить, что эти карлики у маленького Петра составляли его первое потешное общество. В 1684 г. для потехи им были сшиты немецкие кафтаны и немецкие платна. В 1685 г. апр. 30 карла Никита Комар на 5 телегах перевез в село Преображенское всякие хоромные потехи и ружье, а июля 1 ему же Комару да Спиридону, Ивану и Игнатью Кондратьевым выдано по полтине на починку потешного ружья или оружия. [83]

В 1686 г. и позднее упоминаются: Антипа Ларионов Пятово, обозначенный даже комнатным стольником; Матвей Филиппов, Алексей Ивановский, Емельян Хомяк и Хомяков, Роман Васильев, Яков Ильин, Ермолай Мишуков, Михайло Щеголев, Никита и Спиридон Муратовы, Денис и Федор Еремеевы, Артемий и Василий Федоровы, Лука Тимофеев, Никифор Нагаец и др. Вероятно, в числе этих имен есть некоторые из упомянутых прежде.

У царицы Натальи Кир. в 1672 г. показано карлиц 14 челов., а в 1673 г. 22 челов., но в том же числе, быть может, должно считать и девиц боярышен.

Карлики и карлицы ходили в обыкновенном тогдашнем наряде, но всегда светлого цвета, преимущественно лазоревого и червчатого, также зеленого и желтого. Те и другие носили красные или желтые сапоги. Карлам сверх того иногда шили курты и епанчи и немецкие кафтаны, а вместо шапок арачкины — ермолки.

В хоромах особенная комнатная должность их заключалась, кажется, в том, чтобы ходить за попугаями, а следовательно, исполнять и другие подобные заботы. Когда, при царе Алексее, во время мора, весь двор выехал из Москвы и во дворце, в Потешной палате остался жить карла Ивашка, ему были отданы на сохранение и все комнатные попугаи. В 1659 г. он рассказывал об этом в следующей челобитной, поданной царю с просьбою вознаградить его расходы: «бьет челом холопишко твой Ивашко карла: как ты, государь, пошел на другую службу и государыня царица пошла с Москвы в поход, и мне холопишку твоему выдали от г. царицы из хором *четырех попугаев*, а пятого старого; и аз тех попугаев кормил; а про то мое терпение и кормление твоих государевых птиц ведомо истопнику Александру Боркову; потому, государь, что он Александр меня на всяк день навещал и твоих государевых птиц осматривал и о птицах мне приказывал, велел кормить; и я в 20 недель скормил, покупаячи с торгу, 8 ф. миндальных ядер; да им же на всяк день покупал колачей по две денги и сам, с торгу ж покупаячи, ел, потому, государь, что мне с Низу тогда с Хлебного и с Кормового дворца твоего государева корму указного не было; а корм птицам и мне покупал Дементей сторож, что у тебя, государь в комнату пожалован; а 20 недель и до вашего государского пришествия кормил (я) тех попугаев и отдал здравых. Милосердый государь (титул) пожалуй меня холопишка своего своим государевым жалованием за птичей корм и за мое терпение, как тебе в. г. обо мне убогом Бог известит. Царь государь смилуйся! помета: 167 г. марта 31 государева жалованья дать ему в приказ 10 руб.; приказал записать и деньги дать стряпчей с ключем Фед. Алекс. Полтев.

Вместе с карликами, такое же потешное и декоративное придворное значение имели арапы. У царя Михаила, еще в молодых его летах, в 1614 г., жил вместе с



дураком Мосягою арап Муратка, которому генв. 12 были куплены за 9 алт. какие-то особые сапоги притачки. В 1616 г. упоминается другой арапок Давыдка Салтанов, которому июля 5 государь пожаловал однорядку червчатую с мишурным круживом и образцами и с завязками, а в 1618 г. февр. 8 такую же однорядку и аракчин бархатный (ермолку). У царицы Евдокеи жила в 1630 г. арапка Степанида, которая потом отдана была в Светлицу в ученицы, вероятно, по достижении возраста.

В 1632 г. в ноябре был крещен в православную веру арап Берекет; поступил ли он потом во дворец, неизвестно. В 1668 г. у царя Алексея живет арап Савелий, который тогда был отдан учиться грамоте подьячему Земского Приказа Васье Коверину. Через год подьячий, прося награды за ученье, писал в своей челобитной государю, что «он, Савелий, часовник и псалтырь у него выучил, и выучась, давно отшел, а за ученье ничего не даывано». Упомянем также, что при Петре во дворце находились три арапа: Томос, Сек, Аврам.

Подстать арапам и арапкам нередко являлись при дворе маленькие калмыченки и калмычки, обыкновенно привозимые пленом. Последние, как мы говорили, [\[84\]](#) окрещенные в православную веру, воспитывались до возраста в хоромы царицы, потом обучались рукоделью в царицыной Светлице и выдавались из дворца замуж. На государевой половине, особенно при комнатах царевичей, воспитывались того же рода мальчики: у царя Федора Ал., в 1679 г., жили два калмыченка, Петрушка Аверкиев и Ромашка Васильев. [\[85\]](#)

## Медвежья потеха

Другие дворцовые увеселения, которые не входили в круг увеселений Потешной палаты, заключались в разных зрелищах. Из них первое, самое старое и обычное — была медвежья потеха. Если дурак был необходимым и самым обычным предметом домашней утехи, то в такой же мере необходимым и самым обычным предметом общественной утехи был медведь. Он, выученый и нашколенный различным людским ухваткам и людскому поведению, бродил со своими поводырями по всей русской земле, из города в город, из деревни в деревню, потешая и забавляя добрых людей карикатурным, а отчасти и сатирическим представлением их же нравов и обычаев.

Во дворце, конечно, собиралось все самое замысловатое и самое искусное в этом роде. Мы упоминали, что при царе Иване Грозном медведи на государеву потеху отыскивались по всем областям и лучшие отбирались, разумеется, силою в силу царского указа. Это, однако, не было исключительным делом грозного владыки; это было простым обычаем царского двора вместе со многими другими такими же обычными порядками царской жизни, которые иногда, как особые исключительные краски, идут не совсем справедливо на изображение только личности Грозного.

Есть грамота о том же (1619 г.) молодого царя Михаила, только вступившего на престол. Успокаивая и устраивая расшатавшееся и разоренное царство, молодой





государь немало заботился и об устройстве своей дворцовой жизни, разумеется, по старым уставам и порядкам. Таким образом, не была забыта и медвежья потеха. Чтоб собрать вновь для этой потехи медведей и собак, государь послал на север, в медвежью сторону, следующую грамоту: От царя и в. к. Михаила Федоровича всеа русии в Галичь губному старосте Петру Перелешину. По нашему указу посланы с Москвы в Галичь и в Галитцкие пригороды на Чюхлому, к Солигалитцкой, в Судай, на Унжу, в Кологрив, в Парфеньев, [\[86\]](#) и тех городов в уезды ловчего пути охотники Богдан Опочинин да Наум Усов да конные псаря Петр Молчанов, Олфер Вораксин, Костянтин Олтуфьев, в наши дворцовые села и в княженецкие и в дворянские, и детей боярских и всяких людей в поместья и в вотчины, и в патриарши и в митрополичи и во владычи и в монастырские вотчины; и в те волости, которые ведают на обиход матери наши государыни великой старицы иноки Марфы Ивановны; а велено им в Галиче и в галитцких пригородах, на осаде и в уездах и у всяких людей имать на нашу псарню собаки борзые и гончие и медвежьи и медвежьи. И как к вам ся наша грамота придет, а ловчего пути охотники Богдан Опочинин с товарищи в Галичь и в галитцкие пригороды придет и вы им давали (бы) на ослушников стрелцов и пушкарей и рассыльщиков, сколько человек пригож; и корм тем собакам и медведям и провожатых, и под медведи и под медвежьи собаки подводы, велели давать от города до города, и корм собакам и медведям велели давать, чем им мочно сытим быть, от города до города ж; а поводчиков за медведи, где возмут медведи, велели давать до Москвы. А прочет сю нашу грамоту и списав с нее противень слово в слово, оставляли б есте у себя; а сю нашу грамоту отсылали б есте в галитцкие пригороды к приказным людям. Писан на Москве лета 7127 года марта в 14 день.

Так собиралось по всей земле все, что только надобилось для государева двора, так собирались всякие художники (например, иконописцы), ремесленники и разные искусные мастера, когда их искусство и работа требовались для государева обихода. Государь был вотчинником своей земли и потому, как вотчинник-помещик, почитал своею собственностью всякий надобный ему предмет и труд.

В Москве для медвежьей, как и вообще для звериной потехи и охоты, был устроен обширный псаренный двор, где кроме медведей содержались и другие звери и разного рода охотничьи собаки. Медведи, постоянно жившие во дворе, вероятно ученые, назывались дворными, другие были гончие, также сступные, спускные и наконец дикие, которых поставляли на потеху прямо из лесу. Зимой 1664 г. привезены были из Мезени даже и белые медведи. Медвежья потеха была разнообразна, но вся она распределялась собственно на три статьи: медвежья травля, медвежий бой и медвежья комедия, если правильно будет так назвать медвежьи представления с поводчиками, т. е. с неизменною его сопутницею ряженою козою.

Должно полагать, что все эти три статьи входили в состав каждого зрелища медвежьей потехи, которое могло начинаться комедиею или драмою — травлею и оканчиваться трагедиею — боем или единоборством. Во всяком случае, это был





довольно разнообразный и очень занимательный спектакль для тогдашнего общества, вполне заменявший ему наши театральные зрелища. Медвежьи увеселения давались обыкновенно в Кремле на дворце, т. е. где-либо на нижнем под горою или на заднем государевом дворе, на особо устроенном для того месте.

В XVII ст. нередко они давались и на старом Цареборисовском дворе, близ палат патриарха. Иногда государь тешился на псаренном дворе на Старом Ваганькове, где теперь Публичный Музей, и на Новом Ваганькове, на Трех Горах. Кроме того, эта потеха справлялась временем и в загородных дворцах, при царях Михаиле и Алексее довольно часто в Покровском-Рубцове, в Хорошове, в Танинском. На Масляной неделе эта государева потеха устраивалась обыкновенно на Москве-реке для всенародного зрелища и увеселения. Так, в 1675 г. февр. 13 был указ ловчему Матюшкину «со всею потехою быть готову, против прежнего, на Москве реке с медведи с гонцами и которых колоть рогатинами и с вилами ходить охотникам и псарям; и с волки и с лисицы и с собаки борзыми и с медеянскими; а указано ему быть готову после раннего кушанья совсем и ждать его великого государя указу». Потехи, однако ж, в то число почему-то не было. По рассказу Рейтенфельса, однажды в субботу на Маслянице «на Москве реке на льду была травля белых самоедских медведей британами и другими собаками страшных пород. Эта сцена порядочно позабавила, потому что и медведи и собаки не могли крепко держаться на ногах и скользили по льду». [87] Во дворце медвежий спектакль давался во всякое время года, но, разумеется, чаще осенью и зимою, чем летом, и притом здесь представлялись только комедии и трагедии, травля же происходила чаще всего на псарном дворе и только по праздникам. [88]

В 1585 г. февр. 20 у царя Федора Ивановича такая комедия началась тем, что некий Федор Пучок Молвенинов привел на потехе государю «медведя с хлебом да с солью в саадаке», т. е. вооруженного луком и стрелами; и потом «спущал» своего ученого медведя на бой с диким медведем. Спектакль, вероятно, очень полюбился государю, потому что поводчик получил довольно значительную награду: камку добрую в 5 р., зурь костоманскую в 3 р., сукно доброе в 2 р., да человек его получил суконце в 4 гривны. [89]

Известно, что медведники-поводчики забавляли публику и своими присказами и приговорками, которые объясняли медвежьи действия и служили как бы текстом к этому медвежьему балету. Верно, и здесь старинный шуточный иронический ум русского человека не ходил в карман за словом и беззастенчиво и остроумно выставлял всякие смешные стороны тогдашней жизни. О том, что когда-то представляли ученые медведи, мы можем составить понятие из одного газетного объявления, относящегося к половине XVIII ст. Оно тем более теперь любопытно, что медведники по распоряжению правительства вместе с последними учеными медведями должны скоро совсем исчезнуть из деревенского общества. [90]

В Петербургских Ведомостях 1771 г. от 8 июля было напечатано: [91]

«Для известия: Города Курмыша Нижегородской губернии крестьяне привели в здешней город двух больших медведей, а особливо одного отменной величины, которых они искусством своим сделали столь ручными



и послушными, что многие вещи, к немалому удивлению зрителей, по их приказанию исполняют, а именно: 1) вставши на дыбы присутствующим в землю кланяются, и до тех пор не встают, пока им приказано не будет; 2) показывают, как хмель вьется; 3) на задних ногах танцуют; 4) подражают судьям, как они сидят за судейским столом; 5) натягивают и стреляют, употребляя палку, будто бы из лука; 6) борются; 7) вставши на задние ноги и воткнувши между оных палку ездят так, как малые ребята; 8) берут палку на плечо, и с оною маршируют, подражая учащимся ружьем солдатам; 9) задними ногами перебрасываются через цепь; 10) ходят как карлы и престарелые, и как хромые ногу таскают; 11) как лежанка без рук и без ног лежит и одну голову показывает; 12) как сельские девки смотрятся в зеркало и прикрываются от своих женихов; 13) как малые ребята горох крадут и ползают, где сухо, на брюхе, а где мокро, на коленях, выкравши же валяются; 14) показывают, как мать детей родных холит, и как мачиха пасынков убирает; 15) как жена милова мужа приголубливает; 16) порох из глаза вычищают с удивительною бережливостью; 17) с неменьшею осторожностью и табак у хозяина из за губы вынимают; 18) как теща зятя подчивала, блины пекла и угоревши повалилась; 19) допускают каждого на себя садиться и ездить без малейшего супротивления; 20) кто похочет, подают тотчас лапу; 21) подают шляпу хозяину, и барабан, когда козой играет; 22) кто поднесет пиво или вино с учтивостью принимают и выпивши посуду назад отдавая кланяются.<sup>[92]</sup> Хозяин при каждом из выше помянутых действий сказывает замысловатые и смешные приговорки, которые тем приятнее, чем больше сельской простоты в себе заключают. Не столько бы вещь сия была смотрения достойна, ежели б сии дикие и в прочем необуздаемые звери были лишены тех природных своих орудий, коими они людям страх и вред наносят; напротиву того не обрублены у них лапы, также и зубы не выбиты, как то обыкновенно при таковых случаях бывает. Все вышепомянутое показывано быть имеет в праздничные дни в карусельном месте противу церкви Николая чудотворца по полудни к 6 часу. Первые места по 25 коп., вторые по 15 коп., а последние по 5 коп. с человека. Зрители впускаемы будут за заплату наличных денег».

Для нас неоценимо были бы дороги исполненные сельской простоты эти замысловатые и смешные приговорки, если б они дошли к нам прямо от того медведя в саадаке, которым потешался царь Федор Иванович. Но что говорить о старине, когда и современный нам медведь, сохраняющий еще довольно старого, скоро совсем уйдет со сцены, никому не рассказавши своей любопытной истории. Медвежий бой представлял также самое обычное зрелище во дворце, которое так и называлось дворцовою потехою и устраивалось, конечно, не исключительно для одного только государя, или для одного мужского чина, но вероятно и для всех любопытных и из женского чина. На этом зрелище бывали даже малолетние дети; например, в 1634 г., в субботу на Маслянице, пеший псарь Герасим Степанов тешил пятилетнего царевича Алексея Мих. дворовыми медведями, и на той потехе медведи на нем псаре кафтан изодрали. Это зрелище было самым любимым и у самого доброго и богомольного царя Федора Ивановича. Именно по поводу его потех Флетчер описывает подробно и это зрелище...<sup>[93]</sup>



«Бой с медведем, — говорит он, — происходит следующим образом: в круг, обнесенный стеною, ставят человека, который должен возиться с медведем как умеет, потому что бежать некуда. Когда спустят медведя, то он прямо идет на своего противника с отверстою пастью. Если человек с первого раза даст [94] промах и подпустит к себе медведя, то подвергается большой опасности; но как дикий медведь весьма свиреп, то это свойство дает перевес над ним охотнику. Нападая на человека, медведь поднимается обыкновенно на задние лапы и идет к нему с ревом и разинутою пастью. В это время если охотник успеет всадить ему [95] рогатину в грудь между двумя передними лапами (в чем, обыкновенно, успеваает) и утвердить другой конец ее у ноги так, чтобы держать его по направлению к рылу медведя, то обыкновенно с одного разу сшибает его. Но часто случается, что охотник дает промах и тогда лютей зверь или убивает или раздирает его зубами и когтями на части. Если охотник хорошо выдержит бой с медведем, его ведут к царскому погребу, где он напивается до пьяна в честь государя, и в этом вся его награда за то, что он жертвовал жизнью для потехи царской».

Напротив, мы имеем официальные свидетельства от того же времени, что бойцы всегда получали в награду портище хорошего сукна на кафтан, ценою в 2 р.; это было обычным государевым жалованьем за такую потеху не только в XVI, но и в течение всего XVII ст. В особенных случаях бойцы получали и большую награду. Разумеется, и эта награда, по нашим понятиям, не соответствует подвигу.

Но должно заметить, что подвиг ходить одному на дикого медведя в то время едва ли почитался делом необычайным, редким; судя по множеству таких случаев, на одной только царской потехе, он был простым рядовым явлением охотничьей жизни, а потому и ценился в меру своей, так сказать, повседневной ценности. Большею частью бойцы принадлежали к дворцовому же государеву чину и состояли в ведомстве Конюшенного двора при «Ловчем пути» или при царской охоте. Это были псовники, конные и пешие псары и собственно охотники, или ловцы зверей — первые люди Ловчего пути. Из них при царе Михаиле особенно знаменит был пеший псарь Кондратий Корчмин.

В 1616 г. в ноябре на большой потехе на дворце вместе с семьей товарищами, такими же псарями, на нем медведи изодрали зипун; а в декабре на потехе его медведь измял и платье на нем ободрал. Через год, 1618 г. в январе, он опять потешал царя медвежьим боем; в феврале 1620 г. опять на потехе бился с медведем. В том же году сентября 11-го вместе с товарищем, тоже псарем, Сенькою Омельяновым, тешил государя на Старом Царевеборисове дворе дворными медведи-гонцами. На этой потехе медведь ему изъел руку, а товарищу его Сеньке изъел голову. В январе следующего 1621 г. он снова на потехе с четырьмя товарищами — псарями; все они бились с дикими медведями вилами. В феврале того же года, на Мясной неделе в среду, как государь тешился гончими и дикими медведями, был на потехе и Корчмин в девятером с товарищами; медведи драли на них кафтаны. В 1622 г. февр. 28, на Масляной неделе в четверг, Корчмин опять с братом Иваном и тремя товарищами псарями был на потехе, бился с дикими медведями вилами. В июне 1625 г. он тешил царя тою же потехою в селе



Рубцове. В ноябре 1626 г. бился с диким медведем вилами и медведя вилами поставил, да он же в селе Рубцове пред государем на потехе медведя убил рогатиною, за что и получил награду с прибавкою, 5 арш. тафты и 4 арш. сукна. Таким образом, Корчмин увеселяет государя, т. е. ходит на медведя в течение десяти лет, а быть может и больше, ибо мы не имеем полных погодных записок об этой потехе.

Другой герой медвежьей потехи, конный псарь Алексей Меркульев, ходит на медведя в продолжении двадцати лет с лишком. В 1631 г. в ноябре он получает обычное жалованье, портище сукна в 2 р., за то что на потехе его медведь драл. В 1632 г. февраля 9 на потехе он бился с диким медведем вилами добро, как и товарищ его Петр Молчанов. В 1635 г. в ноябре сам четверт с товарищами он опять бился с дикими медведями добро, в селе Рубцове. В 1636 г. февр. 28 на Маслянице на дворце опять вдвоем с товарищем бился вилами добро. В 1646 г. вместе с другими он бился на медвежьей потехе в с. Павловском и в с. Покровском. В феврале 1648 г. он со многими другими бился с дикими медведями на Псаренном дворе. Затем упоминается в чину псарей в 1651 г. В это время он назван уже охотником. Третий псарь Петр Молчанов стаивал на потехе больше тридцати лет, 1620—1651 гг., четвертый, Осип Молчанов, около 25 лет.

Не по разу также хаживали на медведя на государевой потехе и многие другие товарищи Корчмина, Меркульева и Молчановых, например, Сенька Омелянов, 1620—1626 гг.; Ивашка Санин, 1620—1626 гг.; Афанасий Дмитриев, 1616—1620 гг.; Олфер Вараксин 1620; Марко Юрьев, 1621—1627 гг.; Степан Ябедин, который в феврале 1620 и 1621 г. перед государем колол дикого медведя рогатиною, а в 1622 г. декабря 31 на потехе медведь изодрал на нем платье; охотник Еремей Теряев, 1646—1650 гг.; Семен Головцын, 1646—1648 гг.; Тимофей Неверов в 1649 г. и т. д.

Все это показывает, что служители царского Ловчего пути, охотники, псаря, псовники, едва ли не все были истыми героями медвежьего поля, и почитали для себя весьма обычным делом выходить по надобности и на государеву потеху. Из некоторых указаний видно, что подвиг медвежьего поля становился достоянием целого рода; таковы были псаря Молчановы при царе Михаиле, упомянутые выше Петр и Осип; последний если не сын, то вероятно брат первого, передавшие в наследство свою силу и отвагу и своим детям, из которых при царе Алексее были известны сыновья Осипа, Матвей да Иван, 1646—1651 гг.; также Михайло, Любим, Фадей, тоже родичи, если не дети первых. Славна была и семья Озорных: отец, Богдан Озорной, потешал царя Михаила с 1621 г., а сыновья Никифор и Яков царя Алексея с 1647, и т. п. Нередко сыновья ходили на бой за одно с отцами. Так, в 1646 г. человек боярина Б. И. Морозова Иван Брылкин с сыном Афанаською имались с медведем в селе Павловском 31 генов.; потом бились с медведем в геноваре 1648 г.

Это свидетельство указывает также, что на дворцовую потеху вызывались или призывались иной раз охотники и из других сословий или чинов. В декабре 1614 г. царя потешали трое стрельцов, в том числе Семыка Федоров; у них на потехе



медведь изодрал кафтаны. В марте 1618 г. на потехе драл медведь задворного конюха Ив. Столешникова. В 1615–1619 гг. в царских потехах участвовал человек боярина Ф. И. Мстиславского Матвей Пахов, поставлявший на государеву псарню к потехе диких медведей.

В ноябре 1627 г. в Тонинском на потехе медведь драл истопника Илью Севрюкова. В 1622 г. генв. 2 на потехе на дворце постельный сторож Петрушка Мекотин перед государем дворовых медведей дражил и с диким медведем бился вилами и его дикий медведь ел.

В 1626 г. на Святках и в 1627 г. на Маслянице тот же Мекотин выходил на бой вилами с дикими же медведями и оба раза остался невредим.

В 1623 г. февр. 18, на Маслянице во вторник, на дворце на государеве потехе бился с диким медведем Канинской земли Самоедин Семейка.

В октябре 1626 г. бился с диким медведем вилами постельный истопник Панка Гигишкин в селе Покровском.

В 1628 в субботу на Маслянице на государевой потехе на дворце тешил государя, бился с диким медведем князь Иван Гундуров, за что и получил 9 арш. камки адамашки лазоревой (на 2 р. 75 к.).

В октябре 1631 г. в Покровском на потехе гончий медведь драл подключника Тимофея Федотьева. Тогда же и там же тешил государя и человек боярина кн. И. Б. Черкасского Андр. Слепой, которому выдано в награду по 4 арш. тафты и сукна, всего на 8 р., тогда как обыкновенная награда бывала в 2 р. Быть может, он не прозвищем только, а на самом деле был слепой, тогда потеха, конечно, представляла еще больше занимательного. В том же октябре стряпчий конюх Степан Карпов тешил государя в селе Тонинском, бил в барабан и медведя дразнил и медведь его драл.

В феврале 1632 г. на потехе медведь драл сына боярского галиченина Федора Сытина, который получил за потеху сукно на однорядку, дороги гилианские на ферези, да на кафтан и на приклады к платью деньгами 5 ½ р., всего на весь наряд 14 р. В том же году на Масляной медведь драл на потехе жильца Бориса Ушакова, которому дано на платье больше 6 р.

В ноябре 1634 г. потешал государя иноземец птичий стрелок Исак Быковской — как государь тешился медведем гонцом, и его Исаия медведь изломал и платье на нем изодрал. В декабре в селе Рубцове бился с диким медведем вилами человек б. кн. И. Б. [96] Черкасского Гаврила Жуков. — В январе 1636 г. на дворце бился с медведем стрелец Гавр. Савельев, и медведь его драл и кафтан изодрал и голову испробил. — В ноябре того же года в селе Покровском бился черкашенин (малоросс) Лукаш Григорьев и медведь гонец изодрал на нем зипун да помял руку.

В мае 1637 г. жилец Алексей Зеленой в селе Рубцове боролся с дворным медведем и получил за то 4 арш. сукна на 4 р., да на шапку 2 р.

В сентябре 1641 г. упомянутый выше конюх Степан Карпов снова тешил государя в селе Коломенском медведями гонцами, перед теми медведи бегал, и платье на





нем однорядку и штаны медведи изодрали. Конечно, то был счастливый бой, когда оканчивался только драньем платья; но иногда, как мы и выше видели, бойцы подвергались разным увечьям, что обыкновенно обозначалось: медведь его ел. Так, в январе 1619 г. дикий медведь ел конного псаря Петрушку, прозвище Горноста́й. В январе же 1626 г. был изувечен охотник Алексей Титов — на дворце дикий медведь ел его за голову и зубы выломал. В декабре 1636 г. в с. Рубцове медведь гонец изломал псовника Вас. Усова и платье на нем ободрал.

Из этого перечня медвежьих боев видим, что их героями нередко бывали жильцы, т. е. люди среднего дворянства, не говоря уже о детях боярских, подклучниках и других придворных чиновниках, принадлежавших к дворянству мелкой сошки.

## Львиная потеха

Была еще потеха львиная. Мы видели, [97] что львы были привезены в Москву еще при царе Федоре Ив. Быть может, с того времени устроен и особый львиный двор, находившийся у Китайгородской стены, где теперь губернские присутственные места. Можно догадываться, что так называемая Яма (долговая тюрьма) есть именно старое помещение львов или старинный львиный двор. При царе Михаиле в 1619 году (февр. 8) какой то рязанец Гришка Иванов вышел к государю со зверем со львом из Кизылбаш, т. е. из Персии; он ли сам его привез или только сопровождал привезенному оттуда льву, неизвестно. Этому льву ноября 3 отпущено на ошейник 4 ½ арш. зеленых суконных покроем.

Одно смотренье на такого редкого зверя уже доставляло не малую потеху для государя и его семейства, как и для всего общества Москвы. Но лев участвовал иногда и на обыкновенной медвежьей потехе. В 1648 г. февр. 29 на государевой потехе на псаренном дворе был со львом зверем Ловчего пути зверовщик Сила Зерцалов, и на той потехе дикой медведь на нем однорядку изодрал.

## Слоны и северные олени в Кремле

При царе Михаиле в Москве появилась и другая редкая потеха — приведены были слоны. В 1625 г. июня 12 в селе Рубцове-Покровском тешили государя на слонах слоновщики Чан Ивраимов и Фотул Мамутов. В 1626 г. окт. 31 вероятно тот же слоновщик арап Тчан и в том же селе опять тешил государя слоном.

С севера нередко самоеды пригоняли в Москву оленей, которые также потешали царское семейство. В 1617 г. олени были пригнаны из Кольского острогу; в 1620 г. с оленями приехала из Кольского же острогу Канинская и Тиунская Самоедь; в 1643 г. дек. 16 с живыми оленями приезжал Мезенский Самоедин Вак Пургин. Можно полагать, что пригон оленей был чем-то вроде обычной дани или обычных даров государю от самоедского населения. В 1666 г. самоеды, которые были присланы с Кевроли и с Мезени с государевыми оленями, Тренка Иншин, Былка Марчиков, Ядовк Соболков, Обленисков Нодекирпов, Якунка Облесов, на Сырной неделе по указу в. государя ездили на оленях на дворе.



Упомянем о некоторых особенных зрелищах, какие изредка служили также увеселением для государева семейства. В 1633 г. июля 18 поручик Анц Зандерсон и золотого дела мастер Яков Гаст тешили государя на дворце долгою пикою да прапором и шпагами поединком, за что были хорошо награждены, первый, вероятно, победитель, получил 10 арш. камки и сорок соболей, второй сорок соболей.

В 1634 г. осенью (ноября 23) стрелец Петрушка Иванегородец тешил государя в селе Рубцове, носил на зубах бревно. В 1645 г. марта 28 царицын сенной сторож Микулка Остафьев тешил государя и царевича, — бился с дураком Исаем, за что по приказу царевича (Алексея Мих.) ему выдано 4 арш. сукна в 2 р.

## Придворный театр

Наконец, при царе Алексее во дворце явились зрелища театральные. Изгоняя отовсюду скоморохов и скоморошество, это наше родное или на своей родной почве выращенное произведение народной веселости, изгоняя кощунные смехи и разные глумотворные спектакли этих веселых людей, наша старина, против всякого чаяния со стороны древних Домостроев, совсем неожиданно попала на комидийное действие, в сонм такого же глумотворения, только иначе, по-царски, устроенного, притом по происхождению немецкого, которому, следовательно, было как-то позволительнее явиться перед глазами старого благочестия. Немцы действовали свои действия из Библии. Казалось, это было делом невозможным для понятий старины. Но такова была сила общего движения нашей жизни, увлекавшая нас все ближе и ближе к европейскому миру, ко всем сатанинским прелестям и обаяниям, от которых столь долго оберегали древнюю Русь ее добродушные Домострои. Невозможное, отверженное в одном виде, являлось возможным и признанным в другом; и в то самое время, когда шли горячие споры даже только о буквах Писания, на дворцовой сцене действовали комически Библию. Однако ж дело не показалось особенно чудовищным, главным образом именно потому, что тут действовали немцы, значит люди чужие, иноверные, тоже отверженные. Самому русскому как-то неестественно было начать такое небывалое дело. Да и как было осмелиться: что бы сказали и что бы наделали тогда нововводителю крепкие власти Домостроя.

В силу постоянного и неутомимого отрицания, господствовавшего в нашей старой жизни, отрицания всех свободных, самостоятельных и самобытных движений жизни, говоря, разумеется, лишь о сфере мысли и о сфере искусства, — ничто, конечно, общечеловеческое не должно было развиваться в ней из самобытных источников; ничто не должно было органически пройти все степени возраста с зародыша до возмужалости.

Страшная изуверная опека мысли, как и не менее страшная, изуверная опека чувства, вообще нрава, обычая, опека воли, держала русское общество целые века в том староверческом умственном и нравственном гнете, в котором невозможны были никакие свободные самостоятельные шаги вперед. Такие шаги могли



являться от всякого другого, только не от воспитанника и ученика Домостроев. Поэтому самую свободу таких шагов мы должны были приобретать у немцев, выписывать из-за границы; для русских убеждений она была развратом и потому на русской земле могла являться только в иноземном образе, который служил оправданием всякому явлению, выходящему из круга домостроевских понятий или из уровня известной низменности и тесноты старинных представлений вообще о свободных и независимых положениях жизни.

Так, в старое время у нас находились в руках все средства для того, чтобы простым, естественным путем дойти до своенародной обработки театрального зрелища. В народе «скомрашное дело» процветало, в народе жили походячие кукольные комедии; дураки-шуты господствовали своими играми во всяком зажиточном доме, самый медведь являлся актером; не говорим о разных бытовых чинных действиях, где всякий сколько-нибудь важный шаг превращался в спектакль, в зрелище.

Словом сказать, народ был очень расположен к сценическому искусству и в своей жизни имел весьма достаточные материалы для его устройства по собственному плану, по крайней мере по собственному характеру. Недоставало одного: свободы действия, свободы литературного слова, хотя бы и неполной, но только освященной законом, чтоб не казалась эта свобода грехом и беззаконием. Как может что-либо правильно вырастать и развиваться, если это что-либо находится под влиянием сознания, что самое его существование есть грех и беззаконие; а именно таким сознанием и бичевалось старинное наше сценическое дело в народе.

Оно поэтому и оставалось все время без движения, в своей первой поре, без руководящей мысли, которую среди поденного низменного и презираемого труда, конечно, выработать не могло. Вот почему мы должны были принять комедию, как называлось тогда вообще драматическое представление, из рук немцев. Мы таким же путем должны были принять у немцев и живопись, талант которой как был дан нам в руки, так и оставался нетронутым целые века, ибо и отдан он был со строжайшим запрещением не касаться его в свободной и независимой обработке.

Византия завещала нам в этом отношении дух полнейшего и всестороннего отрицания всяких свободных действий в ходе народного развития. Она завещала нам именно борьбу со свободой развития, обзывая эту свободу одним общим, весьма страшным именем: ересью. Опасаясь ереси, мы, малолетние и потому малосмысленные ученики, с особенным усердием и зарывали наши народные таланты на всех путях. Учители после и сами стали порицать и отвергать это усердие; но здесь виноватым и упрямым оказывался уже народный ум, неумолимо последовательный в своих выводах, который он по необходимости и довел до своей крайности, до последней черты, т. е. до явлений, приготовивших и вызвавших петровскую реформу, или петровское освобождение народных сил от их закрепощения. Каковы были великие последствия этого освобождения, когда сидевший тридцать лет сиднем русский богатырь наконец встал, порасправил члены и начал действовать, — об этом тотчас же стала рассказывать русская



история, не перестает рассказывать и до сего дня,[\[98\]](#) дождавшись нового великого последствия той же свободы.

В половине XVII ст. во дворце, как и во всем высшем обществе Москвы, хорошо было известно, что такое комедия и как весело потешаются ею в далеких землях Европы и даже в близкой Польше. В 1635 г. московские послы были на такой потехе у польского короля, а потеха была: как приходил к Иерусалиму ассирийского царя воевода Алаферн и как Юдифь спасла Иерусалим.[\[99\]](#)

В другой раз, в 1637 г., наши послы отказались было идти в такую комедию, потому что был там папский легат, а они с ним вместе, в равенстве, сидеть не хотели. Послы, возвращаясь в Москву, конечно, в подробности рассказывали и объясняли, в чем состояли эти комидийные действия. При царе Алексее одни рассказы дворянина Лихачова и его товарищей о своем Флорентинском посольстве 1660 г. должны были приводить в несказанное изумление и подивление всех, кому только удавалось их послушать; а первым из таких любопытных был сам царь Алексей, впечатлительный и пытливый, который нисколько не был чужд интересам европейского быта. Ребенком, он сам уже хаживал в немецком платье и к немцам, полезным для отечества, всегда был милостив и щедр.

Во Флоренции посланник Лихачов пробыл с лишком месяц; видел там европейскую жизнь лицом к лицу со всякими ее диковинами и дивами, видел великолепные палаты, роскошные сады, фонтаны, где беспрестанно вода прыгает на дробные капли, а к солнцу, что камень хрусталь; смотрел там все; по потешным дворам и по палатам ездил 8 дней, в садах пробыл целую неделю: а в садах красота и благоухание ароматное; а красоту в садах нельзя описать; да и вообще сознавался, что «иного описать не уметь, потому, кто чего не видал, тому и в ум не придет». Удивлялся тамошним жарам великим: каково там о Крещеньи, у нас на Руси таково и о Иванове дни. Вообще провел там время совершенно по-европейски и очень весело: был на *публичном рыцарском игрище в мяч*, был даже на балу у флорентинского князя, где было собрано больших думных людей с женами с 400 челов., и ночь всю танцовали, сам князь и сын и братья и княгиня.

Представлялся не раз княгине и напоследях — торжественно, в присутствии девиц и сенных боярынь, которых было ста с два. По просьбе княгини для подарка ее новобрачной невестке сделал ей по русскому обычаю две шубки, одна под камкою, другая под тафтою, у одной испод горностаиной, а у другой белий; и вздела княгиня на себя и дивилась, что урядно выделали. Заметил, что тамошние женщины ходят — сосцы голы и на головах нет ничего, между тем как русские женщины закутывали себя и почитали великим стыдом и грехом опростоволоситься, т. е. вообще носить волосы открытыми.

К довершению многочисленных удовольствий, какие почти каждый день должен был испытывать наш посланник, его три раза приглашали в театр, в комедию. Об одной комедии он оставил небольшую записку, в которой говорит:

«объявились полаты, и быв полата и в низ уйдет; и того было шесть перемен. Да в тех же полатах объявилось море колеблемо волнами, [а] в море рыбы, а на рыбах люди ездят; а [\[100\]](#) вверху полаты небо, а на



облаках сидят люди; и почали облака и с людьми на низ опущаться; подхватя с земли человека под руки, опять в верх же пошли; а те люди, которые сидели на рыбах, туда же поднялись в верх, за теми, на небо. Да спущался с неба же на облаке сед человек в карете; да против его в другой карете — прекрасная девица; а аргамачки (кони) под каретами, как быть живы, ногами подрягивают. А князь сказал, что одно солнце, а другое месяц. — А в иной перемене, в полате, объявилось поле, полно костей человеческих; и враны прилетели и почали клевать кости. Да море же объявилось в полате, а на море корабли небольшие и люди в них плавают. — А в иной перемене объявилось человек с 50 в латах, и почали саблями и шпагами рубиться, и из пищалей стреляти, и человека с три как будто и убили. И многие предивные молодцы и девицы выходят из-за занавеса в золоте и танцуют. И многие диковинки делали. Да вышед малый, почал прошать есть, и много ему хлебов пшеничных опресночных давали, а накормить его не могли». [\[101\]](#)

Кроме удивления, изумления, восторженной похвалы, посланник не высказывает никакого суждения обо всех этих заморских диковинках, не высказывает о них своей русской мысли, т. е. насколько все это погибельно с точки зрения древнего благочестия. Он ставит только факты и свое простодушное изумление пред ними, полное детской наивности. Конечно, его описание, как и сам он говорил, представляло только весьма бледный очерк того, что он видел на самом деле. Зато, нет сомнения, его рассказы были полнее, изобразительнее и возбуждали большое любопытство в молодом царе Алексее, который по своему уму и по своим наклонностям не мог, слушая их, оставаться с одним только подивлением. Мы не говорим о других подобных рассказах других путешественников или знакомых царю иностранцев, каков, например, был Ив. Гебдон, игравший весьма значительную роль по части знакомства с Западом. Известно, что вскоре по возвращении в Москву Лихачова, в шестидесятых же годах XVII ст., царь принялся устраивать в своих загородных дачах роскошные дворцы (в Коломенском) и роскошные сады (в Измайлове) со всякими европейскими затеями. Не могла остаться совсем покинутою и мысль о театре. Конечно, для исполнения такой мысли требовалось прежде всего живое сочувствие со стороны семьи, именно от самой царицы; но, кажется, первая супруга царя, Марья Ильична, не совсем благоволила к подобным иноземным затеям. Другое дело дворцы и сады, как бы они ни были роскошны и великолепны; об них никакого запрещения в старом Домострое не было. Напротив, там очень выхвалялась заботливость о хорошем хозяйстве.

## Первый русский театр (Преображенский театр)

Но театральное зрелище, по понятиям старины, все-таки было угодием соблазнительным и погибельным. И надо было, чтобы мысль о нем совершила должный оборот, прожила в умах известное время, когда все в ней дикое сделалось бы только диковинным. Такое время настало вместе со вторым браком государя на Нарышкиной. Рассказывают (Берх [\[102\]](#)), что молодая царица была





очень веселого нрава и весьма охотно предавалась разным увеселениям, а потому царь, страстно ее любивший, старался доставлять ей всевозможные удовольствия. Матвеев, ее воспитатель, остался руководителем и ее увеселений.

Театр был открыт и на нем поставлена пьеса, объяснявшая в лицах даже соответственное новой царице положение, т. е. пьеса с намеками на современные события царского дворца. Первые представления так называемых комидий явились у нас в 1672 г., через год после государева брака с Нарышкиной. Любопытно также, что год рождения в Москве театра совпал с годом рождения великого преобразователя нашей жизни, Петра. В это время в Москву прибыли странствующие немецкие актеры. Как они прибыли, неизвестно;<sup>[103]</sup> но без особого дозволения или даже и вызова они приехать не могли, потому что для иноземцев всюду существовали тогда самые крепкие заставы и сторожи в лице пограничных воевод, которые были обязаны задерживать таких путешественников и тотчас давать знать в Москву о их прибытии. Быть может, вызову этих актеров способствовал известный Матвеев, который потом и заведовал всем ходом и устройством этого небывалого дела в царском дворце.

Итак в 1672 году странствующая немецкая труппа, верно не очень большая, под управлением магистра Ягана Готфрида Грегори находилась уже в Москве. Рейтенфельс в своих записках рассказывает следующее: «в последние годы царь (Алексей Мих.) позволял прибывшим в Москву странствующим актерам показывать свое искусство и представлять историю Ассуира и Эсфири, написанную комически». Затем он объясняет, как вообще началось это невиданное в Москве дело. «Узнавши, что при дворах других европейских государей в употреблении разные игры, танцы и прочие удовольствия для приятного препровождения времени, царь нечаянно приказал, чтобы все это было представлено в какой-то французской пляске. По краткости назначенного семидневного срока, сладили дело, как могли. В другом месте, прежде представления следовало бы извиниться, что не всё в должном порядке; но тут это было бы совершенно лишнее: костюмы, новизна сцены, величественное слово: иностранное и стройность неслыханной музыки, весьма естественно, сделали самое счастливое для актеров впечатление на русских, доставили им полное удовольствие и заслужили удивление. Сперва царь не хотел, чтобы тут была музыка, как вещь новая и некоторым образом языческая; но когда ему сказали, что без музыки точно так же невозможно танцевать, как и без ног, то он предоставил все на волю самих артистов. Во время представления царь сидел перед сценою на скамейке; для царицы с детьми был устроен род ложи, из которой они смотрели из-за решетки или, правильнее сказать, через щели досок; а вельможи (больше не было никого) стояли на самой сцене. Орфей, прежде нежели начал пляску между двух подвижных пирамид, пропел похвальные стихи царю».<sup>[104]</sup> Это было в субботу на Маслянице. В тот же день царь увеселялся на Москве-реке медвежьей потехою, а ввечеру смотрел фейерверки.

Мы можем принимать этот рассказ Рейтенфельса за известие о первом театральном представлении в московском дворце, в чем, по-видимому, нельзя и



сомневаться, ибо комидия была изготовлена наспех в одну неделю, т. е. в течение той же Масляницы, когда обыкновенно позволялись всякого рода зрелища и даже всякого рода разгул. Вместе с тем, имея в виду последующие действия царя относительно устройства этих зрелищ, мы относим описанный спектакль именно к Маслянице 1672 г., [105] когда суббота этой недели приходилась 17 февраля. С этого дня и должна начинаться история нашего театра.

Потеха, как говорит Рейтенфельс, очень понравилась, и нет сомнения, что тогда же актеры были оставлены для устройства новых представлений. Наступивший затем великий пост, Святая и весеннее время, в которое царь потешался обыкновенно соколиною охотой, не были удобны для представления комедий. Между тем мая 30 государь был неизреченно обрадован рождением сына, царевича Петра — будущего преобразователя. Для Нарышкиной, как и для всех ее родных и приближенных, а стало быть, и для Матвеева — это было торжество действительно неизреченное. В тот же день главные из них получили повышения в чинах и Матвеев вместе с отцом царицы пожалован в окольничие. 2 июня, в воскресенье, в самое заговенье на Петров пост, в Золотой Царицыной палате государь давал боярству и дьякам родинное [106] пиршество, простое, нечиновное, без зову и без мест, т. е. с устранением старых чиновных порядков столованья.

Можно думать, что за этим, так сказать, кабинетным пиршеством, на общем веселии, между разговорами о разных веселостях было вспомнито и о немецкой комедии и тут же решено устроить комедию во дворце постоянную. И в действительности, на третий же день, как только отошло пиршество с неизбежным похмельем, июня 4 государь «указал иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедию, а на комедии действовать из библии книгу Эсфирь и для того действия устроить хоромину вновь». Вновь здесь вовсе не значит, что была старая такая хоромина, взамен которой строилась эта новая. Слово это означает постройку новой особой хоромины, назначаемой исключительно для комедиальных только действий. Очень замечателен самый выбор пьесы, ибо история Эсфири некоторыми сторонами и особенно общим своим смыслом указывала на историю государева брака с Нарышкиною. Смысл этой истории заключается в том, чтобы показать, как Бог низвергает сильных, возвышает уничиженных и расстраивает все козни врагов.

## Синопсис библейской история Эсфирь; популярные пьесы

Однажды персидский царь Ассуйр (Артахсеркс Долгорукий) во время веселых роскошных пиров, разгоряченный вином, так увлекся общим ликованьем и разгулом, что повелел привести на пир свою царицу, чтобы показать ее, как красавицу своим собеседникам. Царица, по восточному обычаю, почитая недостойным для себя и унижительным вообще для женской чести явиться среди веселого мужского собрания, отказалась исполнить волю царя-супруга. Оскорбленный публичным непослушанием супруги, Ассуйр решил развестись с ней и отдал это дело на обсуждение верховного совета. Царская Дума представила, что поступок царицы подает повод и всем другим женам не слушаться своих мужей, а потому и одобряла намерение царя удалить от себя



царицу. Вскоре был обнаружен об этом и указ царя; царь было и раскаялся, что строго осудил супругу, но было уже поздно, ибо однажды утвержденный указ по тамошним законам почитался неизменным. Тогда вельможи предложили ему собрать из всего царства всех прекрасных девиц и из них выбрать себе супругу. Невесты были собраны и в числе их чудная красавица иудеянка Едисса (мирта). Ее представил ко двору один из привратников, ее дядя, Мардохей, у которого по смерти родителей она воспитывалась вместо дочери. На нее и упал царский выбор. Тогда ей дали новое имя Есфирь (сокровенная). Царь возложил на нее венец и провозгласил своею супругою.

В это время любимцем и временщиком у царя был некто Аман, до того возвеличенный, что по приказанию царя пред ним все должны были преклонять колена, когда его встречали. Мардохей, почитая это идолопоклонством, не исполнял царского повеления и не кланялся гордому временщику. Аман разгневался и решился отомстить. Он начал клеветать на иудеев, привел их у царя в немилость и выпросил повеление истребить в один день всех иудеев во всем царстве. Назначен был уже и день. Иудеи трепетали, молились. Мардохей заклинал царицу спасти их, умолять царя об отмене указа. Есфирь приняла на себя этот подвиг и достигла цели. Своим поведением она так умилостивила царя, что тот обещал ей исполнить все, чего она ни пожелает.

На первый раз она пожелала только одного, чтобы царь вместе с Аманом пришел к ней на пир. На пиру, очарованный супругою, Асуир снова дает обещание исполнять все ее желания. Есфирь опять просит одного, пожаловать к ней на пир с Аманом и на другой день. Аман радуется такому благоволению и еще больше возвышает свою гордость. Одно не дает ему покоя — это непокорение Мардохея, который и с места пред ним не встает, в то время как все повергаются на землю при одном появлении временщика. В несказанном гневе, он готовит иудеянину виселицу. Но Бог хранит своего раба. Царь случайно вспоминает заслуги Мардохея и хочет его наградить. Он спрашивает Амана: какой почести заслуживает человек, которого царь желает наградить? Аман принял это на свой счет и предложил царю, что такого человека надо облечь в царскую одежду, возложить на него венец, посадить на царского коня и провести торжественно по всему городу. Асуир одобрил предложение и повелел Аману же все это исполнить для почести Мардохею. Временщик никак не ожидал такой развязки, но должен был покориться. После церемонии он был позван на условленный пир к царице, на котором Есфирь получает от царя опять то же обещание: исполнить все, чего она захочет. Тогда царица рассказывает своему супругу о замыслах Амана в его же присутствии. Дело кончается тем, что Аман был повешен на той же самой виселице, которую готовил Мардохею, а все враги иудеев по всему царству были истреблены. Мардохей стал любимцем царя и заступил место Амана. [\[107\]](#)

Особенный драматизм всей этой истории давал легкую возможность составить из ее содержания очень занимательную пьесу для «действия», которую, быть может, и сочинил придворный учитель Симеон Полоцкий, если она тогда же не была переведена с немецкой или польской уже готовой комедии. [\[108\]](#) Сколько было тут



понятного, даже родственного для тогдашней дворцовой публики и в положении лиц, и в их обстановки, и в их стремлениях.

Если мы припомним историю царского брака на Нарышкиной, [\[109\]](#) то увидим, что история о Есфири давала довольно намеков на современные дворские отношения, что роль Есфири походила на роль царицы Натальи во время ее избрания в невесты так, как роль Мардохея на роль ее родственника и воспитателя Матвеева. Кто указывал на Амана, неизвестно, но Матвеев прямо мог думать о Богдане Хитрово, царском дворецком и тогдашнем любимце царя Алексея, как это рассказывается записками о таких отношениях его сына, Андрея Матвеева. [\[110\]](#)

Очень понятно, сколько и сама царица Наталья интересовалась представлением такой комедии. Комидейная хоромина была построена по указу государя в селе Преображенском, разумеется, на государевом дворце, в котором, таким образом, полагался первый камень преобразования нашей общественной жизни.

Преображенский дворец, теперь к сожалению уже не существующий, достоин вечной памяти за то именно, что в нем зачинались почти все общественные наши реформы, начиная с мелочей, с бритья бород, и восходя до преобразования войска.

Постройка этого первого театра была произведена со всем нарядом на счет двух приказов Володимирской и Галицкой Четей, которыми тогда управлял Артемон Матвеев; стало быть, он и был главным и непосредственным двигателем этого дела, которое во дворце, быть может, не всеми и одобрялось, а потому и исполнялось вдали от дворцовых расходов. Сохранилась записка о лесном материале, который был употреблен на постройку этой комидейной хоромины. В дело пошло на стены 542 бревна в 4 саж. длиною, что дает повод заключать, что пространство хоромины было не меньше 30 арш. в квадрате при высоте в 6 арш. На переводины пошло 25 деревьев по 10 саж. длины и 50 деревьев семисаженных. На полы и потолки — 493 доски; для стропил 50 деревьев семисаженных и 300 деревьев в 4 саж. В кровли и на внутреннюю отделку 4220 тесниц. Для дверей и окошек 28 колод. Внутри устроены рундуки, полки (места амфитеатром), лавки и подмости в ямах, т. е. на сцене, для рам и декораций. Перед хороминою был устроен обширный рундук, т. е. помост с входными ступенями. Кругом она была огорожена забором со створчатыми воротами. На всякие лесные запасы вышло больше 1000 руб. — Из дворца было отпущено довольно значительное количество червчатого (красного) и зеленого сукна на уборку новопостроенной хоромины. Октября 27 выдано в комединную хоромину в Преображенское на обивку стен и на мосты (полы) сукон анбурских половинками, три половинки червчатых, две половинки зеленых да половинка сукна лятчины. [\[111\]](#)

Из этого указания видно, что в конце октября хоромина, совсем уже выстроенная, убиралась или наряжалась начисто. Кроме внутренней уборки сукнами и коврами, для представлений построено было всякое потешное платье и написаны рамы перспективного письма, т. е. декораций. Без сомнения, помянутое действо Есфири в течение ноября до заговен, т. е. до 14 числа, давалось не один раз. Играли, быть



может, и другие какие-либо небольшие пьесы, например, интермедии и т. п., нечто вроде теперешних водевилей.

Затем в наступивший пост царь, конечно, не мог смотреть подобных зрелищ, и потому представления начинаются опять в мясоед уже в январе 1673 года. [112] На время поста театральные уборы, ковры, сукна и всякое потешное платье были вывезены из хоромины и сложены в палату на кремлевском дворе боярина Милославского, который после его смерти еще в 1668 году поступил в число дворцовых зданий, хотя все еще по старой памяти именовался двором Милославского. Это так называемый Потешный дворец, впоследствии Комендантский дом. По-видимому, комедии очень понравились царю Алексею, а особенно, быть может, молодой царице. Новый сезон примечателен тем, что на этот раз для театра было устроено новое помещение в кремлевском дворце, в особой комидийной палате.

Действительно, ездить зимою в Преображенский театр было далеко и по многим причинам весьма неудобно. Надо было подниматься всем двором, со всем семейством ехать ночью по сугробам сокольничьего поля, обременять таким выездом весь дворовый чин, не говоря уже о состоянии здоровья, а также и о гостях, для которых эта далекая ночная потеха была бы тоже не совсем приятна, тем более, что приглашение к ней всегда являлось в форме повеления, которое, хочешь не хочешь — надо было исполнить. Таким образом, зимний сезон требовал театрального помещения в городских дворцовых зданиях, в Кремле. Распоряжения о театре начались 22 января, в день бракосочетания с царицею, который, вероятно, царь хотел провести весело. Он тогда приказал «над аптекою, что на дворце, в палатах, построить как быть комидейному действу».

Нет сомнения, что или сам государь или царица думали, что такое дело можно сделать скоро, в один день, чтоб к вечеру было и готово. Когда, быть может, объяснилось, что так скоро невозможно устроить театр, в тот же день, 22 января, был отдан другой приказ: «хранившиеся в Кремле театральные вещи перевезть в село Преображенское и там комидейную хоромину нарядить по-прежнему, чтоб к комидейному действу января к 23 числу все было готово». Тотчас перевезли все надобное на 8 подводах и к наряду купили гвоздья двоетесного и одготесного и луженого, также ременья, скоб, крючья, проволоки железной. Неизвестно только, состоялся ли в назначенное число этот Преображенский спектакль. Должно полагать, что он был отменен, ибо в тот же день, 23 ген., государь дает повторительный указ, чтобы «над приказом Аптекарския палаты в палатах построить и нарядить, как быть комидейному действу», и из Преображенской комидейной хоромины перевезть декорации, рамы перспективного писма, в Москву, в упомянутые палаты над аптекою, которые тогда же и перевезены.

Надо было очень спешить, потому что до Масляницы оставалась с небольшим неделя. Постройка комидии была поручена стрелецкому сотнику Данилу Кобылину из полка полковника Бухвостова. Из стрельцов же назначены и плотники, 20 челов., а для поспешенья велено взять и больше, почему и прибавлено еще 5 челов. Они работали пять дней, с 25 января по 29 и даже по ночам, для чего





куплено 100 свеч сальных больших за 15 алт. — Как все было построено, неизвестно. Знаем только, что палата была постлана войлоками (47 штук), а по ним коврами; двери и стены обиты также коврами и сукнами; к связям в своде были привязаны брусья, к которым сукна прибиты; сцену отделял особый брус с перилами, на котором положены две полстки; было устроено три завеса на толстой железной проволоке и на медных кольцах, которых к новому завесу употреблено 60 штук; куплено 10 деревянных подсвечников, которые были утверждены на досках; куплены также две дубовые большие скамьи, а из Преображенского перевезено и особое место, быть может государево; кроме того, выкрашены голубцом какие-то четыре балеты. При перевозке из Преображенского рам — декораций, 36 штук, оказалось, что большие и средние рамы в двери новой комидейной палаты не прошли, почему были перетерты, т. е. разрезаны и построены сдвижными с приделкою 100 задвижек и 200 скоб железных. Эти декорации писал и устанавливал живописец Петр Гаврилов Энглес.

Между тем в Новонемецкой слободе магистр Яган Готфрид учил актеров к комидейному действию, детей из Новомещанской слободы (теперь улицы Мещанские), для чего Матвеев 22 генваря приказал ему в эту школу отпустить 2 саж. дров с Малороссийского двора (улица Маросейка).

Неизвестно, в какой день начались представления в новой театральной палате, но вероятно уже на Маслянице, начавшейся со 2 февраля. Кажется, комидия дана была два раза, ибо в это время в два дни перевезено из Немецкой слободы до дворца 60 человек детей, которые участвовали в комидейном действе; привозили по 30 ч. в день; это число и должно обозначать всю труппу, бывавшую на представлении. Кроме того, в комидии действовали и актеры — немцы, Тимофей Гасенкрух с товарищи, названные игроцами. Оркестр тоже состоял из немцев-музыкантов и управлялся полковником Николаем Фанстаденом. Все эти немцы были привозимы во дворец три раза и, следовательно, играли один, третий, раз какие-либо свои игры, без актеров-детей.

С наступлением великого поста театр был оставлен, и возобновился уже весной, [\[113\]](#) после Троицына дня, в селе Преображенском. На другой день этого праздника, мая 19, царь со всем домом переехал туда на летнее житье. 22 числа Матвеев приказывает «из Кремлевских полат, что на дворце над аптекою органы и рамы перспективного письма и что есть, как было наряжено для комидейного действия, все перевезть в село Преображенское, в комидейные хоромы и те хоромы нарядить против прежнего». Опять на 15 подводках повезены были 32 рамы декораций, 9 ковров, сукна, скамьи, органы; опять семь человек плотников с мастером перспективного письма Энглесом уставливали рамы и устраивали все, что было надобно.

Сколько раз давались в это время представления, неизвестно. Но недели через три, 16 июня, у магистера Ягана Готфрида началось новое ученье комидейного действия: вновь выбрано было в комедианты 26 человек мещанских детей, которые и отезены к нему в школу в Немецкую слободу на 5 подводках. К осени готовилась новая комедия о младшем Товии. 6 октября по царскому указу Матвеев приказал



выдать «магистру ко исправлению комедии на платье ангелов и на молодого Товию и на одеяние его спутышественников» 30 рублей из доходов Приказа Галицкой Чети. 7 октября Готфрид деньги получил на строенье комедии, как он упомянул в росписке. 9 октября из дворца отпущено в Преображенское в комединную хоромину на обивку стен 216  $\frac{1}{2}$  арш. сукон анбурских червчатых. Между тем еще с 5 октября государь со всем домом отправился на богомолье к Троице несколько позднее обычного сентябрьского похода, по той причине, что 22 августа в пятницу шестого часа в 3 чети даровал Бог государю дочь, царевну Наталью Алексеевну, и до истечения срока родинного времени царице подняться в поход было нельзя. С богомолья государь возвратился 26 октября прямо в Преображенское, где со всей семьей и оставался до филипповских заговен, т. е. до 14 ноября. Через несколько дней по приезде, 2 ноября, ввечеру государь ходил в комидию, смотреть действия, как немцы действовали. [114] Вероятно, до 14 ноября комидийное зрелище повторилось не один раз. Потом в рождественский мясоед следующего 1674 года мы находим комедию опять в кремлевском дворце, откуда на Маслянице во вторник 24 февр. она снова перевозится в Преображенское. В этот день Матвеев приказывает по повелению государя: «из полат (кремлевских), что построены над аптекою для комидейного действия, рамы, ковры, сукна, стулы и всякой наряд и органы перевезти для комидейного же действия в село Преображенское в комидейные хоромы, наскоро».

В тот же день восемнадцать подвод повезли в Преображенское весь этот театральный наряд, служивший, таким образом, убранством и для кремлевского театра в каменных палатах, и для деревянного театра в Преображенском дворце. Туда же тотчас вызваны были из Москвы придворный органист Симон Гутовский с учениками, а из Новонемецкой слободы игрецы Тимофей Гасенкрух с товарищами и музыканты, которые все и привезены были на 8 подводах. Между тем тогда же для комидии был куплен стол дубовый за 20 копеек. В пятницу на Масляной 27 февраля комидия была перевезена на 16 подводах со всем нарядом и с органами опять в кремлевские палаты для комидейного же действия, которое, по всему вероятно, в тот же день и представлялось. С окончанием Масляницы был закрыт и театр.

Что было в весенний мясоед, нам неизвестно. Осенью, в сентябре, государь справлял две семейные радости: 1 сентября всенародно с подобающим торжеством объявлял сына царевича Федора Ал. наследником царства, а с 4 числа праздновал новое рождение царевны Феодоры. Пирь по случаю объявления царевича продолжались в течение сентября, 1, 6, 17 чисел; потом был совершен обычный поход к Троице. Празднование родин началось с 1 окт., когда был дан родинный стол; затем 4 окт. новорожденную царевну крестили, а 8 был крестинный стол.

В эти дни для увеселения дворцового общества на дворце была поставлена старинная музыкальная потеха, которую в молодости во время первой своей свадьбы царь Алексей было отверг, как бесовское угодие. Снова явились трубачи, накрачи, сурначи, литаврщики, набатчики, которые принадлежали собственно к



военным хорам и, быть может, по особенной торжественности или громозвучности своей музыки потребованы на этот раз и для увеселения дворца. Затем развеселившийся государь 21 октября созвал к себе в потешные хоромы на вечернее кушанье все боярство с некоторыми дьяками и даже со своим духовником и угостил гостей на славу, водками, ренским, романею и всякими разными питиями: пожаловал их своею государскою милостию, напоил их всех пьяных.

Во время пира, который продолжался почти до 6 часов другого дня, изволил государь себя тешить всякими игры, и его тешили и в органы играли, а играл в органы немчин; и в сурну и в трубы трубили и в суренки играли и по накрам и по литаврам били — во вся. Пир был в полном смысле предшественником пиров петровских. Само собою разумеется, что не одною же музыкою потешался государь; вероятно, ее сопровождали и другие всякие игры. После этих кремлевских увеселений, справив подобающим чином родительскую Дмитровскую субботу поминовения умерших, государь на другой день, 25 окт., выехал со всем домом в село Преображенское и оставался там до 13 декабря, потешаясь время от времени соколиною охотою, комидиями и выездами в близлежащие загородные дворцы, в Измайлово, в Алексеевское. [\[115\]](#)

Немецкие комидейные потехи даны были на Преображенском театре три раза во время мясоеда. В первый раз была «комидия как Олаферна царица царю голову отсекала», т. е. Юдифь, та самая, которую наши послы в 1635 г. [\[116\]](#) смотрели во дворце у польского короля; — тешили в. государя иноземцы и на органах играли немцы да люди дворовые боярина Артем. Серг. Матвеева. С государем были в комедии бояре, окольнічие, думные дворяне, думные дьяки, ближние люди все, и стольники и стряпчие. А которых бояр, окольнічих, думных дворян и ближних людей не было в походе, т. е. в Преображенском, и за ними были посланы нарочные с указом быть непременно в Преображенском, т. е. в театре.

Другая комедия была Есфирь: как Артаксеркс велел повесить Амана по царицыну челобитью и по Мардохеину наученью. В комидии с государем была царица, царевичи и царевны — все семейство, а также бояре, окольнічие, думные дворяне, думные дьяки, ближние люди; стольники и всяких чинов люди. Тешили государя и публику немцы же да люди боярина Матвеева — и в органы играли, и на фиолях, и в страменты, и танцовали.

На заговенье, ноября 14, была снова потеха, а тешили в. государя иноземцы, немцы да люди боярина А. С. Матвеева, на органах, и на фиолях и на страментах и танцовали и всякими потехами розными (тешили).

В зимний мясоед 1675 г. в четверг на Маслянице, 11 февраля, была комидия, вероятно в Кремле. Тешили в. государя те же действующие лица, иноземцы да люди б. Матвеева всякими розными играми; началась комидия в пятом часу ночи или в десятом по нашему счету, отошла комидия до света за три часа, следовательно, в пятом часу пополночи, и продолжалась, стало быть, около семи часов. Весенний мясоед и все лето государь со всем домом прожил на Воробьевых горах; оттуда перешел в с. Коломенское и потом уже 9 ноября в Преображенское,



где и жил по 15 декабря, изредка делая выезды в Москву. Быть может между 9 и 14 ноября в окончание мясоеда и дана была какая-либо комедия по примеру предыдущего года.

Подтверждение этому находим у Лизека, который пишет следующее: «чрез несколько дней после нашего отъезда (7 ноября, если принять русский стиль), немецкие комедианты имели представлять комедию, которая, как они уверяли, доставит большое удовольствие царю, если только в ней будет участвовать один из наших слуг. Это был балансер, заслуживший своими шутовскими и ловкими действиями всеобщее удивление, особенно русских, которые единогласно решили, что он чародей и морочит добрых людей бесовскою силою. В самом деле, над его фокусами нужно было призадуматься. Например: он перекрестит несколько раз ножи, и они сами собой поднимают венки и деньги. Как мы ни присматривались к его штукам, но никак не могли отгадать причины странных явлений. Немцы и некоторые из русских просили послов (цесарских) оставить его в Москве, пока он покажет свое искусство царю и царице; но желание их не было исполнено. По отъезде нашем, слух дошел до царя, и он тотчас послал вслед за нами генерала Менезиуса, бывшего некогда послом в Вене и Риме с переводчиком, чтобы воротить в Москву нашего слугу-фокусника. На третий день они догнали нас в почтовых санях и, объяснив желание царя, просили отпустить сказанного слугу и уверяли, что царь отдарит его щедро и тотчас отпустит назад. Послы предоставили ему на волю. Он воротился в Москву, в царских палатах два раза показывал свои фокусы и удивил царя и царицу. К нам он примкнул в Вистервице в Моравии, промотавши все, что подарил царь».<sup>[117]</sup>

В зимний мясоед 1676 года царь заболел и 30 января скончался. Театральные представления должны были остановиться на долгое время... Вскоре и главный директор этого первого театра боярин Матвеев в том же году подвергся царской опале и наконец ссылке. Потеряв такую важную опору, немецкая труппа удалась, вероятно, восвояси. Люди Матвеева также частью были разосланы по деревням или же поступили к новым помещикам. Таким образом, только что возникшая комидия упразднилась сама собою.

Но если зрелища, в течение четырех лет утешавшие государя и двор, прекратились, то все-таки они не могли пройти без следа собственно для народа, по крайней мере для московского общества, в низменных его слоях, откуда по большей части выбирались актеры и статисты для царских комидий. Зрелища прекратились, но осталась мысль, что они позволительны, что в них нет особого греха, как учили люди Стоглава и Домостроя, ибо и сам великий государь со всем своим государским домом, со всею боярскою палатою и даже с людьми всякого чина свободно потешались комедиями, интермедиями и всякими подобными играми, и своим присутствием на этих играх как бы освящали их гражданство в ряду всех других неотреченных народных увеселений; оставалась, одним словом, мысль, что можно продолжать такие зрелища собственными средствами. С этого времени немецкая комидия свила, так сказать, гнездо в московском обществе. Таким гнездом были ее ученики, молодежь из мещанства и подьячества.



Как только, еще в 1672 году, магистр Яган Готфрид Грегори получил приказание поставить на Преображенской сцене книгу Есфирь, то, без сомнения, тогда же и образовалась театральная школа. Ученики или актеры, как мы видели, набраны были из мещанских, а отчасти и из подьяческих детей; из мещанских Новомещанской слободы потому, что эта слобода была вновь населена большею частию выходцами из западного края, которые поэтому и на комидии смотрели другими глазами, более свободными, чем коренные москвичи, кровные дети старого Домостроя, т. е. окрепшей во всяких запрещениях древнерусской культуры.

В коренных москвичах произошло бы от таких выборов великое мнение и смущение, а потом, пожалуй, и возмущение, ибо к тому все готовилось ввиду борьбы староверства с разными новинами. Должно быть, ученики набирались и во всякое время, смотря по тому, сколько новых актеров или статистов требовала поставляемая вновь пьеса. Впрочем, постоянное число их в первое время доходило кажется только до 30 человек. Положение этих маленьких актеров было вообще незавидно. Они сначала не получали за свое ученье даже кормовых денег. В 1673 г. один из них, подьячишка Васка Мешалкин с товарищами, [\[118\]](#) подал государю челобитную, в которой объясняли: «отослали нас (в июне с 16 числа 1673 г.), холопей твоих, в Немецкую слободу, для научения комидейного дела к магистру к Ягану Готфрету, а корму нам ничего не учинено; и ныне мы, по вся дни ходя к нему магистру и учася у него, платишком ободрались и сапожишками обносились, а пить-есть нечего и помираем мы голодную смертью. Милосердый государь! вели нам поденной корм учинить, чтоб будучи у того комедийного дела, голодную смертью не умереть». По этой челобитной велено им выдать кормовые деньги с 16 июня, как они поступили в ученье, по грошу в день человеку, т. е. по 4 деньги, с разрешением выдавать по стольку же во все время, покамест в ученьи побудут, но, однако ж, с свидетельством, т. е. с аттестациею магистра об их успехах и старании. [\[119\]](#)

Успехи и старание этой малолетней русской труппы засвидетельствованы самыми пьесами, которые она время от времени представляла государю. Из случайных заметок в современных дворцовых записках мы уже знаем, что на дворцовой сцене даны были комедии: 1) Есфирь, 2) Юдифь, 3) Товия младший. Но репертуар этим не ограничился. Сохранилось в рукописях еще несколько комедий, иггранных в то же время, о чем положительно говорят их прологи или предисловцы, и эпилоги, которыми всегда открывалось и закрывалось действие и которые обыкновенно восхваляют царя Алексея. Таковы: 4) малая прохладная комедия о Иосифе, т. е. о преизрядной добродетели и сердечной чистоте; 5) малая комедия Баязет; 6) о Навуходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцах, в печи сожженных. Затем к тому же времени должно отнести: 7) комедию о Блудном сыне; напечатана в Москве в 1685 г. с картинками, по образцу лубочных сказок; 8) историю о царе Давиде и о сыне его Соломоне премудром, составленную по книге царств, а быть может и по изложению хронографа; [\[120\]](#) 9) Алексей, Человек Божий, диалог в честь царя Алексея. «Представлен в знамение верного подданства





через шляхетскую молодь студентскую в коллегиуму киево-могилянскому на публичном диалоге». Напечатана в Киеве 1674 г. февраля 22.

Комедии 6 и 7 писаны стихами и принадлежат перу Симеона Полоцкого. Много вероятного, что и первые 5 комедий переведены, а иные, быть может, переделаны или и составлены им же. Он был придворным учителем, ритором и пиитом, и знатоком иностранной, именно светской и особенно польской литературы, откуда легче всего было черпать по крайней мере образцы для первых драматических или, как тогда говорили, комидейных сочинений. Другому некому было и поручить такого нового дела. Упоминается еще о комедии Темир-Аксаково действо, которая была в Верху у государя, но была ли поставлена на сцену, неизвестно, как замечает Соловьев (История XII, 171 [\[121\]](#)). По всему вероятно, это та самая комедия, которая названа Баязетом. По свидетельству Пекарского, она «написана в 4 действиях, в которых есть все театральные эффекты и ужасы, сражения, [\[122\]](#) убийства и т. п.». Дело идет между Баязетом и Тамерланом, союзником Палеолога и, следовательно, защитником христиан. В лице Баязета выведена самонадеянная гордыня. «На сцене происходит сражение; Тамерлан остается победителем и является в битве на коне, к нему приводят побежденного Баязета в клетке, где он и разбивает себе голову. В пьесе есть шутовские сцены; шут называется по-голландски Пикель-Гярингом; помещены также и веселые песни». [\[123\]](#)

### Комедия Юдифь и проч. при царе Алексее

Комедия Юдифь, библейский сюжет которой достаточно известен, принадлежит к числу переводных [\[124\]](#) и, нет сомнения, к числу первых, представленных при царе Алексее, ибо в ней проходит тот же драматический мотив, что и в Есфири. Она заключается торжеством утесненных и униженных иудеев, выставивших на стенах своего города главу высокомерного Олоферна и провозгласивших всенародно: «Зде висит яростная глава того мучителя, знаменующе, яко Господь Бог гордым противляется, смиренным же дает благодать». Комедия сочинена в семи действиях, а действия распределены на сени, явления, всего 29 сеней и одно междосение после третьего действия. Всё первое действие, 4 сени, происходит у ассириян, готовящихся наказать иудеев за непокорность. Второе — в 3 сенях, печаль и сетования иудеев, самохвальство Олоферна и радость его солдат, что началась война и им стало жить хорошо и привольно, да и прибыточно, потому что грабеж, разбой — военное дело. Третье, 5 сеней с междосением, идет вперемежку, то у иудеев, пребывающих в страхе и в печали, то у Олоферна, продолжающего возноситься и презирать даже благоразумные советы одного из своих воевод. В том же порядке идут и 3 сени четвертого действия, в конце которого является Юдифь. Пятое действие, и 5 сенях, идет также вперемежку между сценами печали и молитвы у иудеев и сценами солдатского пира в стане ассириян, и солдатского плена, т. е. вообще солдатскими сценами, грубыми, цинически шутивными. Шестое действие, 5 сеней, продолжает перемежку сцен Юдифи и Олоферна и оканчивается, для остановки в интересном месте, шутивную казнь у



иудеев пленного солдата. Точно так же идет и седьмое действие, то у Олоферна, то у Юдифи, оканчиваясь ее торжеством.

Все действующее общество главным образом является в трех видах. Одни, царь Навуходоносор, а затем главное лицо Олоферн с воеводами изображают непомерную гордыню, высокомерие и самовосхваление; для большего блеска этих качеств введен Ахиор, муж правды и благоразумия, за что потом и страдает. Другие — иудеи, первосвященник, старейшины и пр., изображают печаль угнетения, смирение и надежду на милосердие Божие; третьи — ассирийские солдаты, равно и служанка Юдифи, представляют грубые, своекорыстные и цинические интересы простонародья и солдатства. Поэтому в этом последнем виде сосредоточивается и все комическое этой комедии или собственно драмы, т. е. все шутовское, ибо так комическое в то время понималось.

Нельзя сказать, чтобы представленная здесь характеристика солдатства рисовала только польское войско; здесь общими чертами обозначено солдатство, каким оно было в XVII ст. во всей Европе, даже и с подсмеиванием над жидами по поводу свиного мяса. Вообще во всей комедии ничего не видно особенно польского, как и особенно немецкого, за исключением названий чинов: гетман, войсковой маршалок, поручик, ротмистр, бурмистр, которые могут указывать лишь на западнорусское происхождение переводчика, как и выражения: укус-вкус, ходи брате; но он же называет палача мейстер-никелем, а храмы языческие мечетями. Затем остается столько же намеков на старые русские нравы и русские бытовые положения; подарок переводится поминком, офицеры — сотниками. Когда перед виселицею прощается с жизнью солдат, шут Сусаким, то говорить между прочим: «Простите вы, благородные сродники мои из пятерых чинов: ярышки, чуры, трубочистники, брения возники и благородные чины духовные, иже при церкви просящею милостынею питаются». Должно полагать, что комедия некогда принадлежала общеевропейской средневековой литературе, откуда перешла в Польшу, а потом и в Москву. Нет сомнения, что переводчиком был Симеон Полоцкий. [\[125\]](#)

Цветы остроумного и смешного заключаются в том, что тот же Сусаким, когда ему лисьим хвостом, вместо меча, отрубили будто бы голову, в испуге думает, что действительно умер; опомнившись, рассказывает, как мнится ему, что «живот его отступил из внутренних потрохов в правую ногу, а из ноги в гортань и правым ухом вышла душа», потом, приходя в себя, собирает раскиданное вокруг платье; токмо не знает, где его глава, везде ищет главы своя и затем обращается к публике, прося отдать ему голову, если кто из любви и приятства скрыл ее, и т. д. Когда Юдифь совершила свой подвиг и, отдавая служанке Абре голову Олоферна, торопит ее спешно идти, бежать скорее, та заключает самое действие следующим замечанием: «что же тот убогий человек скажет, егда пробудится, а Юдифь с главою его ушла?»

Комическое более тонко проведено в этой последней 3 сени VII действия в разговорах между Олоферном и Юдифью, где замысловато поставлена игра двух стремлений: распаленный вином Олоферн изъясняется пред Юдифью в любви; та



дает ответы согласия, утверждающие главным образом ее заветную решимость лишить его жизни. Сень открывается заздравным кубком Олоферна в честь Навуходносора. В это время появляется Юдифь.

Одид. Велеможный Олоферн! Зри, какая семо приходит пресветлая звезда!

Олоферн. Истинно богиня некая еврейская та нарещися может.

(Вагав просит или сапоги, или саблю, хочет бежать или главы лишиться.)

Олоферн. Что глаголеши глупче?

Вагав. Аз мню [\[126\]](#) тому достойно быти, да глава ему отсечена будет, иже от таковы прекрасавицы бежал или утрашилсся ее.

Олоферн. Кому бежати или утрашитисся? Никако! Но приятствую, да сея нощи главу свою на лоне ее держу.

Юдифь. Милостивый господине! Бог сие желание твое исполнити может.

Олоферн. О! садися победительница храбрости моя, обладательница сердца моего! Садися возле мене, да яси и пиеси со мною, веселящисся; ибо яко ты едина мое непобедимое великодушие обладала еси, тако имаши милость мою сама ни чрез кого же иного совершенно употребляти.

Юдифь. Ей, господине мой! Аз возвеселюся усердственно; никогда же еще такой чести восприях (Зде она оглядывается и говорит: Абра! Дай ми еству, юже про мене уготовила еси (Зде тихо говорит: Да не отходи же прочь ни пяди; слышишь ли?

Абра (дает ей еству и молит: Где мне отходити, собаки бы мя заели.

Олоферн. О вы мои воины! Пию же к вам про здравие сея красавицы, яже впредь еще асирием заступление ытии мать.

Сисера. Ей истинно Навуходносор великий нарицается бог Юпитер, ты же Олоферн еси Марс; чем же ассирийское небо возможет лучше украшено быти яко сицевым прекрасным солнцем?

Вагав. Тогда же аз Меркурием буду, понеже сию богиню Венус к Марсу привел есмь.

Абра (говорит отай: Аз же хотя малою планетою буду у печи.

Все пьют за здравие прекрасной Олоферна. Юдифь просит не называть ее так, потому что она только раба Олоферна. Олоферн объясняет ей, что она уже не раба его, а повелительница, ибо прехрабрейше его учинилась; он еще не единожды не приступал к городу, а она, презрядная гражданка, уже Олоферновым сердцем обладает.

Юдифь. Ей воистину! Когда бы милости твоя сердце в владении своем имела, то бы почитала, яко весь свет себе в свойство получих.

Олоферн. К сицевому получению бози тя сея нощи сподобят.

Юдифь. Благоволение Божие с надеждою моею да исполнитсся.



Олоферн. Не зриши ли, прекрасная богиня! Яко сила красоты твоя мя уже отчасти преодолевает; смотрю на тя, но уже и видети не могу, хочу же говорить, но языком (Зде он говорит яко пьяный) больши прорещи не могу... Хочу, хочу, но не могу же; не тако от вина, яко от силы красоты твоя аз ниспадаю...

По этому отрывку можно судить и о свойствах языка комедии, невероятно тяжелого и большею частию темного, особенно в разглагольствиях и рассуждениях, которыми до чрезвычайности растягивается и замедляется ход пьесы. В видах придать ей некоторое оживление, сверх шутовских сцен, внесено и несколько песен. Так после 3 действия в междосении поют зело жалобно каждый свой стих пленные цари; в 5 действе, сень 2, поют веселую песню пирующие солдаты; а в конце пьесы поют торжествующую песнь освобожденные иудеи. Песнь солдат отличается даже некоторою легкостью стиха. Орив поет:

О братья наши!  
Не печалитесь,  
Ни же скорбите,  
Но веселитесь.  
Кто весть, кто из нас утре в живых будет?  
Смело дерзайте,  
Пока живете;  
Не сомневайтесь,  
Но веселитесь,  
До коих мест сердце в теле живет.[\[127\]](#)

Вообще должно заметить, что тяжесть мудрых нравоучительных и рассудительных разглагольствий, какими всегда наполнялись комедии, хорошо чувствовалась их составителями или переводчиками и потому необходимою принадлежностью тогдашнего зрелища являлась всегда интермедия, нечто подобное теперешнему фарсу или дивертисменту. Так, сочинитель комедии о Блудном сыне в ее прологе говорит, что разделил пьесу на 6 частей и после каждой части «нечто примесихом, утехи ради, потому что все стужает (надоедает), что едино без перемен бывает». Примесил же он к комедии пение, игранье на органах и intermedium.

О комедии «Алексей Божий Человек» мы упоминаем после всех других по той причине, что очень сомневаемся, была ли она представлена «в присутствии Алексея Михайловича при московском дворе». [\[128\]](#) На это не находим доказательств ни в самой пьесе, ни в известиях о первых наших театральных зрелищах. Верно только то, что она играна студентами в Киеве в 1673 году, «в знамение верного подданства и в честь царю Алексею». В сущности, это было восхваление и прославление московского царя. В Москве же играть эту пьесу не было достаточных поводов, и едва ли бы царь Алексей согласился поставить на



сцену своей комедийной хоромины личность своего тезоименитого ангела, которого житие читалось благоговейно только на царских именных трапезах. Комедия неудобна была для Москвы и особенно для царского дворца даже и по языку, испещренному не только южнорусскими, но во многих местах и польскими речениями. Если б она была играна в Москве, то непременно ее переделали бы на московскую речь, разумеется книжную, какую отличаются все остальные комедии. Одним словом, в Москве она была бы наряжена в московский костюм и самые сцены были бы названы не находениями, а сениями, как они назывались даже и в последующее, уже петровское время.[\[129\]](#)

Нам кажется, что одною из первых комедий, представленных в Москве, в присутствии государя, была комедия Баязет. В ее эпилоге актеры говорят царю следующее: «Как древле пали все снопы пред единым снопом Иосифа, кланяясь, так и мы падаем на землю пред царским вашим величеством. Но что может значить наш поклон пред величеством и милосердием вашим? Однако ж, как некогда великий Александр, царь Македонский, сосуд студеной воды принял в дар от одного из рабов своих, предпочтя оный другим золотым жертвам, так и мы, уповая на превысокую милость в. ц. в., припадаем паки смиренно к подножию вашего престола, униженно моляще, да благоволит в. ц. в. сию малую и вскоре сотворенную комедию от нас, яко еще неискусных и несмышленных отрочат, всемилостиво восприяти».[\[130\]](#) Так могли говорить только те русские ученики-комедианты, с которыми ставил комедии магистр Яган.

В другой комедии о Иосифе они тоже засвидетельствовали свою работу, объясняя, что паки (опять) малую, прохладную о преизрядной добродетели и сердечной чистоте комедию в действие о Иосифе в пречестные очи (царя) предпоставити умыслили и не отчаиваются, что обычная милость государя окажет свое благоизволение и к этому детскому действию их (во всемилосердом пресмотрении детского действия нашего проводите оное благоизволите).[\[131\]](#) Есть намек об отрочестве артистов и в жалобной комедии о грехопадении Адама и Евы, где они именуют себя человеческими отроками и смиренно молят царя о прощении, что ныне при потешных радостных комедиях и едину малую жалобную комедию, т. е. об Адаме и Еве, примешали.[\[132\]](#) Радостными комедиями, без сомнения, названы те, где торжествует добродетель, т. е. вера в Бога, смирение и т. д., каковы, например, Есфирь, Юдифь, Товия, Баязет. В падении Адама, в торжестве греха, конечно, кроме жалости, никакой радости быть не может, вот почему она и отличена от других комедий именем жалобной.

Мы не имеем сведений о том, продолжались ли театральные зрелища при царе Федоре Ал. и в правление царевны Софии. Можно полагать, что в осенний мясоед 1679 г., когда молодой царь неоднократно выезжал в Преображенское, там в ряду обычных веселостей могли быть представляемы и комедии. Вообще же время Федора, как особенно время Софии, не было благоприятно для подобных утех. Еще по смерти царя Алексея царская семья разрознилась, разделась на две враждебные стороны, посреди ее шла постоянная темная смута и ненависть; притом именно та сторона (Нарышкины), которая наиболее благоприятствовала





европейским новинам, с каждым днем все больше теряла свою силу и власть; другая сторона, забиравшая эту власть в свои руки, в лице своих деятелей числила очень многих ревнителей старого благочестия, да и сама стремилась утвердить свое значение на особом уважении к его порядкам и формам. Правила же старого благочестия совсем отвергали не только упомянутые утехи, но и малейшее отступление от укрепившихся обычаев. Все это мало способствовало тому, чтобы во дворце поддерживались Алексеевские немецкие потехи — комедии, как увеселения общие, общественные для дворца.

Однако ж достаточно распространилось и утвердилось как факт мнение, что «в теремах просвещенной европейским учением царевны Софии Ал. представляли не только духовные трагедии, написанные другими, но и собственные ее сочинения и переводы; что она сама в представлении участвовала с приближенными боярышнями и царедворцами». Мне известно по семейным преданиям, писал кн. А. Шаховской, что прабабка моя Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня царевны Софии Алексеевны, представляла лицо Екатерины-мученицы в трагедии, написанной самой царевной (так она сказывала своей дочери, а моей бабке), и что Петр Великий, бывая всегда при театральных зрелищах в теремах своей сестры, прозвал Татьяну Ивановну «Екатериной-мученицей — большие глаза». При этом автор говорит еще, что представления в теремах завелись в 1690 году и что Дмитревский полагал, что Мольеров «Врач поневоле» если и не переведен самою царевною, Софиею, то верно игран в ее теремах. [\[133\]](#) Знающему читателю очень заметны рассказанные здесь несообразности.

К сожалению, писатели о театре, вообще мало знакомые со своею историею, повторяли и даже распространяли краткое, но ошибочное указание Штелина, который в своем «[Кратком] известии о театральных в России представлениях» написал между прочим так: «царевна София с благородными девицами и мужчинами играла также в комедиях». [\[134\]](#) Заметка верная в отношении царевны, только не Софии, а Натальи Алексеевны, тоже сестры Петра, о которой во времена Штелина, стало быть, успели уже совсем забыть и помнили только одну царевну Софию, оставившую по себе историческую память, которой поэтому и присваивали все, чем замечательна была какая-либо царевна. Наталья Алексеевна († 1716) действительно была страстная любительница театра [\[135\]](#) и немудрено, что комедии давались у ней даже в ее хоромах с 1690 г., когда ей было уже 17 лет. Вероятнее, однако ж, что они ставились на старом Преображенском театре. Верно также, что она сама сочиняла разные комедиантские действия, ибо Бассевич прямо свидетельствует, что «принцесса Наталья, младшая и любимая сестра императора, говорят, сочинила незадолго до своей смерти две пьесы, расположенные по очень умному плану и в которых были подробности, не лишенные красоты, но недостаток в актерам помешал представить их на сцене». [\[136\]](#)

Другой иностранец Вебер рассказывает, что «Наталья Алекс. (уже в Петербурге) заставляла играть драматические пьесы, которые смотреть волен был всякий». [\[137\]](#) Для помещения театра избрали огромный пустой дом, где устроили партер и ложи. 10 актеров и актрис были природные русские, не выдавшие ничего кроме России, а

потому можно вообразить себе их искусство. Великая княжна и сама сочиняла по-русски трагедии и комедии, заимствуя для них сюжеты из Библии или из обыкновенных вседневных приключений. Роль арлекина (непременное лицо) поручена была одному обер-офицеру, и он вмешивался со своими шутками туда и сюда в продолжение представления; потом выходил оратор и рассказывал о содержании и ходе пьесы, а наконец следовала и самая пьеса, где была изображена неудачность восстаний и всегда несчастный конец их.

В этой пьесе, так объясняли Веберу современники, было выведено на сцену одно из последних стрелецких возмущений». Пекарский, у которого мы заимствуем эти сведения, открыл и самую пьесу, это — Стефанатокос, где аллегорически представлен заговор Шакловитого, со вставкою эпизода (IV действие) из старой комедии — Есфири.<sup>[138]</sup> После смерти царевны осталось довольно комедиантских письменных книг, составлявших целую библиотеку, таковы: о Георгии и Плакиде, тетрадь о страдании Ксенофонта и Марии, тетради Крисанфа и Дарии,<sup>[139]</sup> Адриана и Наталии, Июлиана, Евстафия Плакиды, Павла и Иулиании, Искупление человека от падения его, Повести о цесаре римском Отте.<sup>[140]</sup> Таким образом, театральные репертуар царевны Наталии носил в себе еще идеи XVII ст., держался около церковной книжности, а потому вместе с характеристикою самого спектакля, сделанною очевидцем Вебером, дает довольно определенное понятие о том, как составлялось и как велось комидийное действо и при царе Алексее. Затем согласимся, что все рассказываемое в разных историях нашего театра о царевне Софии должно относиться к царевне Наталии, ибо современных известий об артистических предприятиях царевны Софии, как и вообще о дворцовых театральных зрелищах в ее время, мы покуда не имеем.

Заметим кстати, что при Петре, во время свадьбы шута Филата Шанского в 1702 г., комедия дана была уже в Грановитой палате, куда 26 генваря к строению будущей диологии с Казенного двора отпущено на 20 персон тафты разных цветов 200 арш. Да на завес тафты лазоревой 50 арш.; а февр. 10 в Оружейной палате велено изготовить к комедии: 12 киризов (кирасы) и лат с шапки, 15 пансырей с мисюрки, 12 сабель. Новое название диология очень верно определяло целый отдел пьес в тогдашнем репертуаре, в которых не было никакого драматического действия, а были только разговоры аллегорических лиц с целию изъяснить какую-либо общую нравственную или политическую мысль, с целию указать неисповедимые пути Божьего Промысла в жизни людей или же оправдать дела государевы и осмеять его врагов — приверженцев староверства и невежества.

## Примечания редактора издания

[1] См. «О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. (Третья книга «Путешествия» Олеария.)» Перевод с нем. изд. 1656 г. А. Михайлова. Архив историч. и практич. сведений, относящ. до России, издав. Н. Калачовым, 1859, кн. 3, с. 36—37. Ср. перевод А. М. Ловягина. СПб., 1906, с. 188—191. — Ред.

[2] На поле печатного оригинала 1872 г. (Дом. быт русских цариц, изд. 2, с. 401) замечено: «Исповедь стр. 403», а далее на листке, добавленном к стр. 447, чит.: «401. Исповедь — Что запрещалось». Кроме соответствующих мест на стр. 403 (в настоящем издании — ниже, с. 697), ср.



Потребник, М., 1651, лист 153 («исповедание миряном») — «или сотворил еси пир с смехотворением, и плясанием, или слушал еси скоморохов, или гуселников, или пел еси песни бесовские, или слушал еси иных поющих», лист 155 об. — «Согреших, ... любя игры, и плясания, и всякая дела бесовская»; см. также листы: 161 об. («исповедание детям малым»), 164 об. («исповедание женам»), 167 — «Согрешила, слушая гудения гуслей, и всякого скоморошества бесовского неистовства», 177 (исповедание священником), 181 — «Согреших, господине отче, на игрищах позоров смотрях, и скомрахов, и всяких игр бесовских, прилежне смотрях, и сам та сотворях, и повелевах игры творити, и шахматы, и лейки, и зерньми, и прочая бесовьская начинания сотворих и смотрях». Возможно, что автор имел в виду принадлежавший ему список Потребника (№ 529), где почти все отмеченные места автором подчеркнуты. Этот список поступил, как и все рукописи автора, в Исторический музей. Ср. также А. Н. Веселовский. Разыскания в области рус. духовного стиха. VII. II. (Сборн. отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наук, т. XXXII. СПб., 1883), с. 196—197, где приведены выдержки из Требника по ркп. Н. С. Тихонравова. — Ред.

[3] См. Домострой... Сообщ... Д. П. Голохвастовым. М., 1849, с. 13, 38, 43, 46; ср. Домострой по Коншинскому списку и подобным, к изд. приготовил А. Орлов. М., 1908, отд. II, с. 10, 21—22, 24. — Ред.

[4] Летописи русской литер. и древн., изд. Н. Тихонравовым, т. IV, М., 1862, «Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов». [См. с. 90, 94 и 96 и Кормчая, М., 1653, л. 197 и обор. (62 Правило 6 Вселенского Трулльского Собора). — Ред.]

[5] На поле печатного оригинала 1872 г. автором добавлено: «Цитата». См. 60 Правило Поместного Собора в Карфагене — «Еллинская пирования да престанут, своего ради безобразия, и еже многи привлачати христианы, и во дни памяти мученик тому бывати. Толкование. От древних обычаев приимше чловецы, еже собиратися на нарочитых местах, или при церквах в памяти святых, мужи и жены сходящися пирования творят, и упившися пляшут срамно, и ина некая безобразная творят, иже суть обычай еллинские прелести, отселе ни в священных местах, идеже бывають памяти мученик, ни на иных местах таковому быти, правило не прощает: но до конца таковое пирование отсекает, яко многи христианы привлачающе, и ведуще в погибель» (Кормчая. М., 1653, листы 140 об. и 141); ср. также 68 Правило того же Собора (там же, л. 143) — «Иже от поганских обычаев сотворяемии пирове, да будут отвержени»... Как здесь, так и выше (см. с. 698 прим. 1) автор пользовался принадлежавшим ему списком Кормчей (№ 399), поступившим в числе рукописей автора в Исторический музей, см. листы 154—154 об., 156, 195 об. — Ред.

[6] Памятники российской словесности XII века, изд... К. Калайдовичем, М., 1821, с. 94 [и сл.].

[7] Ср. Д. В. Поленов. «Житие св. Нифонта Константиноградского по рукописи XII—XIII века», Известия Импер. Ак. Наук по отдел. рус. яз. и слов., т. X; соответствующее место см. в извлечении из Жития на стр. 381—382. — Ред.

[8] На поле печатн. оригинала автором отмечено: «Потребн. XV в. ирим». Какую именно рукопись имел в виду автор, установить нельзя; впрочем, поставленные, хотя и позже, точки над первыми тремя буквами последнего слова могут, пожалуй, указывать, что все эти буквы не что иное, как инициалы «Импер. Росс. Истор. Музея», но среди Требников Музея списка, который можно было бы здесь отметить, не имеется. — Ред.

[9] Ср. Дополн. к Акт. Историч. Т. I. СПб., 1846, № 22, с. 18—19; см. также Чтения в Импер. Общ. Ист. и Др. Росс., № 4. М., 1846. Смесь, с. 59—62 и П. С. Р. Л. Т. IV. СПб., 1848, с. 278—281. — Ред.

[10] Маскевич, 62. [Сказания современников о Дим. Самозванце, ч. V. Записки Маскевича. СПб., 1834, с. 62. — Ред.]

[11] См. «Выписки из подлинного жития препод. Феодосия». Прибавление от редактора [И. И. Срезневского], Ученые Записки 2 Отд. Импер. Ак. Наук. Кн. II, в. II. СПб., 1856, с. 192. Ср. также Чтения в Импер. Общ. Ист. и Др. Росс. 1879, I, л. 34 об. (Житие преп. Феодосия по сп. XII в., изд. О. М. Бодянским и А. Н. Поповым). — Ред.



- [12] Ср. Русские Достопамятности... Ч. I. М., 1815, с. 95 и 98. См. также «Памятники древне-русского канонич. права». Часть первая, изд. 2. СПб., 1908 (Русск. Историч. Библ. т. VI, изд. 2), с. 8—9, 13—14. — Ред.
- [13] Памятн. Росс. Слов. XII в., изд... К. Калайдовичем. М., 1821, с. 187. [Ср. Памятн. древне-рус. канонич. права. Ч. I, изд. 2. СПб., 1908, с. 40].
- [14] Ср. Правосл. Собеседн., 1859, № 4, с. 471 (Поучение о праздновании воскресного дня из Измарагда к. XV или нач. XVII в.) и И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестн. и неизвестн. памятн. СПб., 1874, с. 325—326 (Поучение о пьянстве из Дубенского сборн. правил и поучений XVII в.); Труды Киев. Дух. Акад., 1887, № 5, с. 90—91 и В. А. Чоговец. Препод. Феодосий Печерский. Киев, 1901, с. 118—119 (Поучение о праздниках господьских по сборн. слов и житий Киев. Дух. Ак. XVI и XVII вв.); В. А. Яковлев. К литер. ист. др.-рус. сборн. Опыт исслед. «Измарагда», Одесса, 1893, с. 100 (Слово о пьянстве Григория Богослова). См. также, изд. под ред. А. И. Пономарева. Памятн. древне-рус. церковно-учит. литературы. Вып. 3. СПб., 1897, с. 69, 99, 103. — Ред.
- [15] См. Домострой... Сообщ... Д. П. Голохвастовым, М., 1849, с. 14. — Ред.
- [16] Так в печатн. оригинале 1872 г., когда настоящая глава входила еще в состав Дом. быта русских цариц; см. соответствующее место в 3 изд. этого сочинения, на с. 379. Ср. также выше, с. 579. — Ред.
- [17] См. Юрий Толстой. Сказания англичанина Горсея о России в исходе XVI столетия. Отеч. Записки, 1859, сентябрь, с. 135. Ср. Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. Перев. с англ. Н. А. Белозерской... СПб., 1909 (изд. А. С. Суворина), с. 74. — Ред.
- [18] См. с. 169 наст. изд.
- [19] Неправильное чтение летописи, по которому этот игрец выходил греком Арганногем [в оригинале — Арганнагем], раскрыто кн. Оболенским во Временнике Импер. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 16. М., 1853. Смесь, с. 21 и сл. [См. также Древности Росс. госуд. Отд. IV. М., 1851, с. 88. — Ред.]
- [20] См. ниже, с. 727 и сл. — Ред.
- [21] Отечественные Записки. Ч. 44. СПб., 1830 (кн. 125) [ — Пребывание Бруина в Москве, с. 6. Ср. Путеш. через Московию Корнилия де Бруина. Пер. с франц. П. П. Барсова, проверен. по голландск. подлинн. О. М. Бодянским. М., 1873, с. 69—70. — Ред.].
- [22] Карамзин. История госуд. Росс., т. VIII, прим. 16.
- [23] (Манштейновы) современные записки о России... Перев. с франц. подлин. [проф. Гр. Глинка], ч. 2, Дерпт. 1810, с. 64. В «Записках Манштейна о России», перев. с франц., с подлин. ркп. Манштейна, изданн. в прилож. к «Русской Старине» (1875 г.), соответствующего места нет: ср. с. 184. — Ред.
- [24] См. Карамзин. История госуд. Росс., изд. 5, т. IX, с. 97. — Ред.
- [25] Приор Джерио, см. Карамзин. История госуд. Росс., т. IX, прим. 329. — Ред.
- [26] П. С. Р. Л. Т. III. СПб., 1841, с. 167. В таком смысле, кажется, должно понимать указанный здесь текст летописи. [Ср. впрочем ниже, с. 725. В соответствующем месте летописи о медведях, принадлежавших архимандриту, точных указаний не дается. — Ред.]
- [27] В Истории госуд. Росс. Карамзина, т. IX, прим. 405, чит.: «утаити, что». — Ред.
- [28] См. Карамзин. История госуд. Росс., изд. 5, т. IX, прим. 405 и 406. — Ред.
- [29] См. Сказания современ. о Димитрии Самозванце. Часть V. Записки Маскевича. СПб., 1834, с. 61. — Ред.
- [30] Подлин. свидетельства о взаимных отнош. России и Польши... Собр. и изд... Павел Муханов. М., 1834, с. 266.



[31] Покроми, обрезки сукна по кромке, из которых, от сукон разных цветов, и шили это дурацкое платье. Сорочкою назывался оберточный конец сукна, или его обертка из другой, например лощеной клеенчатой, ткани, на которой бывали тканые и даже писанные расцветочные изображения фабричных знаков, букв, гербов и т. п. Из писанных суконных сорочек шит был летник дурке Манке 27 марта 1619 года. [На одном из рабочих экземпляров 1 изд. Дом. быта русских цариц, где первоначально была напечатана настоящая глава, автором прибавлено: «Клеенка Слов. Ком. мешок для сохранности сукна, лощенка». См. «Словарь коммерческий, ... Перев. с франц. яз. В. Левшиным», ч. III, М., 1790, с. 229, где под словом «Клеянка» чит. сл.: «Толстое посконное полотно, наклеенное, выкрашенное иногда разными красками, и вылощенное, употребляемое в подкладку платья в тех местах, где оному должно быть твердо. — Род клеянки крашенной называется Лощенка, оную употребляют на подбой платья мужского и женского, также на мешки для сбережения сукон и других материй, чтоб цвет их не портился и пыль бы не нападала...» — Ред.]

[32] См. также ниже, с. 752, где упоминается дурак Исай под 28 марта 1645 г. — Ред.

[33] (Манштейновы) современ. записки о России... Пер. с франц. подлин. [проф. Гр. Глинка], ч. 2, Дерпт, 1810, с. 65. В «Записках Манштейна о России», перев. с франц., с подлин. ркп. Манштейна, изданн. в приложении к «Русской Старине» (1875 г.), соответствующего места нет: ср. с. 184. — Ред.

[34] О дураках см. также ниже в Материалах V, 1. — Ред.

[35] См. «Русские народные картинки» Д. А. Ровинского. Кн. V. СПб., 1881, с. 31 и 34. — Ред.

[36] Краткое известие о русской торговле... в 1674 г. Сочин. И. Ф. Кильбургером. Пер. с нем. СПб., 1820, с. 183. — Ред.

[37] Они описаны покойным И. М. Снегиревым, но без приведений всех подлинных текстов [«Лубочные картинки русского народа в московском мире». М., 1861]. Самое полное и обстоятельное описание таких листов с полными текстами составлено Д. А. Ровинским в его Истории русской гравюры. [В 1881 г. вышли в свет его «Русские народные картинки» в 5 книгах с атласом.] Некоторые списки лубочных текстов и вообще старинные шутовские статьи были изданы особою книжкою с заглавием: Старичек Весельчак, рассказывающий давние московские были. [См. напр. изд. 1790 года в СПб. (О cure и лилице — с. 26—42). — Ред.]

[38] На поле печатн. ориг. 1872 г. автором добавлено: «кабак», см. сочинение автора «История города Москвы», ч. I, изд. 2. М., 1905, с. 639—640. Служба кабаку имеется в двух списках Исторического музея; выдержки из нее по сп. Румянц. Муз. см. в труде А. Е. Викторова «Собрание рукописей И. Д. Беляева». М., 1881, с. 34—36. Выдержки из «Хождения попа Савы» см. в «Истории города Москвы», с. 639. — Ред.

[39] Акты, собран... Археогр. Эксп. Т. III. СПб., 1836, с. 212. Собр. государств. грамот и договоров. Ч. III, М., 1822, с. 331. [Сведения о кн. Хворостинине относятся к 1623 и 1632 годам. — Ред.]

[40] Так в 1 изд. Дом. быта русских цариц (с. 423), во 2 же изд. (с. 432) после слова «шестов» стоит запятая. — Ред.

[41] Так в оригинале; следует читать: «четвертому». — Ред.

[42] К. Калайдович, в предисловии к Древним Российским Стихотворениям, собран. Киршею Даниловым. М., 1818, с. XXIX. [См. Сборник Кирши Данилова, изд... под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901, с. 216. — Ред.]

[43] См. «Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—20 гг.», издан. П. К. Симони в «Памятн. старин. рус. яз. и словесн...». Вып. II, 1. СПб., 1907. — Ред.

[44] Песни собран. П. В. Киреевским, часть II, вып. 6. М., 1864, с. 202, 203, 207. Записки Импер. Академии Наук. Т. V, кн. 2. СПб., 1864, с. 203.

[45] На поле печатн. оригинала автором отмечено: «Тексты вполне». См. ниже Материалы V, 2. — Ред.





- [46] Таубе и Крузе, см. Карамзин. История государства Российского. Т. IX, примечания 158 и 159. — Ред.
- [47] См. П. С. Р. Л. Т. III. СПб., 1841, с. 167. Ср. также выше с. 711 прим. 3. — Ред.
- [48] Викторов. Описание..., с. 107.
- [49] О происхождении слова «скоморох» см. у А. Н. Веселовского в «Разысканиях в области рус. дух. стиха», VII. II. (Сборн. отд. рус. яз. и сл. Импер. Ак. Наук, т. XXXII. СПб., 1883), с. 178—182. О «tandore» см. в очерке А. С. Фаминцына «Домра...». СПб., 1891, с. 116, прим. 2. Там же, на с. 45, см. о происхождении названия «домра»; ни А. С. Фаминцын, ни А. Н. Веселовский (указ, соч., с. 160—161) имени «момры» не упоминают. — Ред.
- [50] См. также выше, с. 593 прим. 1. — Ред.
- [51] О гусельниках и пр. см. также ниже в Материалах V, 3. — Ред.
- [52] См. с. 56, 74, 171 наст. изд.
- [53] См. с. 179—181 наст. изд.
- [54] Временник Импер. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 16. М., 1853. Смесь, с. 23. Арх. Оруж. Пол. Расх. кн. № 756.
- [55] См. «О состоянии России в царствование Мих. Федор. и Алексея Мих. (Третья книга «Путешествия» Олеария.)». Перев. с нем. изд. 1656 г. А. Михайлова (Архив историч. и практич. сведений, относящ. до России, изд. Н. Калачовым, 1859, кн. 3, с. 36). Ср. перевод А. М. Ловягина. СПб., 1906, с. 190. — Ред.
- [56] Ср. выше, с. 562 прим. 2. — Ред.
- [57] Ср. выше, с. 563 (День указан — 31 мая). О накрачах см. также выше, с. 582, 590, 592—593. — Ред.
- [58] См. выше, с. 593 (Пожалование обозначено под двумя числами: 27 июня и 13 июля). — Ред.
- [59] См. выше, с. 564 и 593. На с. 593 упоминается о тех же метальниках и за более раннее время — под 30 сент. 1637 г. — Ред.
- [60] См. выше, с. 590. — Ред.
- [61] Викторов. Описание..., с. 27. [Карандашом автором добавлено: «Продано Епанч. Курт. 155 г. ц. А. М.»; см. выше, с. 664 прим. 2. — Ред.]
- [62] Доп. к Акт. Историч. Т. III. СПб., 1848, с. 509. [Эта ссылка добавлена автором на одном из рабочих экземпляров 1 изд. Дом. быта русских цариц, где была напечатана настоящая глава. О карле см. ниже, с. 743. — Ред.]
- [63] О немецких потехах см. также ниже в Материалах V, 4. — Ред.
- [64] В печатном оригинале 1872 г. автором это слово подчеркнуто, а на поле против него поставлен вопросительный знак. — Ред.
- [65] Описание Государств. Архива Старых дел, составл. П. Ивановым. М., 1850, с. 296. Акты Истор. Т. IV, СПб., 1842, № 35. Акты, собр. Археогр. Экспед. Т. IV. СПб., 1836, №№ 59, 98.
- [66] На поле печатн. ориг. 1872 г. поправлено: «Никон». Ср. в примечаниях к переводу Олеария А. М. Ловягина, с. 549. — Ред.
- [67] См. перевод А. Михайлова, Архив историч. и практич. свед..., изд. Н. Калачовым, 1859, книга 6. СПб., 1861, с. 15—16; ср. перев. А. М. Ловягина. СПб., 1906, с. 325. — Ред.
- [68] См. Древн. Росс. Вивл., изд. 2, ч. XIII, с. 214; ср. Сказания рус. народа; собр. И. Сахаровым, т. II. СПб., 1849, кн. 6, с. 94. — Ред.
- [69] Г. Муркос. Путешествие антиохийского патриарха Макария. Выпуск III, 27. [=Путеш. антиох. патр. Макария..., описан. его сыном, архид. Павлом Алеппским. Перев. с арабск. Г. Муркоса. Вып. III, М., 1898, с. 26—27. На поле автором замечено: «Дополнить из Актов». Ср. Дворц. Разр., т. III, с.



457—458, где, впрочем, стол 12 февраля описан кратко. Отсутствие мясных блюд, м. б., объясняется тем, что в 1655 году 12 февраля приходилось на понедельник; ср. указанное место Дворц. Разр. и Путеш... Макария... Вып. III, с. 14, где слова переводчика: «Это была неделя пред мясопустом» могут лишь означать — это было в неделю перед Масляницей, т. е. в неделю о Блудном сыне, как это и было в действительности в 1655 г. — Ред.]

[70] На поле печатного оригинала 1872 г. автором замечено: «Грех в орех, спасенье на верх». — Ред.

[71] См. Чтения в Импер. Общ. Ист. и Др. Росс., № 1. 1846, III, с. 10 и 37. — Ред.

[72] Так в печатном оригинале 1872 г., когда настоящая глава входила в состав Дом. быта русских цариц, см. 3 изд. этого сочинения, с. 110. — Ред.

[73] Припомним, что при дворе шотландских королей в XVII и XVIII ст. тоже находились «королевские молельщики (King's Bedesman)», которые, получая от двора милостыню и содержание, должны были за то молиться о благоденствии короля и государства. Число их равнялось числу лет, прожитых королем; поэтому каждый год в день рождения государя прибавлялся к штатному числу новый богомолец. Они носили пожалованные синие плащи, отчего назывались также «синими плащами». Предисловие к «Антикварию» Вальтера Скотта. [Романы Вальтера Скотта. Том III. Антикварий. Перев. с англ., под ред. А. А. Краевского. СПб., 1845, предисловие, с. IV. — Ред.]

[74] Книга памятная деньгам Приказа Тайных дел подьячего Фед. Шакловитого 184 г. [См. Дела Тайного Приказа, кн. 3 (Рус. Истор. Библ., т. 23). СПб., 1904, с. 1375. — пожалование 6 октября. — Ред.]

[75] История русских школ иконописания... Ровинского, с. 167 [Зап. Импер. Археол. Общ. Т. VIII. СПб., 1856; ср. Обзорение иконописания в России до конца XVII в. СПб., 1903, с. 152. — Ред.]. Его учил известный в свое время жалованный иконописец Оружейной палаты Никита Павловец. В 1674 г. авг. 29 он купил своему ученику: 6 ставушечек немецких, 2 размерца немецких (циркули) и дубовый приголовашек, окованный железом, всего на 2 р. 8 алт. В записке при этом обозначено, что «по указу в. государя те ставушечки и размерцы и приголовашек взял к в. государю в Верх он же Никита ученику своему Полиехту, которого он учит по имянному указу в Верху иконному своему художеству». Арх. Оруж. пал.

[76] В 1679 г. ноября 6 куплены сапоги телятинные за 16 ал. 4 д. и отданы дураку Петру, который живет у нищих в Верху. Ноября 27 дураку Семену, который живет у нищих, куплена шапка суконная с соболем. Столбцы Арх. Оруж. пал.

[77] Имена меньших царевен см. выше, на с. 649. — Ред.

[78] См. «О государстве Русском. Сочинение Флетчера», изд. А. С. Суворина. СПб., 1905, с. 121. — Ред.

[79] См. Юрий Толстой. Сказания англичанина Горсея о России в исходе XVI столетия. Отеч. Зап. 1859. Сент., с. 151; ср. Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. Перев. с англ. Н. А. Белозерской. СПб., 1909 (изд. А. С. Суворина), с. 96. — Ред.

[80] Здесь, как и в других случаях, обозначаются те года, при которых имена встречаются в документах.

[81] О нем см. выше, с. 594—595 (под окт. 30, ноября 9 — 1640 г. и окт. 31 — 1641 г.). Вместо запятой в печатн. оригинале здесь точка с запятой. — Ред.

[82] На поле оригинала автором добавлено: «Дополн. не мало»; см. ниже, в Материалах V, 5, и ср. выше, с. 593 прим. 1, где упоминаются два слепых, Яков и Петр, под 22 сент. 1635 г. — Ред.

[83] Ср. ниже, Материалы IV, 5. О четырех карликах царевича Петра см. также выше, с. 672, о карле Якове-шуте — с. 672 (Сведения 1679 и 1680 гг.). — Ред.

[84] Так в печатном оригинале 1872 г., когда настоящая глава составляла еще часть сочинения автора: «Дом. быт русских цариц». См. 3 изд. этого сочинения, с. 373. — Ред.



- [85] О богомольцах, нищих, карлах и проч. см. также ниже в Материалах V, 5. — Ред.
- [86] На Чухлому Пятому Свиныну, к Солигалицкой городовому прикащику Федору Мичюрину, в Парфеньев Семену Дмитриевичу Опухтину, на Унжу Ивану Яковлевичу Блохину, в Судай да в Кологрив судным целовальникам.
- [87] См. перев. И. Тарнава-Боричевского. Журн. Мин. Нар. Просв., 1839. Июль, II, с. 16; ср. перев. А. И. Станкевича. М., 1906, с. 89. — Ред.
- [88] На одном из рабочих экземпл. 1-го изд. Дом. быта русских цариц, где первоначально была напечатана настоящая глава, автором добавлено: «а особенно на Маслянице». — Ред.
- [89] Дополн. к Актам Ист. Т. I. СПб., 1846, № 131, с. 199. Обыкновенная награда даже за медвежий бой, т. е. за то, что бойца медведь ел или ободрал, — бывала в это время — сукно доброе ценою в 2 рубля.
- [90] См. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «О воспрещении промысла водить медведей для забавы народа», Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2, т. ХLI, № 44065 (Высочайшее повеление последовало 30 декабря 1866 г., а для окончательного прекращения промысла был указан срок в 5 лет, считая с 1867 года). — Ред.
- [91] См. отдельный листок, приложенный к № 54 (кроме этого листка к тому же № Санктпетерб. Вед. приложено было два «прибавления»). — Ред.
- [92] В печатн. оригинале, в пункте 11 — «леженка», 14 — «показывает». — Ред.
- [93] См. «О государстве Русском. Сочинение Флетчера», изд. А. С. Суворина. СПб., 1905, с. 121. — Ред.
- [94] В изд. 1905 г.: «дает». — Ред.
- [95] В изд. 1905 г.: «ему всадить». — Ред.
- [96] В печатном оригинале — «Б. И.», но см. выше, с. 750; ср. также Росс. родосл. кн., изд. кн. П. Долгоруковым, ч. 2. СПб., 1855, с. 38, где за соответствующие годы указан лишь боярин князь Иван Борисович Черкасский († 1642). — Ред.
- [97] См. выше, с. 741, где, впрочем, говорится о львах в Вильно. — Ред.
- [98] Относится к 1869 году, когда вышло в свет I изд. Дом. быта русских цариц, где первоначально напечатана была настоящая глава. — Ред.
- [99] История России... Соловьева, т. IX. М., 1859, с. 248.
- [100] В печатном оригинале чит.: «и». — Ред.
- [101] См. Древн. Росс. Вивл., изд. 2, ч. IV. М., 1788, с. 348—354. — Ред.
- [102] Свидет. Страленберга, см. В. Берх. Царствование ц. Алексея Михайловича, ч. 2. СПб., 1831, с. 27—28. — Ред.
- [103] См. однако Н. С. Тихонравов. Русск. драмат. произвед., 1672—1725 гг. т. I. СПб., 1874, с. X—XI. — Ред.
- [104] См. перев. И. Тарнава-Боричевского. Журн. Мин. Нар. Просв., 1839. Июль, II, с. 14—15; ср. перев. А. И. Станкевича. М., 1906, с. 88—89. — Ред.
- [105] П. О. Морозов в «Истории рус. театра», т. I, СПб., 1889, с. 189, относит этот спектакль к 1673 году, а днем первого представления «Артаксерксова действия» принимает 17 октября 1672 г. (см. с. 134), согласно данным, приводимым Н. С. Тихонравовым в «Русск. драмат. произвед. 1672—1725 гг.», т. I, СПб., 1874, с. IX, прим. 1. — Ред.
- [106] Ср. однако выше с. 660 и прим. 1 на с. 661. — Ред.
- [107] Библейско-биографический словарь. СПб., 1849. [Составили Ф. И. Яцкевич и П. Я. Благовещенский. Том I, с. 178—183].



- [108] Ср. данные, приводимые Н. С. Тихонравовым в «Русск. драмат. произвед. 1672—1726 гг.», т. I. СПб., 1874, с. IX, прим. 1. — Ред.
- [109] Дом. быт русских цариц, изд. 3, с. 252—258.
- [110] См. Записки русских людей, изд. И. Сахаровым. СПб., 1841. Записки А. А. гр. Матвеева, с. 16. — Ред.
- [111] В половинке сукна считалось длины от 20 и до 40 арш.; шириною сукно бывало в 2 арш. с вершками и без вершков. См. кн. Арх. Оруж. Пол. № 390. Подробности постройки этой хоромины сообщены нам Н. С. Тихонравовым в выписках из расходных книг Владимирской и Галицкой Чети. См. его же Лет. Рус. Лит., кн. V, 28 [Летоп. рус. лит. и древн., издав. Н. Тихонравовым, 1859—1860, кн. 5 (Т. III. М., 1861), отд. II, с. 28; ср. Сочинения Н. С. Тихонравова, т. II, М., 1898, с. 74 и примечания, с. 10. На поле печатн. оригинал. 1872 г. автором помечено: «Архив Калач. 1860—61, кн. VI, все напечатано.», см. изд. Н. Калачовым «Архив историч. и практич. сведений, относящ. до России», 1860—1861. Книга шестая. М., 1869, II, с. 16—26 — «Материалы об устройстве театральн. представлений в Москве и Преображенском в 1672-м и 1673-м годах». — Ред.]
- [112] Здесь на поле печатн. оригинала 1872 г. заметка автора, приводимая ниже, на с. 762, прим. 1. — Ред.
- [113] На поле печатн. оригинал. 1872 г., хотя и в другом месте (см. выше, с. 761, прим. 2), автором отмечено: «1673 г. апр. 6 у руки Готфрид и Юрий Мих. Русь 1882 № 15. стр. 18». Эти сведения даны в статье Д. Гурина «Русский народн. театр в Москве и его значение», а ранее Н. С. Тихонравовым в «Русск. драматич. произвед. 1672—1725 гг.», т. I. СПб., 1874, с. XI. Речь идет о том, что на Святой 6 апр. 1673 г. были у государя у руки пастор Яган Готфрид и учитель Юрья Михайлович, да с ними экомедианты Артаксерксова действа. — Ред.
- [114] Выходы... царей... Мих. Фед., Ал. Мих., Феод. Алексеевича... М., 1844, с. 563. Указываемая книга Выходов 7182 г. здесь неправильно обозначена 7181 годом, отчего и мы прежде ошибочно относили этот выход в комедию к 1672 году. Срав. Дв. Разр., т. III, с. 908 и др. [909].
- [115] См. Дом. быт русских цариц, изд. 3, с. 380.
- [116] В печатн. оригинале год 1634, но ср. выше, с. 754. — Ред.
- [117] См. Сказание Адольфа Лизека о посольстве... в 1675 году. Перев. с латин. И. Тарнава-Боричевский. Журн. Мин. Нар. Просв., ч. XVI. 1837. № 11, с. 391—392. — Ред.
- [118] Из числа товарищей-комедиантов еще известны по роспискам в получении денег: Лука Степанов, Тимошка Максиков, Родка Иванов, Николай Иванов.
- [119] Времен. Импер. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 24. М., 1856. Материалы, с. 7, Лет. рус. литер. и древн., изд. Н. Тихонравовым, кн. 5 (Е. III. М., 1861), отд. II, с. 30 [ср. Сочинения Н. С. Тихонравова, т. II, с. 75. — Ред.]
- [120] Издана В. Н. Перетцом в «Памятниках рус. драмы эпохи Петра Великого». СПб., 1903, с. 457—492. Издатель предполагает, что история составлена около 1717 г., см. с. XVI; ср. также с. XV. — Ред.
- [121] Так в печатном оригинале, но см. том XIII, М., 1863, с. 171—172, где, и даются указываемые сведения. — Ред.
- [122] В книге Пекарского чит.: «сражение». — Ред.
- [123] Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862, с. 407.
- [124] На поле печатн. оригинала автором замечено: «Варн.». Не следует ли здесь видеть указания на «Историю русского театра» Б. В. Варнеке, ч. I, Казань, 1908; на 52 стр. этой книги Б. Н. Варнеке, касаясь вопроса о личности переводчика комедии, не решается принять мнения автора настоящего сочинения. — Ред.
- [125] См. выше, с. 767; но ср. также с. 767 прим. 2 и указания П. О. Морозова в «Истории рус. театра...» СПб., 1889, с. 165. — Ред.



- [126] В печатном оригинале: «мне». — Ред.
- [127] См. Древн. Росс. Вивл., изд. 2, ч. VIII, с. 187—328. Та же комедия «Иудишь» издана Н. С. Тихонравовым в «Русск. драмат. произвед. 1672—1725 гг.», т. I. СПб., 1874, с. 76—203. — Ред.
- [128] Летоп. рус. литер. и древн., изд. Н. Тихонравовым, 1859—1860, кн. 5 (Т. III. М., 1861), отд. II, с. 33 [Сочинения Н. С. Тихонравова, т. II, примечания. С. 12.], срав. Наука и Литер... Пекарского, т. I, с. 394.
- [129] Комедия «Алексей, Божий Человек» издана Н. С. Тихонравовым в «Рус. драмат. произведен.», т. I, с. 3—75. — Ред.
- [130] Комедия «Баязет и Тамерлан» издана там же, с. 204—242. — Ред.
- [131] Комедия «Иосиф» издана там же, с. 270—295; последние слова чит.: «проводити оное благоволите» (с. 270). — Ред.
- [132] «Жалостная комедия об Адаме и Евве» издана Н. С. Тихонравовым там же, с. 243—269. Ранее была им же издана в 5 кн. Летоп. рус. лит. и древн. за 1859—1860 гг. (Т. III, М., 1861), отд. II, с. 49—66. — Ред.
- [133] Летопись русского театра [кн. А. Шаховского] в [изд. И. Песоцким] Репертуаре [Рус. Театра на] 1840 г. [Т. I (кн. 6)].
- [134] С.-Петербургский Вестник 1779. Август [Стр. 85. В печатном оригинале ошибочно указан месяц июль. — Ред.].
- [135] Ср. И. А. Шляпкин. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. Памятн. древн. письмен., СХХVIII, 1898. — Ред.
- [136] См. Пекарский. Наука и Литер. в России при Петре Великом, т. I, с. 431, но у Пекарского чит., что пьесы расположены по очень удачному плану. — Ред.
- [137] Ходил в эти комедии великий брат ее Петр. В его Походном Журнал записано, что 1715 февр. 26, по прибытии в Петербург в 3 часу пополудни, государь в 6 изволил пойти к царевне Наталье в комедию. [См. Походный журнал 1715 года. СПб., 1855, с. 51. — Ред.]
- [138] Драма «Стефанотокос» издана В. И. Резановым в «Памятниках рус. драмат. литер.», Нежин, 1907, с. 233—290. Написана она вскоре после восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны, см. ст. А. М. Лободы «Школьная драма Стефанотокос по вновь найденной рукописи 1741—1743 гг.» (Чтения в Историч. Общ. Нестора летоп., кн. XV, в. 4, Киев, 1901, с. 59—61), также — Сочинения Н. С. Тихонравова, т. I, М., 1898, с. 102—103, П. О. Морозов. Истор. рус. театра, т. I. СПб., 1889, с. 350 и сл., В. И. Резанов, предисл. к упомянутому выше изд., стр. V. — Ред.
- [139] Ср. отрывок комедии Хрисанфа и Дарии, изд. И. А. Шляпкиным в исслед. «Царевна Нат. Ал.», с. 3—4. — Ред.
- [140] Наука и литература в России при Петре Великом, Пекарского, т. I, с. 391—447. [На поле печатного оригинала 1872 г. автором добавлено: «Мои выписки». — Ред.]